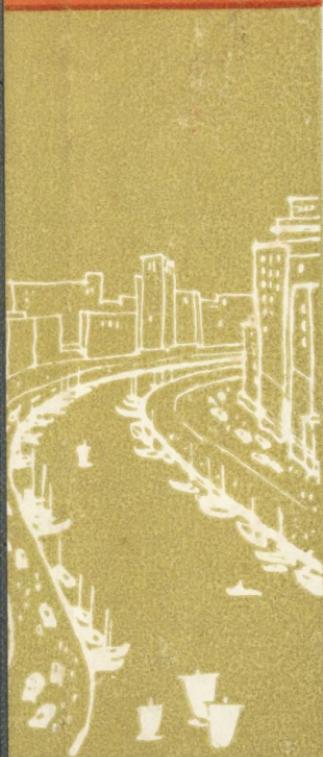

СУНЬ ЯТ-СЕН

И. Ермашев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Главной задачей в моей жизни яставил себе революцию.

Сунь Ят-сен

Жизнь
замечательных
людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 13
(388)

МОСКВА
1964

И. Ермашев

СУНЬ ЯТ-СЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

9(И)7
E72

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор
С. Л. ТИХВИНСКИЙ

Часть I. ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

Глава первая

ВЭНЬ — КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

1. Горячая земля

Солнце встает здесь рано. Оно шлет свои яркие лучи и возвещает всей Поднебесной, что настал день. И ночь уходит все дальше и дальше на север и запад, в далекие степи и полупустыни. Солнечные блики взбираются все выше по ступеням зеленеющих холмов и гор. Тут нет ни клочка пустующей земли. Все тщательно обработано: и равнины, и долины рек, и горные склоны. Но земли все равно мало. Если поровну разделить ее между всеми обитателями этих южных мест, то каждому достанется всего-навсего по полторы тысячи квадратных метров — не поле, а огород. В среднем на одно крестьянское хозяйство, а значит и на целую семью, здесь не приходится даже по одному гектару. Но и эти жалкие лоскутки земли принадлежат, как правило, помещикам, а не крестьянам. А помещику надо платить за землю рисом, плодами, трудом. Как же жить крестьянину?

Земля никогда не отдыхает. Не знает отдыха и земледелец. Из года в год, из поколения в поколение, из столетия в столетие земля должна родить, а крестьянин — непрерывно трудиться, не разгибая спины, чтобы его семья хоть как-нибудь могла существовать. Крестьянин лелеет клочок земли, поливший

его потом, удобряет, обильно орошают. Единственный помощник земледельца — щедрая южная природа. Здесь почти неизвестна зима. Летом, с июня по сентябрь, жарко и влажно — много дождей. Сеют главным образом рис.

Деревни и деревушки лепятся плотно друг возле друга. Нет ни выгона, ни лужка, ни выпаса: все под посевами. Крестьянские дома — настоящие лачуги из серого кирпича, глины, тростника, тесные, низкие, темные; почти нет двора, для несложного домового хозяйства есть закуток — довольно! Густо стоят крестьянские лачуги на клочках земли между рукавами и протоками дельты Жемчужной реки, куда сливают свои воды более двадцати рек, стекающих с гор на севере, западе, востоке Гуандуна. И среди таких же ручьев, недалеко от берега моря, и совсем близко от косы, на которой расположилась португальская колония Макао, находится небольшая деревушка Цуйхэн, каких тысячи в этих местах. Запомним это название.

Юг Китая начал заселяться более двух тысяч лет назад. Здесь было сколько угодно свободной земли. А позднее, в четвертом веке нашей эры, туда бежали с Севера, спасаясь от нашествий полудиких кочевников, жители многих городов и сел. Бежали сюда тысячи семейств бедняков, укрываясь от помещиков. Бродили по горным дорогам беглые рабы. Так Юг стал очагом крестьянской вольницы. И долгие столетия был он краем непокорным, мятежным, родиной смелых народных предводителей, вождей великих восстаний.

И еще об одном следует помнить: Юг Китая — ворота во внешний мир. Через эти ворота вторглись первые пришельцы из западных стран. И Юг первым вступил с ними в бой. «Кантонская оборона» в тридцатых и сороковых годах девятнадцатого века прославила жителей Кантона (Гуанчжоу) и всей округи.

Не в первый раз взялись тогда кантонцы за оружие. На всем Юге не утихали народные восстания. Гуандун восставал против маньчжурских завоевателей еще в 1648 году. Восемь месяцев кантонцы

выдерживали осаду маньчжуротов, и только с помощью предателей удалось насилиникам прорваться в город. Более ста тысяч патриотов пало тогда в боях. Были разгромлены и другие гуандунские города. Но борьба не прекратилась, мужество народа не угасло.

О кантонцах в одной тогдашней хронике говорится: «Никого не боятся». Кантонцы были бесстрашными патриотами. Вся округа знала об их смелой борьбе с врагами китайского народа — внутренними и внешними. Знали об этом и в деревне Цуйхэн, от которой до Кантона менее двухсот километров.

Мятежным духом был пропитан здесь, казалось, самый воздух. На гуандунской земле родился в 1814 году Хун Сю-цюань — «Хун, талантливый во всем», — ставший впоследствии вождем революционной войны тайпинов. Четырнадцать лет гремела она на китайской земле и оставила по себе глубокий след в памяти народа. Тайпинсы создали первое в истории Китая крестьянское государство, существовавшее до 1864 года. Отголоски этой борьбы еще долго проносились над страной, особенно над Югом. Гуандун был одной из тайпинских баз.

Когда в июле 1864 года столица Тайпинского государства — Нанкин — пала и отдельные отряды тайпинов стали отступать на юг, они добрались также и до Гуандуна, где осело много тайпинских воинов. Нашли они пристанище в деревнях дельты Жемчужной реки. Приютили их и в Цуйхене.

Через два года после гибели Тайпинского государства, 12 ноября 1866 года, у жителя этой деревни, бедного крестьянина Сунь Дао-чуаня родился сын — пятый по счету ребенок. Мальчику всегда были рады в китайской крестьянской семье; мальчик — будущий работник! У Сунь Дао-чуаня был сын — первенец Сунь Мэй. А-мэй — звали его дома. Жизнь в деревне была малопривлекательной, и впоследствии он уехал искать счастья на Гавайские острова. Родители вдвое радовались новому сыну. Они были люди немоло-

дые и рождение мальчика считали хорошим, даже счастливым, предзнаменованием.

Старый Сунь, по всей вероятности, не мог бы вспомнить, когда именно его предки поселились тут, в краю рек и каналов. Они, вероятно, были «хакка» — пришлыми, как и многие обитатели этих мест. Обосновались они здесь, должно быть, давно, говорили на местном, кантонском, наречии и ничем от коренных кантонцев не отличались. Домик из серого кирпича, обмазанный глиной, в котором жила семья Сунь Даочуаня, был построен или куплен одним из Суней. Собственно, это была убогая, тесная хижина, в которой жила семья Суней и хранился ее неприхотливый крестьянский скарб.

Как и во всех жилищах бедных людей, его украшением был «алтарь предков», перед которым в установленное время совершалась молитва и где возжигались ритуальные свечи. С особым старанием его украсили по случаю рождения сына. Это ведь такое событие, которое должно быть достойно отмечено. Всей родне были по этому случаю посланы яйца, сваренные вкрутую и окрашенные в красный цвет, что означало, что родился мальчик.

Когда малыш подрос, ему дали имя-прозвище Вэнь. Он любил забираться на крышу или бегать по деревне. Мать только на мгновение отвернется, а Вэня уже и след простыл. Кричи, зови — не дозовешься.

И в эти первые годы жизни очень привязался мальчик к своему дяде, учителю деревенской школы.

Дядя — человек особенный. Он совсем недавно обосновался в Цуйхэне; всего несколько лет назад появился он в этих краях и избегал говорить, где пропадал более десяти лет. Дядя воевал. Он был солдатом Тайпинской армии. Так революция, волны которой бушевали вокруг столько лет, снова пришла в лицо одного из ее бойцов в эту деревушку и тихо забралась в домик старого Суня. В рядах армии тайпинов дядя маленького Вэня прошел половину Китая, побывал и в тайпинской столице, знал дни великой славы, ему посчастливилось видеть вождей тайпинов и среди них

Хун Сю-цюаня, своего земляка-гуандунца. И хотя все они погибли, а Тайпинская армия рассеялась, зажженное ею пламя теплилось в сердцах сотен тысяч уцелевших революционных солдат, которые хранили его, чтобы завещать молодому поколению, будущим революционерам. Тайпинский солдат из семьи Сунь передаст завет борьбы самому младшему Суню.

Они часто отправлялись бродить по окрестностям, по берегам ручьев и протоков.

Во время одной прогулки дядя рассказал Вэню о революционной войне тайпинов, как началось восстание углежогов в Гуанси и как разлился по Китаю поток, едва не смывший «маньчжурских дьяволов». Так и сказал: «дьяволов», любимое слово Хуна. Хун, тайпины... Но что они хотели? Дядя сказал: они хотели, чтобы народ жил без страданий. И мальчик спросил тогда:

— Значит, виноваты во всем дьяволы, да?

И дядя ответил:

— Да, во всем виноваты дьяволы, из-за них трудно живется народу, трудно живется и семье Вэня, приходится отцу работать от зари до зари, и матери тоже, а досыта никто не ест, и деревенские дети бегают почти голые, босые.

Но маленький Сунь хотел знать, откуда же взялись дьяволы и почему люди их не прогонят. Дядя сказал, что, когда Вэнь подрастет, поймет. А пока пусть запомнит: тайпины поднялись, чтобы прогнать дьяволов. Вэнь тогда признался дяде, что хотел бы стать таким, как тот Хун, и уничтожить дьяволов. Дядя рассмеялся, а потом посоветовал Вэню запомнить слова Хуна: «Воспитывай в себе великодушие, верность, скромность и имей стыд».

С того дня младший Сунь стал нашептывать другим деревенским мальчикам про тайпинов и учить их играть в «Войну против дьяволов». Себя он называл Хуном — вождем длинноволосых, как прозвали тайпинов их врачи. Вэнь гордился этим прозвищем и решил: когда вырастет, обязательно срежет косу,

символ подчинения китайцев маньчжурам. Но вот беда: никто из мальчиков не соглашался быть дьяволом. Решили считать дьяволами собак. Мальчишки носились по деревне с распущенными волосами, с пиками и мечами — из дерева, конечно, — и, набегавши, собирались у небольшого деревенского храма, где выслушивали «повеление владыки»: о великодушии, верности, скромности и о том, что надо иметь стыд, и еще о том, что все живущие в Поднебесной — братья и сестры, и еще о том, что, когда прогонят дьяволов, пришедших из страны холода и ночи, все будут сыты и одеты.

Но скоро игры пришлось прекратить. Отец сказал, что мальчику пора помогать старшим в поле. В первые дни маленький Сунь очень уставал и, прия домой, кое-как ужинал и укладывался спать. Днем хотелось побегать, размахивая деревянным мечом, но помнил завет Хуна: «Имей стыд». Отец тяжело работал. Надо ему помогать. В поле старый Сунь по настояющему узнал сына. Поразили его находчивость и благородное мальчика. И решил тогда старый Сунь, что уже пора отдать сына в школу. И с этого времени его стали звать Сунь Вэнь.

Школа в их деревне ничем не отличалась от таких же школ в других деревнях во всех частях страны. Дети, посещавшие школу, могли научиться лишь чтению и письму. В те времена письменность и словесность считались в Китае главными науками. Математика, физика, химия, гражданская история, ботаника, география были отвергнуты маньчжурами, как выдумки «заморских чертей», иностранцев.

В школе, куда отец отвел Вэня, учителем был его родной дядя, бывший солдат Тайпинской революционной армии. Но Вэнь не узнал своего дядю. В школе дядя сидел у стола строгий, важный и отчужденный. Когда все мальчики собрались, а случилось это после новогодних праздников, учитель, на которого все смотрели с почтением и страхом, стал называть учеников по именам и спрашивать у каждого, что он уже про-

ходил, что усвоил, и тут же задавал новый урок. Вэнь ничего еще не знал — не мог бы прочитать ни одного знака, а написать и подавно. Новичкам учитель задал отдельный урок. Их учебник назывался «Троеслов» — древняя книга, непонятная детям и столь же мало интересовавшая учителя. Дядя показал, как заучивать знаки, которые он называл, не объясняя их смысла. И дети хором повторяли за ним. Так прошли первые утренние часы, пока учитель не объявил перерыва на завтрак. Вэнь весело побежал домой в своем новом халате из синей ткани. У дверей его ждала мать. Потом был перерыв на обед, и, как обычно, он ел батат (род сладкого картофеля), но по случаю поступления в школу получил еще и горсточку вареного риса с приправой из квашеных овощей. После обеда и до вечера Вэнь зубрил иероглифы, повторяя без конца первые стихи учебника: «Люди рождаются на свет с доброй душой...»

Иероглифы давались не легко. Особенно сложные, в которых по двадцать и больше черт. Не знак, а чертеж. Но Вэньправлялся с ними. Быстро и прочно запоминал. Память была у него прекрасная. Тем более что хотелось как можно скорей пройти весь «Троеслов» и махнуть на улицу, бегать, скакать, прыгать. Но дядя был строг, и Вэню приходилось сидеть над книжкой, громко, нараспив повторять урок учителю.

Когда кончили «Троеслов», оказалось, что начинается самое трудное: заучивание священных книг — очень трудных для понимания взрослыми и совсем непригодных для детского ума. Древние сказания, изречения мудрецов, поучения и наставления, исторические хроники, легенды — вот содержание этих книг. Написаны они тысячи лет назад, язык их темен, и смысл покрыт туманом. Но традиция строго предписывала, чтобы древние тексты заучивались с детства, а затем повторялись в течение всей жизни, ибо только тот, кто знал наизусть все девять священных книг, мог считаться просвещенным и добродетельным человеком, заслуживающим уважения. Каждый, даже самый бедный, китаец, где бы он ни жил, мечтал о том, чтобы его сын мог свободно читать без запинки ста-

рые книги, чем прославит всю семью, а то и весь род. Сунь Дао-чуань не был исключением. Сердце его преисполнялось чувством гордости, когда маленький Вэнь читал нараспев священные стихотворные строки. Самому Вэню это не доставляло никакого удовольствия.

Ему не хотелось без конца повторять скучные, непонятные изречения и рассуждения старых мудрецов. Зубрежка непонятных слов могла хоть кого привести в отчаяние. Древняя словесность утомляла, отупляла. А у Вэня был живой, деятельный ум. Годы шли, и ум его становился все более нетерпеливым: из старых книг он ничего не мог узнать такого, что помогало бы понять происходящее кругом. Вот, оказывается, и в далеком прошлом были несправедливости, и тогда народ страдал. Народ всегда страдалец. Что ж это такое? И думалось ему иногда и о том, что же ждет его самого, когда вырастет. Тяжкий труд, беспросветная нужда, молитва перед алтарем предков, моления в храме перед изваяниями богов...

2. Когда кончаются годы детства

Вэню пошел одиннадцатый год, когда произошло событие, имевшее важные последствия в его жизни.

Неожиданно приехал из Гонолулу, на Гавайских островах, старший брат А-мэй. В старом домике Суней царило радостное оживление, мать сияла, отец важно восседал на своем месте. А-мэй тоже важничал, не скрывал, что доволен собой и своими успехами на чужбине. Скоро у него будет собственный порядочный земельный участок и собственная лавка. И денежки у него водились. Главе дома А-мэй вручил не очень большую, но все же порядочную сумму. Вэнь слушал, развесив уши и не сводя глаз с лица брата.

А-мэй уже успел превратиться в дельца. Его страсть выражалась в деньгах и деньгами. Наживать! Приобретать! Богатеть! Старому Суню это было по душе. Пусть кто-нибудь из Суней выбьется в люди! Одно его беспокоило: в словах А-мэя, в его облике было что-то чуждое. Но, может быть, купцу прихо-

дится приспособливаться, особенно если ты живешь среди чужих людей? В родной деревне А-мэй вел себя как подобает: побывал в храме, посетил старейшину, дал деньги на приведение в порядок храма предков. А-мэй сказал отцу, что хватит пичкать Вэня древней премудростью, он хочет взять его с собой, тем более что ему нужен помощник. Старый Сунь, строго посмотрев на старшего сына, ответил, что Вэню надо еще учиться.

— Но учиться он сможет и на Гавайях, — возразил А-мэй, — у нас там превосходная школа, которую содержат миссионеры, и руководит ею священник, который очень заботится о детях.

Мать была согласна с отцом:

— Нет, Вэнь еще слишком мал, чтобы уехать из дома.

Вэнь слышал весь этот разговор и решил, что все равно уедет, в крайности — убежит из дома. Он больше не хотел зубрить старые книги, ему сразу стало тесно в хижине и в родной деревне. В мир, в широкий мир захотелось ему. И он сказал об этом А-мэю. Тот не знал, что ответить младшему братишке, хотелось увезти его к себе, чтобы не тратиться на помощника, но и родителей не следовало огорчать. Но Вэнь настаивал. Он не останется в Цуйхэне, надоело ходить в эту школу, а тут еще говорят, что скоро приедет новый учитель. А-мэй подумал и решил, что, видимо, другого выхода нет и он должен помочь младшему брату.

План они выработали такой. Через некоторое время после возвращения А-мэя на Гавайи Вэнь тайно выберется из дома, доедет до Гонконга, прошмыгнет на какой-нибудь пароход, идущий в Гонолулу, и дело с концом. На всякий случай А-мэй объяснил Вэню, как его найти в Гонолулу.

Старший брат уехал. Для младшего началась тоскливая школьная жизнь. Но он терпел. Про себя решил терпеть до тех пор, пока ему исполнится двенадцать лет. А пока не подавать виду, что твердо решил бежать. Было ему тогда неполных одиннадцать, но уже сказывалась главная черта его характера:

упорство, вера в успех задуманного и готовность встретить трудности. Вэнь присматривался к джонкам, проплывавшим мимо деревни, разговаривал с лодочниками, шаг за шагом уточнял, как можно проехать в Гонконг, выяснял, часто ли отходят суда на Гонолулу. Все запоминал. Уже исполнилось ему двенадцать лет, но план не мог быть выполнен. Только в 1879 году настал долгожданный день. А-мэй написал матери, и та согласилась проводить Вэня в Гонконг. В условленный час они сели в лодку и оказались в Гонконге, где Вэнь сел на пароход, отплывавший в Гонолулу. Перед тем как покинуть джонку, Вэнь перелистал (в последний раз!) учебник и прочитал изречение какого-то древнего мудреца: «Жизнь — это сон, а смерть — пробуждение», усмехнулся про себя и, бросив книжку под лавку, сошел на берег. Он хотел жить!

Мать вернулась домой.

На пристани, с которой отправлялся пароход на Гонолулу, стояли шум и гомон. Кричали люди, плачали дети, сновали взад и вперед пассажиры с поклажей. В суматохе посадки никто не обратил внимания на китайского мальчика, который быстро поднялся по трапу и затерялся в толпе трюмных пассажиров. Единственный его багаж — сверток с едой. В полуслне он почувствовал, что под ним задрожала палуба. Пароход отправился в путь. Теперь Вэню не угрожала никакая опасность. Если даже контроль и обнаружит, что у него нет билета, не беда. Когда прибудут в Гонолулу, А-мэй уплатит. Но его никто не потревожил.

От Гонконга до Гонолулу более восьми тысяч километров. Пароход плыл много дней и ночей; к счастью, ветра не было, и Вэнь не страдал от качки. Но он очень устал и был нескованно рад, когда, наконец, показались очертания гористых берегов острова Оаху, на котором расположен город и порт Гонолулу.

Когда Вэнь отдохнул и оправился от долгого и трудного переезда, А-мэй повел его в английскую школу. А-мэй быстро сговорился обо всем. Англий-

ский язык он знал отлично, и Вэнь с завистью следил за тем, как легко и свободно старший брат объясняется с иностранными людьми и держит себя с ними с достоинством. Сам он не понял ни одного слова из всего разговора.

Через несколько дней Вэнь уже сидел в классе. Преподавание велось на английском, и для Вэня самым важным стало изучить новый язык.

Хотел ли он учиться? Очень хотел. Дядя учил его в деревенской школе шесть лет. Там древние мудрецы рассуждали о непонятных и неинтересных делах, о добрых и злых духах, о том, как поклоняться государям и молиться за души умерших. В старых книгах говорилось о том, что у каждого человека три души. А что такое душа? Дядя не мог ему объяснить.

А Вэнь хотел много знать: и какие есть на свете страны, и как велик этот свет, и как живут другие народы. Но раньше всего он понял, что новый язык совсем другой, чем китайский. Ему показали буквы. Некоторые он уже знал — брат научил его написать свое имя: Сунь Вэнь. Буквы совсем не то, что иероглифы. Они просто пишутся и легко запоминаются. Из букв составляются слова и целые фразы. И еще он узнал, что есть такая наука — грамматика, наука о том, как правильно говорить и писать. Грамматика очень понравилась.

Вместе с Вэнем учились дети коренных жителей Гонолулу, столицы гавайского королевства, да еще дети японских и китайских эмигрантов. Ходили в школу только мальчики. С первого дня Вэнь вел себя тихо, спокойно, сдержанно и с достоинством. Брат внушал ему, что лучше молчать, чем говорить без надобности и позволения; лучше, чтобы спросили тебя о чем-нибудь, чем задавать вопросы самому, а главное — уважай старших, не выказывай неповиновения учителям и будь прилежным. Вэнь помнил: «Имей стыд». Он и сам решил про себя, что постарается учиться хорошо, скорее выучить новый язык и побольше узнать. Учебники его заинтересовали. В них мож-

но было прочитать о земном шаре, о звездах, о людях и животных, о растениях — о многих полезных вещах.

Раз в неделю директор школы — священник — собирал всех учеников и учил их петь псалмы. Вэнь тоже пел. Но тут, ему показалось, начинается старая игра, что продолжалась шесть лет в Цуйхэне: он не понимал смысла многих слов. В псалмах говорилось о неземных делах, которые его мало интересовали и наводили лишь скуку. Но он и виду не показывал, что скучает. Ладно, он будет петь эти заунывные гимны, если надо.

Так, в стенах школы в Гонолулу, прошли последние детские годы Вэня. Способный китайский мальчик незаметно становился серьезным юношей с печатью затаенных дум на лице. Одноклассники любили его за спокойный нрав, за всегдашнюю готовность помочь товарищу. И еще они уважали его за приятный, сильный голос.

Школу Вэнь окончил с отличием. Брат устроил его в американскую среднюю школу. Там был школьный хор. Вэнь пел с наслаждением, прилежно изучал ноты и правила пения. Музыка вызывала в нем ощущение гармонии и силы.

Гонолулу в те годы был небольшим городком, скорее полудеревней. Здесь находилась резиденция короля Камеамеа IV. Королевство маленькое и слабое, король тоже маленький, старенький, немного смешной и не злой, как в некоторых сказках. Власти он не имел. На островах всем распоряжались американцы, разводили тут сахарный тростник и ананасы, исподволь подготавливали захват всего архипелага. Жизнь в Гонолулу совсем походила бы на жизнь в сонном царстве, если бы не океан.

Гавайи лежат в самом центре Тихого океана, на скрещении всех главных океанских путей между Азией и Америкой. Удобная гавань Гонолулу на острове Оаху служила промежуточной станцией для пароходов, шедших на восток и на запад. Довольно часто на остров доставляли почту, привозили газеты, продавали книги. У миссионера была библиотека. Выучив-

шился читать, Вэнь стал жадно поглощать книги и газеты. Чтение дало ему больше, чем школа.

Смутно Вэнь уже предчувствовал, что ответ на вопрос, который часто волновал его еще в доме старого Суня, — что будет с ним, что ждет его впереди, в какой-то мере зависит от него самого, от его воли, упорства, выдержки. Что жизнь в открывшемся ему мире сложна и не будет для него легкой — это он тоже начинал понимать. Идти по стопам А-мэя не хотелось. Старший брат жил только своей семьей; участок земли и собственная лавка заключали в себе весь его мир. Хотел стать еще богаче, сделаться настоящим купцом. И шел к этой цели, не давая никому отвлечь от нее.

Вэня не привлекала мысль стать купцом, копить деньги. Его волновали другие думы. Что будет с его родной страной? Семнадцатилетний юноша задумывался над тем, что считалось на его далекой родине делом умудренных опытом старцев. Так что же? Высокие мысли всегда рождаются под воздействием чувств взволнованного молодого сердца, сильнее ощущающего несправедливость и попрание человеческого достоинства. Все герои в истории Китая, о которых Вэнь знал из книг, совершили свои подвиги в цветущем возрасте, а не на закате жизни. Историю своей страны Вэнь знал еще не очень хорошо, книги, рассказавшие ему о прошлом Китая, он смог прочитать только здесь, в Гонолулу. Они раскрыли ему тайну страданий родины: ее отсталость.

Китай оставался для Вэня близким и далеким, понятным и загадочным. Как океан.

Как понять океан? Когда он спокоен, кажется, невозмутимая тишина царит на бескрайних его просторах. Но задуют ветры, пронесется тайфун, и тогда задрожат небеса, померкнет солнце, взмоют ввышину разъяренные волны, высокие, как горы Наньлиня. А ведь Китай — океан. Вот он спокоен и тих. Но как страшен бывал он в бурю! Какие силы могут вызвать ее, какие тайны нужно разгадать, чтобы узнать магическое слово, которое способно привести в движение народ-оcean?

Почему, думалось Вэню, несчастья и муки преследуют его храбрый и честный народ? Сколько этих маньчжуротов? Говорят, всего четыре миллиона. На сто китайцев — один маньчжур! Почему же они господа, а китайцы им подвластны? Китай был велик в отдаленные времена, когда о маньчжурах никто даже не слыхал. А стал добычей небольшого полуварварского племени. Что за наваждение!

Читает юноша Вэнь страницу за страницей, главу за главой. Годы, события, имена. Но вот три имени: Фулинь (Нурхаци).

У Сань-гуй.

Ли Цзы-чэн.

Первый — маньчжурский князь, провозглашенный маньчжурами, захватившими Пекин, императором Китая в 1644 году.

Второй — китайский военачальник, открывший маньчжурам границу, изменник.

Третий — предводитель восставших крестьян, свергнувших династию Мин, китаец.

Да, с маньчжурами китайский народ справился бы несомненно. Но маньчжуры имели в Китае сообщников: феодалов, богачей, чиновную знать. Ли Цзы-чэн был им ненавистнее Фулиня. Пусть лучше маньчжур на китайском троне, чем правительство крестьян. Так рассуждали они.

Измена открыла маньчжурам ворота в Китай. Но это значит, что китайский народ не был побежден в бою, а предан изменниками.

Мысли роились в голове юноши, голова горела, сердце трепетало от нахлынувших гневных чувств. Нет единого китайского народа, нельзя считать частью народа тех, кто его предает. Такие китайцы губят свой народ. И уделом их будет позор. Будет. Когда?

Когда зашумит океан? Как вызвать бурю? И можно ли вызвать ее? В силах ли человек разбудить стихию?

Кто ответит Вэню, китайскому юноше, в груди которого пламень?

3. Цель жизни

Открывать старшему брату душу не имело смысла. Мысли и чувства, волновавшие Вэня, оставались чуждыми богатеющему купцу. Близких друзей у Вэня в Гонолулу не нашлось. Жившие там китайские эмигранты принадлежали к странным тайным организациям, возникшим в Китае сотни лет назад. Некоторые признавали тайное общество «Красный клан», другие предпочитали тайное же общество «Старшие братья». Когда-то эти общества стремились к свержению династии Цин и к восстановлению на престоле «национальной династии» Мин. Со временем за рубежом они превратились в своеобразные общества взаимопомощи китайских эмигрантов. Имел ли А-мэй отношение к какому-либо из них, Вэнь не знал. Сам он ни разу не присутствовал на тайных собраниях, куда допускались лишь посвященные, принесшие установленные клятвы перед изображением гаинственных знаков, страшных неземных существ, над священными чашами, из которых валил дым. Китайцы в Гонолулу жили замкнуто. Вэнь был одинок. Тяжело быть одиноким в семнадцать лет, когда душа требует общения с другом. Друга не было.

Внутренняя работа, совершившаяся в сознании юноши, не осталась совсем не замеченной старшим братом. Книги, которые Сунь Вэнь читал, его интерес к газетам, новостям о событиях в разных странах мира, равнодушное отношение к молебствиям перед табличками с именами предков и — о ужас! — не почтительное отношение к «Сыну неба» — богдыхану заставили А-мэя принять меры, чтобы пресечь «заблуждения» младшего брата. Однажды он так расшумелся, точно в него вселился злой дух! Кричал, стучал кулаками по столу, грозил, что выгонит Вэня.

— Ты стал заморским чертом! — вопил он. — Скоро ты совсем забудешь, где родился.

Столкновение двух братьев на первый случай окончилось торжеством старшего: он объявил Вэню, что тот немедленно вернется домой.

— Тебе пора жениться, — сказал А-мэй, —

родители уже подобрали для тебя невесту. Отправляйся!

Да, кончилось детство и первая пора юности. Что ждало его впереди?

В тот день, когда Вэнь по протокам дельты Жемчужной реки добирался на сампанке в родную деревню, ему подумалось о том, что и Китай теперь как эти протоки и рукава. Воды много, силы в ней никакой. Нет, это не океан, тут буря не грянет! И никаким магическим словом нельзя превратить одно в другое. Пока не сольются в мощный поток все реки народной жизни, до тех пор...

Мать стояла на пороге знакомой хижины, смотрела на Вэня и не узнавала младшего сына. Как он изменился! Крепыш, хоть и не очень плечистый, с высоким лбом и огненными глазами. И одет опрятно, подбрит по всем правилам, и коса заплетена плотно, старательно. Входи, сын, в дом, для тебя есть важная новость. Помнит ли он соседскую девушки? Непомнит? Не беда. Отец девушки и отец Вэня обо всем уже договорились. Зачем ему жениться? Ему не нужна жена? Но в доме нужна работница. Отец стареет, и о матери тоже не мешает подумать. Одним словом, отец уже решил. О чем тут спорить?..

Вэнь понимал, что спорить не о чем. Как старики решили, так и будет. Сын обязан повиноваться родительской воле. Напрасно А-мэй назвал Вэня заморским чертом. Он еще настолько китаец, что не смеет нарушить закон сыновнего повиновения.

Это была последняя уступка и последняя жертва Вэня старому. Все в нем бунтовало против рутины и косности жизни под кровом родительского дома, а особенно против покорности судьбе и упования на чудесную силу богов. Он как-то не сдержался и заявил, что не понимает, почему отец и мать слепо верят в истуканов из старой кумирни. Ему вспомнилось: «Имеют уста, но не могут говорить, имеют нос, но не могут обонять, имеют уши, но не могут слышать, имеют руки, но не могут держать что-либо, имеют ноги, но не могут ходить...» Старики, заслушав такие речи, пришли в ужас. И, как на грех, в их деревне объявил-

ся еще один такой же вольнодумец — Лу Хао-дун, сын почтенных родителей, проведший вместе с отцом несколько лет в Шанхае, где Лу посещал школу. Отец его, довольно богатый купец, недавно умер, и сын привез его прах на родину, чтобы предать земле.

Лу тосковал в этом захолустье, мучили его те же сомнения и тревоги, что и Вэня. И молодые люди, конечно, быстро познакомились и стали настоящими друзьями. Более того: единомышленниками. Оба жаждали перемен. В свободное от работы время они вдвоем отправлялись бродить по окрестностям или пускались в плавание на сампанке по одному из рукавов. И говорили, говорили, торопливо выкладывая то, что на душе у каждого. Сунь Вэнь говорил, что нельзя жить вот так, как эта вода течет, без воли, без цели, что нужна цель в жизни.

— Цель? — переспросил Лу.

— Да, цель, — отрезал Вэнь.

— Какая, по-твоему, цель?

И Вэнь произнес тогда в первый раз вслух то, о чем наедине думал много-много дней.

— Какая, по-моему, цель? А вот какая, слушай: Китаю нужно другое правительство, новое правительство из деловых людей, преданных народу, понимающих, что народу нужны школы, больницы, железные дороги, правительство, которое покончит с нашей страшной отсталостью и сумеет сделать страну снова сильной, могучей!

Лу думал так же. Но как это осуществить? Как слить все ручьи в один мощный поток, который примет в себя все силы народа и станет столь же грозным, как океан? Правду сказать, этого они не знали.

Глава вторая

ПЕРВЫЙ ПРИЗЫВ

1. Прощание с прошлым

После задушевной беседы с другом затея родителей женить его на незнакомой девушке показалась Вэню еще более нелепой. Жениться? Зачем? В Гонолулу у него не было никаких сердечных увлечений. Другие чувства волновали его. А теперь сердце трепетало от желания найти в себе силы для борьбы. Вэнь сказал себе: этому браку не бывать, он не любит девушку и не женится на ней. Возмущала ее покорность, готовность стать рабой. Несчастная страна! Вся жизнь держится на угнетении, на унижении человека. Хотелось пойти в дом девушки, найти ее и сказать, что ей незачем безропотно подчиняться воле отца и становиться женой человека, который ее не любит. Но, черт побери, он мог бы и сам показать пример, отклонив намерения своих родителей. Пожалуй, это идея! Как ее осуществить? Жаль стариков.

Говорил об этом с Лу Хао-дуном. Тот понимающие молчал — ему самому еще не грозила опасность оказаться женатым по воле родственников, — а Вэнь думал о том, что в жизни причудливо переплетаются мечты о прекрасном и жестокость повседневности. Вспомнилась старинная легенда «Источник персикового цветка» — о волшебном острове счастья на неведомой реке. В жизни все гораздо сложней...

Через несколько дней Лу принес страшную новость о нападении французов на Фучжоу. Знакомый Лу писал из Шанхая, что французская эскадра адми-

рала Курбе еще в июле 1884 года вошла в гавань Фучжоу, главного города провинции Фуцзянь, где ее сердечно встретили маньчжурские сановники, и стала на якорь. Зачем пожаловал Курбе? Вэнь еще в Гонолулу слышал, что французы захватили часть Индокитая, фактически управлявшегося пекинскими мандаринами, и тогда же произошли столкновения с императорскими войсками, которым на этот раз помогали отряды «Черных флагов» — тайпинских войск, отступивших сюда из долины Янцзы. Французам не везло, китайские войска нанесли им несколько поражений. Тогда французский флот отправился к берегам Фуцзяни. Все, что произошло дальше, напоминало события «Опиумных войн», позорно проигранных маньчжурами. В Фучжоу адмирал Курбе спокойно пробыл больше месяца, наблюдая за стоявшим в той же гавани на якорях китайским флотом. 23 августа французы внезапно открыли огонь в упор по китайским кораблям. Китайцы не успели оказать сопротивления. Один за другим их корабли загорались и взлетали на воздух. Китайская эскадра погибла. Потом французский десант захватил форты крепости Фучжоу. Французы перерезали пути сообщения вдоль южного и юго-восточного побережья, и тем самым стал невозможен подвоз риса на Север морским путем. Прекратилась связь и с Тайванем. Теперь и Гуандун находился под угрозой.

Но местных чиновников не беспокоили все эти беды. Вечером отец рассказал Вэню о разговоре со старостой деревни. Тот узнал в уездном городе, что нападение на Фучжоу «их не касается», так как войну ведет наместник Фуцзяни и Чжецзяна, а наместничество Лянгуан¹ тут ни при чем.

Вэнь и Лу высмеивали эти глупые доводы чиновников. Разве Фуцзянь не Китай? Разве потоплены фуцзяньские, а не китайские корабли? И кто заплатит за новое поражение и новый позор — Фуцзянь или вся страна?

---

¹ В наместничество Лянгуан входили две провинции: Гуандун и Гуанси. Лянгуан означает по-китайски «Два гуана».

Через несколько дней жители Цуйхэна собрались в местном храме, где стояли изваяния божеств — покровителей деревни. Народу собралось много. Вдруг, к ужасу Сунь Дао-чуаня, встал Вэнь и громко сказал:

— Это вовсе не боги! Как могут они охранять покой и благополучие нашей деревни, если они не в состоянии защитить себя? Смотрите! — Вэнь оторвал ладонь у одного божества и нанес пощечину другому.

В кумирне стояла мертвая тишина. Никто не смел шевельнуться, а многие были уверены, что вот сейчас немедленно обрушится потолок, или из-под ног взметнется пламя, или разразится ураган, так или иначе — всех ожидает неминуемая гибель. Но ничего не случилось. Божества, которым Вэнь нанес такое небывалое оскорбление, стояли на своих местах с тем же тупым выражением на лице, безмолвные, безучастные к тому, что только что произошло. Они не покарали ни Вэня, ни собравшихся. Когда оцепенение прошло, Вэнь сказал:

— Почему же боги, обладающие, как говорят жрецы, всемогуществом, не покарали меня?

Стоявший возле него Лу рассмеялся. Толпа глядела на юношь со страхом и ненавистью.

— Идем, — сказал Вэнь.

И оба они вышли на воздух.

Старик Сунь был в отчаянии. Его родной сын навлек на дом и род Суней гнев богов. И они отомстят, отомстят страшной местью. Пока Вэнь в их доме, быть беде. Пусть немедленно уедет. И этот Лу пусть тоже убирается отсюда. Сейчас же! Так сказал староста.

В тот же день Вэнь исчез из деревни. Уехал и Лу. Вэнь направился в Гонконг, Лу — в Шанхай. До Гонконга они добирались вместе.

Сунь Вэнь благополучно прибыл в Гонконг и решил, что будет продолжать образование. Через несколько дней он уже сидел в классе колледжа «Бацуй». С Лу договорился поддерживать связь письмами.

В Гонконге Сунь Вэня знали по его полному офи-

циальному имени в южном произношении — Сунь Ят-сен. В старом Китае у многих было по нескольку имен: одно — домашнее, другое — светское, третье — литературное и т. д. Родные, товарищи и друзья звали его Сунь Вэнем — именем, данным ему в детстве, да и сам он больше любил свое первое имя. Но в официальных документах он называется Сунь Ят-сен (или Сунь И-сянь в северном произношении).

Однажды он подумал, что наличие у него нескольких имен может пригодиться ему для конспирации. Он предчувствовал столкновения с маньчжурскими властями — он понимал, что в книге его жизни перевернулась еще одна страница. Какой будет следующая? Одно уже было вполне ясно Вэню: прежде чем в Китае будет установлено новое правительство, которое захочет заботиться о благе страны и народа, необходимо свергнуть проклятых маньчжуров, истребить эту нечисть.

Как возникают большие движения? Как поток из незаметных ручейков. Пока Вэнь был одинок, его мысли и чувства не обогащались мыслью других. Вместе, вдвоем с Лу, они уже могли обменяться мыслями, выводы их совпадали. Время, жизнь, понимание происходящего не могут не породить единомышленников. Надо только их уметь найти. Но необходимо переходить к действиям. Как говорил мыслитель Вэй Юань: без действий не может быть истинных знаний! Самое высокое действие — это революция в интересах народа. Революция — результат общих усилий многих, понявших свое время. Он, Вэнь, будет революционером. И ничто не изменит этого решения. А пока надо учиться. Время у него еще есть. Ему ведь только восемнадцать.

Внезапно стряслась беда: умер отец. В деревне шептались, что это месть богов за грехи мятежника-сына. Мать вызвала Вэня из Гонконга. В Цуйхэне его встретили с нескрываемой враждебностью. Отсталые, темные крестьяне... Вэнь побывал недолго в деревне и вернулся в Гонконг. А-мэй согласился выдавать бра-

ту ежемесячно небольшую сумму. Теперь Вэнь мог платить за учение и жить. Он снова принялся за книги. Изучил китайскую грамматику, английский язык, математику, географию и много других полезных наук. Год промчался незаметно. Лу писал из Шанхая. Там у него появились друзья, разделяющие их мысли. Друзья нашлись и у Вэня в Гонконге.

Смерть отца Вэнь тяжело переживал. Бедный отец, что знал он в жизни хорошего? Изо дня в день копался на своем клочке земли, не ожидая никаких перемен к лучшему ни для себя, ни для сограждан своих. Безропотно мирился со всеми тяготами подневольной крестьянской жизни. А мать? Что теперь будет с ней, что будет с младшей сестрой? Смогут ли они вести хозяйство? Вся надежда на А-мэя, на его поддержку.

Мысли о матери волновали до слез. Что он сам мог бы сделать для нее? Бросить колледж? Откровенно говоря, крестьянского труда он не знал. Рано уехал из дома, да так и не успел научиться работать в поле. Что проку от его работы?

В такие минуты вспоминалось то, что он сказал о себе: «Я стану революционером». Отказаться, бросить уже начатое дело?

Мать снова вызвала его домой. Сказала, что нельзя больше откладывать женитьбу.

— Я стара, Вэнь, сил у меня мало. В доме нужна помощница. Девушка, которую для тебя выбрал покойный отец, хорошая, работящая, старательная, все так и горит в ее руках.

Не мог отказать матери. Старые, усталые глаза глядели на него с надеждой. Мать не приказывала — просила. Теперь главой дома был А-мэй, старший сын. Для Вэня просьба матери была важней приказа брата. Девушка, которую не знал и не любил, стала его женой и перебралась со всем своим приданым в их старый дом. Ее звали Лю. Мать была довольна. Сестра тоже была рада. Родственники одобряли. Лю действительно много работала. Все умела делать: и в поле, и по двору, и дома. В глубине души

мать надеялась, что женитьба заставит Вэня «остепениться». Старая крестьянка плохо знала своего младшего сына.

После свадьбы Вэнь возвратился в Гонконг продолжать курс. Перешел в Колледж королевы. Неожиданно явился А-мэй. Старший брат решил, что Вэнь получил достаточное образование и пора пристроить его к «настоящему делу». Для старшего Суня «настоящим делом» была торговля. Вэню он предложил ехать с ним на Гавайи. Он-де решил передать ему часть имущества своей «фирмы», и необходимо, чтобы акт передачи был подписан Вэнем на месте в присутствии свидетелей. Вэнь быстро сообразил, что может получить в свои руки значительные материальные средства для того действительно настоящего дела, которому он готовился отдать все силы, а если потребуется, и жизнь. Согласился прервать занятия в колледже. Но когда братья приехали в Гонолулу, А-мэй объявил Вэню, что как старший в семье требует полного, безусловного повиновения, приказывает прекратить «баловство» и заняться «делом» — торговлей. В случае отказа Вэнь лишится поддержки, не получит больше от него ни гроша.

Вэнь сказал: «Нет!»

Но воля старшего брата что-нибудь да значит!

Вэнь сказал: «Нет!»

Именем покойного отца младшему брату повелевается выбросить из головы дурацкие бредни.

Вэнь сказал: «Нет!»

— Тогда убирайся на все четыре стороны! — закричал А-мэй.

Вэнь ушел. В Гонолулу у него были знакомые. Одолжил у них деньги на покупку билета. И вот он снова в Гонконге. Был свободен. Теперь уже полностью проявилась главная черта его характера: упорство и сила воли. Учиться он будет. Но необходимо найти работу и жить самостоятельно. Не хочет ни от кого зависеть. Гонконгские друзья посоветовали обратиться к директору больницы «Бо Цзи»

в Кантоне, доктору Джону Керру. С рекомендательным письмом за пазухой Вэнь отправился в Кантон. Это был первый приезд его в крупнейший город Южного Китая, который сыграл впоследствии такую большую роль в жизни Вэня. При больнице была медицинская школа. Доктор Керр охотно зачислил симпатичного юношу в школу и в штат больницы.

Наконец Вэнь был свободен. К дьяволу А-мэя и его вопли, прочь все преграды, долой предрассудки! Нет возврата к прошлому.

2. Друзья

Должно же было так произойти, что в ту же школу поступил учиться на врача друг Лу Хао-дун. Вэню определенно везло. Конечно, они будут жить вместе! Вскоре к ним присоединился еще один боевой товарищ: студент Чжэн Ши-лян из Шанхая. Его отец стал жертвой вымогательств маньчжурских чиновников, доведших старика до могилы. Друзья почти не разлучались. Вечером, в комнате, которую занимали Вэнь и Хао-дун, завязывались задушевные беседы о предстоящей борьбе. Делились мнениями. Высказывались различные точки зрения. Все трое, несмотря на молодость, успели много узнать, прочитать, а главное — передумать. Дума была одна — про свободу и возрождение родины.

В Цийхэне, у края китайской земли, Вэнь и Хао-дун чувствовали себя пионерами — разведчиками будущего. В Кантоне, огромном городе, где переплетались многие противоречия китайской действительности, трое друзей-единомышленников ощущали уже тяжесть ответственности за это будущее. Ни один из них не предавался пустым мечтаниям. Будущее вовсе не рисовалось им волшебным островом на неведомой реке. Впереди они видели бой; слышались им не звуки нежной лютни, а треск выстрелов. И Вэнь и его друзья понимали, что предстоит жестокая и, быть может, долгая борьба и что она наверняка потребует много жизней, возможно и их собственные. Что же рождало в них решимость, бесстрашие, презрение

к опасности и к смерти? Их нисколько не занимало, доживут ли они сами до торжества революции. Разве они думали о себе?

Три друга в долгих беседах завершали ту работу мысли, которая началась на Гавайях, продолжалась в Цуйхэне, в Гонконге, в Кантоне. Их было всего трое, и тем не менее это уже организация, первая тайная революционная организация, из которой потом вырастет партия. Что означала эта тройка по сравнению с громадным аппаратом насилия и расправы цинского правительства? Нельзя сравнивать желудь с дубом.

Но дуб заключен в желуде.

В Кантоне их было трое. Никто о них еще ничего не знал. И сами они еще ничем не дали о себе знать. Революционные идеи, которые они несли в себе, о которых беседовали друг с другом шепотом, были семенами, готовыми пасть в толщу народа, где им предстояло развиться, дать ростки, а потом могучие корни, так, чтобы дерево свободы могло противостоять любой буре.

Однажды, когда друзья обменивались мнениями о том, что делать, Чжэн Ши-лян сказал:

— Нужно установить связи с тайными обществами.

Под большим секретом он открыл своим друзьям, что состоит членом тайного общества «Небо, земля и человек», или «Триада», и связан, кроме того, с другим тайным обществом — «Старшие братья». Ши-лян хорошо знал историю этих обществ, существующих в Китае давным-давно, сотни лет. «Триада» — одно из старейших и наиболее сильных. Были и другие тайные общества, но самые значительные и массовые — это «Триада», «Старшие братья» и «Факельщики». Первое действовало на Юго-Востоке, второе — в Центре, третье — на Севере. Входили в эти общества сотни тысяч людей — главным образом разорившиеся крестьяне, ремесленники-бедняки, бывшие солдаты, обдевневшие мелкие торговцы. Назвать их революционными организациями можно только с большой натяжкой. Более всех других революционные настроения были сильны среди «Факельщиков», ведших замечательно

упорную и длительную вооруженную борьбу с маньчжурами в одно время с операциями Тайпинской революционной армии и после ее гибели. Среди китайских эмигрантов в зарубежных странах широко распространены отделения тайного общества «Красный клан». Проповедовали эти общества примитивные идеи равенства, иногда оказывались под влиянием реакционеров. Вот что Ши-лян поведал друзьям.

— И ты думаешь, что связи с этими обществами могут нам пригодиться? — спросил Вэнь.

— Не только думаю, но убежден в этом. В настоящее время «Триада» — единственная организованная антиманьчжурская сила на всем Юге.

При содействии Ши-ляна Вэнь стал членом тайного общества «Старшие братья».

В жизни Вэня наступила вдруг новая перемена. А-мэй сменил гнев на милость. Прислал письмо и деньги. Обещал помочь, раз теперь уже шла речь о получении Вэнем диплома врача. И в то же время Вэнь узнал, что в Гонконге открылся медицинский институт, где преподавали известные в то время специалисты. Почему Вэня заинтересовала медицина? Он хотел иметь такую профессию, которая позволила бы ему установить тесный контакт с народом.

Решил ехать в Гонконг. Доктор Керр рекомендовал Вэня, и его приняли. Это было в 1887 году. В числе руководителей Вэня оказался знаменитый в то время хирург сэр Джеймс Кентли. Учился Вэнь отлично. И неплохо шла революционная пропаганда среди студентов китайцев. В 1887 году, когда Вэнь поселился в Гонконге, с ним подружились еще трое студентов: Чэн Шао-бо, Ю Шао-вань и Ян Хао-лин. Бывал наездами Лу Хао-дун. В Кантоне продолжал работу Чжэн Ши-лян.

Итак, теперь их шестеро — в шесть раз больше, чем в 1883 году. Вэнь и его друзья вели активную революционную пропаганду. Не всем китайцам студентам это нравилось. Были такие, которые со страхом смотрели на смельчаков и сторонились их. Поду-

мать только: призывают к свержению династии! Безумцы!

Сунь Вэнь поселился в одной квартире с новыми друзьями. И время проходило так же, как несколько месяцев назад в Кантоне: спорили, обсуждали, обменивались мнениями, проверяли друг друга. Но сейчас они были старше, потребности выросли — они решили в шестером прослушать курс истории революционного движения в родной стране, а потом и в других странах. Вэнь читал по курсу историю тайпинской революции. Пригодились и рассказы дяди — тайпинского солдата.

В большом ходу среди маньчжуротов тогда были идеи «самоусиления». Говорили, что Китай станет равноправной державой, как только обзаведется современными вооруженными силами.

Во время одной из дискуссий Ши-лян, приехавший в Гонконг, заметил, что нужны не реформы армии и флота, а революция, которая быстро обновит страну сверху донизу. Это была правильная, смелая мысль. И она стала ведущей общей мыслью всех друзей Вэня и его самого. Так они поднимались в своем развитии с одной ступени на другую, более высокую.

В медицинском институте Вэнь провел пять лет. Учился прилежно. Кентли был от него в восторге. Сказал ему:

— Вы прирожденный хирург. Совершенствуйте свои хирургические способности, займитесь по-настоящему хирургией.

— А если потребуется ваша помощь, могу ли я на нее рассчитывать? — спросил Вэнь.

Кентли, не раздумывая, ответил:

— Можете!

Институт был окончен в июле 1892 года. Куда ехать? Хотелось быть ближе к дому. И он выбрал Макао.

Хирургия должна была послужить средством решения и другой задачи — наилучшим образом законспи-

рировать его как активного революционера. По окончании института ему была присвоена ученая степень лиценциата медицины и хирургии из Гонконга. Столь «почтенного господина» маньчжурская полиция не стала бы подозревать в антиправительственной деятельности. Вэнь строил и более широкие планы: основать собственный кабинет или аптеку, которые могли бы скрыть в своих стенах штаб революционной организации и служить убежищем для ее членов. В Макао Вэнь пытался осуществить этот план.

Деньги у него были. Найти дом ему помогли. Скоро в Макао открылась аптека «Доктора Сунь Ят-сена — лиценциата медицины и хирургии из Гонконга». Кроме того, он работал в местной больнице. До этого жителям Макао приходилось ездить к хирургам в Гонконг. Доктор Сунь завоевал доверие в городе, у него появилось много клиентов. В серьезных случаях, когда предстояла ответственная операция, Вэнь вызывал Джеймса Кентли. В Макао к Вэню наведывались кантонские и гонконгские друзья. Кажется, все шло на лад.

В своей аптеке доктор Сунь в свободное время обсуждал с товарищами план создания настоящей боевой революционной организации. Он выезжал в Гонконг, встречался с проживавшими там единомышленниками. Так постепенно формировалась основная группа будущей первой революционной организации, заложенной Сунь Вэнем, — Союз возрождения Китая.

Внезапно доктору Суню пришлось покинуть Макао.

Случилось это таким образом. Местные эскулапы почувствовали угрозу своему положению. Приезд молодого талантливого врача-хирурга почти лишил их клиентов. К ним перестали обращаться. Ломали, ломали себе головы противники молодого врача и в конце концов придумали: выжить его! Обратились с жалобой к португальским властям: новый доктор не имеет права практиковать в Макао, так как у него нет португальского диплома. Доктор Сунь был поставлен в известность, что его практика временно, до получения им португальского диплома, прекращается, а для

получения диплома надлежит вышеозначенному доктору Сунь Вэню из Гонконга сдать экзамен на звание лиценциата медицины и хирургии в португальском медицинском институте.

Вэнь был вынужден ликвидировать свою аптеку и перебраться в Кантон.

На врачебную практику здесь нельзя было расчитывать. Он решил снова заняться аптекарским делом. В этих заботах, связанных с устройством на новом месте, прошла вторая половина 1892 года.

Живя в Кантоне, Сунь Вэнь ближе ознакомился с деятельностью местных сторонников «мирных реформ» — Кан Ю-вея и его последователей. Их называли «реформаторами». Фактически группа Кан Ю-вея представляла собой в зародыше партию монархистов-конституционалистов. Она выступала за реформы при сохранении Цинской династии.

Сунь Вэнь и его друзья не возражали против реформ, но были убеждены в необходимости свержения Цинской династии. «В 1885 году, после поражения Китая в войне с Францией, я твердо решил бороться за свержение Цинской династии и установление республики». Эти подлинные слова Сунь Вэня показывают, что между группой Кан Ю-вея и его группой была пропасть, хотя обе признавали необходимость реформ. Разница была «всего лишь» в том, что первая, трепеща перед революцией, упovalа на монархию, а вторая считала, что нужно свергнуть монархию.

Кан Ю-вей и его последователи, к которым принадлежали образованные и даже весьма способные деятели, сочиняли и издавали различного рода программы и проекты реформ, составляли доклады на имя императора Цзайтяня (Гуансюя) и виднейших сановников. Группа Сунь Вэня не могла им противопоставить своей программы. Она еще ничем не дала о себе знать. Вот в это время, во второй половине 1893 года, Сунь Вэнь и пришел к выводу, что ему следует сформулировать свои взгляды на самые неотлож-

ные реформы, в которых нуждался тогдашний Китай. Он приступил к делу. Так появился на свет первый программный документ о задачах преобразования Китая, вышедший из-под пера никому еще не известного молодого революционного демократа. В этом документе отчетливо проявились глубина мысли автора, понимание насущных нужд страны, опутанной феодальными отношениями, душившими ее производительные силы, его солидные познания в экономике и организации государственного управления.

Главная мысль Сунь Вэня сводилась к тому, что основа богатства и силы государства заключены не в мощи военных кораблей, не в меткости пушек и неприступности фортов и не в том, что войска сильны, а в том, что «люди имеют возможность проявить свои таланты, земля может приносить наибольшую пользу, вещи могут найти исчерпывающее применение, а товары — беспрепятственно обращаться». Свою мысль он разъясняет следующим образом:

«Итак, если люди могут полностью проявлять свои таланты, то все начинания процветают; если земля может приносить наибольшую пользу, то народу хватает пищи; если вещи могут найти исчерпывающее применение, то материальные средства имеются в изобилии; если товары могут беспрепятственно обращаться, то средств достаточно. Вот почему я говорю, что эти четыре условия — первопричина богатства и могущества, основа управления государством».

Эти условия Сунь Вэнь назвал «Великой программой четырех условий»; сводилась она к устраниению феодальных пережитков и на этой основе — ликвидации отсталости Китая.

Сунь Вэнь высказал также свое глубокое убеждение в том, что при любых реформах на первом плане должен быть простой народ, ибо «человек, даже будучи простолюдином в грубой одежде, неизменно чувствует ответственность за судьбы Поднебесной». Эти гордые слова можно отнести прежде всего к самому автору. Молодой хирург, выходец из бедной крестьянской семьи, прекрасно разбирался в анатомии не только человеческого организма, но и такого сложного

социального организма, каким был тогдашний Китай. Он перечислил необходимейшие реформы в важнейших областях: народного образования; подготовке специалистов; в земледелии; обосновал неотложность развития промышленности, энергетики, горного дела, железнодорожного строительства, внутренней торговли и упразднения преград, мешающих образованию *единого внутреннего рынка*. Но раньше всего и важнее всего, писал он, необходимо удовлетворить наиболее срочные потребности народа: «Сначала надо накормить, а лишь потом учить». Он отвергает довод о нехватке пахотных земель в стране. Надо поднять народ «на распашку нови! Цель всех реформ и преобразований выражена кратко и убедительно: «Надо добиться изобилия для всего народа».

«Программа четырех условий» была закончена в начале 1894 года.

3. Человек и воин

Снова была весна — двадцать шестая весна в жизни Сунь Вэня. Работа, усиленные умственные занятия отвлекали его от грустных раздумий о себе. Он понимал, что все личное для него — запечатанная книга, хотя чувствовал, что истосковался по любви: сильной, светлой, мужественной. Еще не пришло время для личного.

Он часто наезжал в родную деревню, где жила мать, где была его семья — жена и трое детей: сын и две дочери. Детей любил. К жене был равнодушен. Лю не понимала мужа и предпочла бы, чтобы тот занялся торговлей, как А-мэй. Сидел бы дома, не пропадал бы в Кантоне. Она молчала — жена не вправе выражать недовольство.

Сунь Вэня заботило другое: над Китаем опять нависала грозная опасность — на этот раз со стороны Японии.

Война с Японией назревала явно, даже маньчжурские сановники не могли не сознавать этого. Но разве они могли измениться? Собрали сотни миллионов таэлей на закупку за границей вооружения, кораблей,

боеприпасов. Десятки миллионов таэлей осели в карманах казнокрадов. Вдовствующая императрица Цыси, фактически правившая страной, самовольно изъяла из казны огромные суммы, предназначенные на усиление флота, и построила для себя ансамбль роскошных зданий в окрестностях столицы — так называемый Летний дворец.

Оборона страны оставалась в ведении самого влиятельного и наиболее продажного из царедворцев — Ли Хун-чжана, наместника столичной провинции Чжили, фактически возглавлявшего императорское правительство. Жил Ли по-царски в Тяньцзине, где у него был свой «двор».

Японцы отлично знали слабости императорского Китая. Разведка японского генштаба действовала там не первый год. В Пекине японские агенты без труда получали секретные сведения у продажных и падких до взяток маньчжурских чиновников.

Японский генштаб знал, что китайская армия не имеет ни обученных солдат, ни плана войны, ни офицеров, знающих свое дело, ни грамотных командующих, ни разведки, ни аппарата снабжения всем тем, в чем нуждается действующая армия. В таком же хаотическом состоянии находился и флот, он не умел маневрировать и вести бой в составе эскадр. Командовал им... кавалерийский генерал!

Япония тщательно подготовилась к нападению. Ее армия (в мирное время имела тогда всего семь дивизий) была хорошо обучена и вооружена. Главный удар японское командование намеревалось нанести в Корее (которая формально находилась под «покровительством» пекинского двора), быстро занять ее и вторгнуться в Маньчжурию, чтобы отсюда идти на Пекин.

Маньчжурские сановники надменно заявляли, что по сравнению с Китаем Япония — козявка, если она нарушит мир, то будет строго наказана. Это было пустым баухальством.

Пока маньчжурские придворные хвастуны болтали, японское командование провело мобилизацию, сформировало две полевые армии (1-ю и 2-ю) и под-

готовило необходимые транспортные средства для их перевозки в Корею и Маньчжурию. Небольшой по судовому составу японский флот был приведен в боевую готовность.

В конце июля 1894 года японцы внезапно начали военные действия, напав на китайские военные корабли в одном из корейских портов, и интернировали в Сеуле корейского короля. В столице Кореи расположился небольшой японский гарнизон.

Война началась.

Сунь Вэня она застала в Кантоне. Он решил ехать на Север, где никогда раньше не бывал. Хотел «посмотреть, прочна ли Цинская династия», как писал впоследствии. Попутно намеревался вручить Ли Хунчжану свою «Программу четырех условий».

Из Кантона Вэнь выехал в Шанхай, где находился Лу Хао-дун. Тот был вхож в некоторые богатые китайские семьи. Лу познакомил Вэня с состоятельным дельцом Сун Яо-жу.

Из Шанхая Сунь Вэнь и Лу Хао-дун выехали в Тяньцзинь. Ли Хунчжан, конечно, не принял Сунь Вэня. Это его не очень удивило. Вместе с Лу он объездил провинции Центрального Китая. Потом друзья расстались. Вэнь вернулся в Кантон¹.

...А над Китаем продолжал пылать огонь войны. После потопления китайских кораблей в корейских водах в июле японцы высадили в Корее свою 1-ю армию, двинулись на Север, разбили маньчжурские войска под Пхеньяном (15 сентября) и отбросили их к реке Ялу, по которой проходила тогда граница между Китаем и Кореей. Через два дня морские силы Японии нанесли поражение китайскому флоту в устье реки Ялу; через месяц 2-я японская армия высадилась в Южной Маньчжурии и осадила Люйшунькоу (Порт-Артур), а 1-я японская армия отбросила отступавшие в беспорядке маньчжурские войска за Ялу и также вступила в Маньчжурию.

Было чистейшим безумием, национальной изменой

---

¹ «Программа четырех условий» была потом опубликована в одной шанхайской газете.

думать, будто можно спасти страну без уничтожения насквозь прогнившего цинского режима! Более чем когда-либо Сунь Вэнь был уверен в том, что проклятую династию необходимо уничтожить, свергнуть, что спасение Китая в революции.

Всю жизнь вспоминал потом Сунь Вэнь тяжелый, душный осенний день. Война в разгаре. И Кантон точно оцепенел в мареве. В комнате никого, кроме него. Мысль возбуждена. Сердце сжато острой болью. Входят его товарищи. Молча усаживаются. Тишина. Духота. Ни малейшего дуновения. Все подавлены. Вэнь говорит. Настала пора действия. То, о чем они так много беседовали, спорили, о чем грезили, чему отдавали все силы души, все мечты юности, теперь поставлено в порядок дня: борьба! С этого дня начинается иная жизнь, жизнь, полная трудов, опасностей, быть может смертельных; впереди жестокие испытания — возможны неудачи, поражения, тяжелые потери, гибель товарищней. Пришло время борьбы. До последнего вздоха. Кто слаб душой — пусть теперь же отойдет в сторону. Для победы революции нужна одержимость революционеров! Он произносит эти слова с жаром. Революция, говорит он, может потребовать от тех, кто становится под ее знамя, готовности пойти на крайние жертвы, если нужно — на смерть.

И еще говорит он своим друзьям: революция не обещает тем, кто себя посвятил ей, ничего — ни благ, ни выгод, ни наград. Высшая награда революционера — сознание исполненного долга. Слава принадлежит самой революции, только ей одной, слава эта неделима, никто не может взять ее себе, присвоить подвиг революционной партии своему имени, стать над революцией. Выше революции нет ничего.

Революционер не принадлежит себе. Он принадлежит революции...

Будто освежающий ветер закружил по комнате. Все встают. Падает слово, которое у всех в душе: «Восстание, восстание!»

Пробудить страну к действию, победить вековую

инерцию может только боевое революционное дело. Кто-то должен первым пролить свою кровь — святую кровь — за него. Первыми поднялись друзья Сунь Вэня. В этом их великкая заслуга.

План они выработали такой. Сунь Вэнь отправится за границу, объедет колонии китайских эмигрантов, соберет среди них пожертвования на революционную борьбу. Быть может, удастся привлечь к ней тех, кто готов умножить ряды бойцов за возрождение страны. Так возникает идея организации Союза возрождения Китая.

Через несколько дней Сунь Вэнь уехал в Шанхай. Повидал Лу Хао-дуна. Обменялись мнениями. Лу решил вернуться в Кантон и вместе с другими боевиками вести там подготовку к восстанию. Из Шанхая Сунь Вэнь отправился на Гавайи. Там были знакомства и связи. Там легче всего начинать. Что он вез с собой? Смелое, яркое революционное слово. Вэнь был прирожденный агитатор, пропагандист, оратор.

Трудно было Вэню. Некоторые просто пугались самой мысли о насильственном свержении монархии, существующей в Китае более двух тысяч лет. Большинство не верило в способность революционеров одержать победу. И все-таки он смог привлечь к революции сердца слушателей. Жертвовали. Кто сколько мог. Всего Вэнь собрал 1 388 долларов. От активного участия пока воздержались. В организацию согласились вступить только двадцать человек.

24 ноября 1894 года собрались для того, чтобы положить первый камень в фундамент новой революционной организации — Союза возрождения Китая. Второй раз встретились 21 декабря 1894 года. Слушали, как Вэнь читал декларацию новой революционной организации. В маленькой комнате раздавались веющие слова. О родине. О народе.

Закрывая заседание, Вэнь сказал своим новым товарищам:

— Революции не делаются в интересах какой-либо личности. Что такое революция, если не решимость народа, долго страдавшего от нищеты, гнета и отчаяния, изменить положение в стране? Желания простых

людей не всегда ясны им самим, но одно они знают: то, что они испытывают, невыносимо. В Китае и раньше были люди, которые видели бедствия народа, но они не знали, что делать. Были и готовые действовать. Старый мыслитель Янь Юань писал: «Что я хочу — это движение, действие, реальность»; другой — Ли Гун требовал знаний, основанных на опыте, и исследований в любой области. Передовые люди! Но и они не понимали, что действие — это организация. Ли Гун отвергал так называемую «науку», основанную на запутанных поучениях древних философов. Но что такое знания, основанные на опыте, — это ведь признание великого значения труда, созидающего, творческого труда народа. И мы, революционеры, требуем действия, движения, понимания положения и нужд народа, признания решающей роли его труда и борьбы. Народ будет с нами, когда увидит, когда убедится, что мы сражаемся за него...

Двадцать пар глаз восторженно смотрели на него. Это были простые люди: мелкие торговцы, ремесленники, крестьяне. Может быть, они не смогли бы выразить словами то, что чувствовали сердцем. Но они хотели внести и свой труд, свою решимость в преобразование старого и вечно молодого Китая, их любимой страны, Тянься — Поднебесной, Хуа — прекрасной, как цветок лотоса!

4. Кровь героев

Сунь Вэнь понимал, что сделан только первый шаг. Не поехать ли ему отсюда, из Гонолулу, в Соединенные Штаты, где проживало много китайцев, и провести среди них такую же агитационную работу, воспламенить их сердца, заложить и там отделения союза и привлечь к его знамени еще отряд смелых патриотов? Он был готов к поездке, когда получил два важных сообщения из Китая. Одно — от товарищей из Гонконга. Они звали его назад. Их письмо — ответ на его послание Чэнь Шао-бо: «Не забывай нашего разговора на пароходе, когда ехали из Сянгана (Гонконга) в Аомынь (Макао), о необходимости вос-

стания. Это вполне возможно осуществить. Как только начнете подготовку, я приеду». И вот они просили, чтобы он срочно вернулся. Положение в стране накалено, как никогда. Война продолжается. Потеряны крепость Порт-Артур (Люйшунькоу), взятая японцами почти без боя, и весь Ляодунский полуостров. 1-я и 2-я японские армии (40—50 тысяч человек) соединились. Началась высадка в Китае 3-й японской армии (еще 25 тысяч человек). Враг угрожает столице и восточным провинциям. Носятся слухи о предстоящем вторжении японцев в Шаньдун. Всюду измена, растерянность и паника. Цинь губят страну. Надо действовать!

Другое письмо — от шанхайского Суна. Пишет об усиливающемся хаосе в стране, о толпах голодных, бездомных, отчаявшихся людей, о том, что дороги стали непроезжими — шайки грабителей нападают на путников, на караваны с грузами. Солдаты разбитой армии бесчинствуют. Власти бессильны навести порядок...

Вэнь читал, перечитывал сообщения с родины и думал. Готовы ли силы для восстания? Все равно нужно начать. Кто-то должен начать! Необходимо нанести удар, показать всем, что борьба возможна, организованная борьба, не бунт.

В конце 1894 года Вэнь выехал в Кантон. Его сопровождали пять боевиков — новых членов организации, вступивших в нее на Гавайях. По пути заехали в Гонконг.

Было это в январе 1895 года.

Природа не чувствует бед человеческих. На Юге стояла тихая, светлая зима. А на Севере гремели пушки, вздымались к небу тучи дыма и косматые багровые споны огня. Война продолжалась уже шестой месяц. И все понимали, что она проиграна Китаем. Японская 3-я армия беспрепятственно высадилась на Шаньдунском полуострове и затем заняла город и порт Вэйхайвэй, где укрывались остатки китайского флота. Брошенные маньчжурами на произвол судьбы, они капитулировали. Тем временем из Маньчжурии

японские войска (1-я и 2-я армии) начали подходить к пределам столичной провинции Чжили. Дорога на Пекин была фактически открыта. Не ожидая окончания военных действий, японские захватчики оккупировали остров Тайвань и соседние острова Пэнхуле-дао. Война подошла и к Южному Китаю.

Но на Юге начала действовать новая сила — первая революционная организация, для которой спасение страны сливалось с задачей свержения Маньчжурской династии. Это была организация, которую создавали Сунь Вэнь и его товарищи.

После возвращения с Гавайев Вэнь встретился с друзьями и рассказал им о результатах своей поездки. А они ему рассказали о том, что было сделано за время его отсутствия. Решили оформить провозглашение Союза возрождения Китая, для чего собраться позднее в Гонконге. Там безопаснее.

Организационное собрание состоялось в феврале 1895 года. Присутствовало двадцать — двадцать пять человек. Были среди них старые агитаторы и зачинатели — старые не годами, а опытом, — вместе с Вэнем таких было четверо. Пять новых товарищ из Гонолулу также находились здесь. В союз вступили члены гонконгского Литературного общества человеческой морали — конспиративной организации, созданной Ян Цюй-юанем, служащим местной пароходной компании. Сунь Вэнь знал его с 1891 года. Обсудили и утвердили декларацию, устав и избрали руководящий орган — правление. Так родилась эта строго законспирированная, замкнутая организация, ставившая перед собой огромной важности и трудности задачу: поднять восстание.

Девиз Союза возрождения Китая гласил: «Любовь к родине — превыше всего!»

Правление союза осталось в Гонконге. Для него подыскали дом на улице Стэнтон, № 13. Им руководил Сунь Вэнь. В целях конспирации помещение, занимавшееся правлением и его военным комитетом, замаскировали вывеской торговой фирмы «Великая благодать». Штаб организации обосновался в Кантоне под видом Агрономического общества. В него

входили Чжэн Ши-лян, Лу Хао-дун и несколько других товарищей.

Сунь Вэнь побывал в Цуйхэне и сказал матери и жене, что им с детьми лучше переехать к А-мэю, в Гонолулу. Мать и Лю послушались и, забрав с собой детей, уехали на Гавайские острова. Причина, побудившая Вэня отправить их туда, осталась для нихтайной.

Теперь Вэнь мог целиком отдаваться подготовке восстания.

Решение о восстании было принято на заседании правления союза в Гонконге 16 марта 1895 года. Тогда же были намечены главные пункты плана действия.

Страна находилась в это время в состоянии глухого брожения. Армия, преданная военными сановниками, разваливалась, пекинский двор был в страхе, Цыси и ее приближенные собирались бежать из столицы. К японцам уже посылались уполномоченные с просьбой о мире. Цинская династия позорно сдавалась на милость победителя. Переговоры поручили вести Ли Хун-чжану. Японцы надменно требовали отдачи им Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Далянем, острова Тайвань и островов Пэнхуледао, уплаты контрибуции в размере нескольких сот миллионов таэлей. Кроме того, Китай должен открыть для японской торговли четыре портовых города, из них три в глубине страны, на берегах Янцзы, и разрешить японским судам плавать по внутренним водным путям. Наконец, Япония требовала предоставления ей права строить в Китае свои промышленные предприятия, разработки естественных богатств в районах, которые она сама выберет. Это был наглый план ограбления и порабощения Китая. И маньчжуры, по усвоенной ими подлой готовности угоджать иностранным насильникам, на сей раз тоже уступили по всем статьям и 17 апреля 1895 года подписали еще один грабительский неравноправный «мирный» договор (Симоносекский).

Это был сигнал. Немедленно в живое тело Китая

вцепились и другие насильники. Над родиной великого народа нависла грозная опасность раздела. Имперализм стучался бронированным кулаком в двери Китая. И патриоты знали, что их страна беззащитна.

Нельзя было откладывать выступление Союза возрождения Китая. В те дни в Китае не было другой революционной организации, которая была бы в состоянии подготовить восстание. Эту трудную задачу пришлось решать Вэню и его друзьям. Они не дрогнули. Не отступили.

План был в основном готов. Вот в чем он состоял.
Место восстания: Кантон.

День восстания: Девятый день девятой луны — 26 октября 1895 года. Каждый год в этот день в Кантон с утра съезжается много народа из соседних городов и деревень для участия в церемонии поминания усопших предков. Это облегчит стягивание к Кантону отрядов революционных повстанцев, которые, смешавшись с толпами крестьян, без труда проникнут в город.

Силы. Сунь Вэн установил связь с руководителями тайных обществ в Гуандуне. Для участия в восстании Суню был обещан вооруженный отряд в три тысячи человек. Вооруженные группы членов союза формировались в Кантоне и в Гонконге. Кроме того, не исключалась возможность привлечения к восстанию части кантонского гарнизона, в основном состоящего из китайских солдат. Обещал присоединиться к восстанию адмирал Чэн Куй-гуан, командир Кантонской эскадры флота.

Вооружение. Средств, привезенных Сунь Вэнем из Гонолулу, оказалось недостаточно. Тогда один из членов союза — Хуан Юн-шан продал принадлежавший ему дом за восемь тысяч долларов и передал их правительству. Закупили несколько сот револьверов с патронами и динамит. Закупкой оружия ведал Ян. Ему же поручили формирование боевых групп из китайцев, проживающих в Гонконге. Оружие и боеприпасы доставлялись в Кантон в бочонках на имя Лу Хао-дуна.

План действий. 26 октября по завершении сбора всех сил, назначенных к выступлению, по сигналу штаба начинается внезапный штурм дворца наместника. Дворец находился в старой цитадели Кантона. Захватив крепость и дворец наместника, дезорганизовав таким образом маньчжурский военный и административный аппарат, повстанческое руководство намеревалось обратиться к населению Кантона и всего Китая с призывом к всеобщему восстанию, а солдат китайцев — к переходу на сторону народа.

С военной точки зрения план не опирался на достаточные силы. Впрочем, в тот момент в Кантоне и у маньчжуротов было немного войск: большую часть гарнизона они еще во время войны перебросили в районы, прилегающие к побережью, где ожидалась высадка японцев. Политически план не был обеспечен: не были выдвинуты лозунги, доступные пониманию народа, руководители союза не считали нужным выставить лозунг наделения крестьян землей, улучшения условий их жизни. Это был план заговорщиков.

27 августа план восстания был окончательно утвержден. А 10 октября, за две недели до решительного выступления, в правлении союза вспыхнул конфликт, едва не приведший к расколу. Дело в том, что сочли нужным наметить будущего главу «Временного правительства», к которому перешла бы власть в случае победы. Сторонники Яна настаивали на его кандидатуре, сторонники Сунь Вэня с этим не соглашались. Сунь Вэнь не настаивал на своем избрании. Большинством голосов был избран Ян. Фактически с этого момента руководство восстанием и союзом перешло в его руки. И это сразу сказалось. Боевые группы в Гонконге, которыми руководил Ян, не были готовы к 26 октября. Восстание пришлось отложить на два дня — 28 октября 1895 года. Роковое решение! 26 октября восстание еще могло бы состояться, быть может, увенчалось бы хотя бы частичным морально-политическим успехом. 27 октября разразилась катастрофа. Английскому таможенному чиновнику показался подозрительным груз, прибывший на имя Лу Хао-дуна. Любопытный чиновник вскрыл бочонок

и, к своему удивлению, обнаружил там револьверы. Немедленно сообщил маньчжурским властям. В числе груза на имя Лу Хао-дуня оказались также восемьдесят пакетов с патронами. Когда 27 октября ничего не подозревавший Лу Хао-дун явился за «товаром», он был схвачен и брошен в тюрьму. На допросах его подвергли жесточайшим пыткам. Первый соратник Сунь Вэня погиб в страшных муках. Лу не счел нужным скрывать, что он участник подготовлявшегося восстания. Сохранилось его предсмертное письмо:

«Как и мой односельчанин Сунь Вэнь, я был возмущен гнильстью и жестокостью правительства чужеземного племени, продажностью и тупостью чиновников, захватническими планами и интригами иностранцев. Все должны знать, что без уничтожения Цинской династии нельзя возродить китайскую нацию, а добиться свержения маньчжурского владычества невозможно, не уничтожив китайцев предателей, находящихся на службе у маньчжуров. Сегодня нас постигла неудача, но меня утешает то, что хотя меня вы и казните, но всех тех, кто вслед за мной поднимется на борьбу, убить будет невозможно».

Аресты шли по всему городу. Отряд, отправленный 28 октября из Гонконга, вовремя остановить не успели и его целиком арестовали на пристани в Кантоне. Сорок пять боевых членов союза оказались в руках маньчжурских вешателей. В тюрьмы были брошены еще двадцать девять участников боевых групп. Арестовали адмирала Чэна (он умер в тюрьме).

Маньчжуры казнили еще двух молодых революционеров: Цю Си и Чжу Гуй-циуаня.

Властям удалось установить, что Сунь Ят-сен и Сунь Вэнь — одно и то же лицо и что именно Сунь Вэнь играет руководящую роль в Союзе возрождения Китая. Наместник отдал строжайший приказ: во что бы то ни стало найти Сунь Вэня. За его голову он назначил награду в тысячу таэлей. По всему Кантону и окрестностям власти развесили афиши с именами разыскиваемых революционеров.

Чжэн Ши-лян, Чэнь Шао-бо, Ян Цюй-юань и некоторые другие спаслись. Сумели обойти маньчжурские заставы и пробраться в Макао или в Гонконг. Сунь Вэнь три дня оставался в Кантоне. Его укрыли друзья.

Первое боевое выступление Союза возрождения Китая, подготовке которого Вэнь и его товарищи отдали столько сил, потерпело полную неудачу. Все равно — борьба началась!

Глава третья

РЕВОЛЮЦИОНЕР ВСЕГДА НА ПОСТУ

1. Поход продолжается!

Ветреный ноябрьский день. Начинается южная зима. Ясная, прохладная, сухая. Лучше, если бы стоял густой, непроницаемый мрак. Если бы лили дожди. Свет нужен для боя. При отступлении лучший союзник — тьма.

Еще очень рано. Маленькая сампанка скользит почти беззвучно по одному из рукавов дельты Жемчужной реки. В сампанке двое. Течение несет их на юг. Один правит веслом. Другой спит. Всю ночь он пробирался из Кантона пешком, чтобы выйти где-то возле Наньхая к берегу Северной реки, там его должны были ждать с сампанкой и переправить к морскому побережью. Едва не попался. Какой-то рыбак остановил, стал допытываться, кто такой, куда идет, не принимал ли участия в «мятеже».

— А тебе что? — спросил усталый путник.

— Хочу получить объявленную награду. Разве не слыхал, что обещана тысяча таэлей? Тысяча таэлей! Таких денег не имел никогда весь наш род...

— Ну, так беги и выдай меня! Беги скорей, что же ты стоишь! Но знаешь ли ты, кого собираешься погубить? Я один из тех, кто восстал против дьяволов в облике людей, а ты, китаец, хочешь продать этим дьяволам свою душу... Иди, иди, только не таэли ты получишь, а палки, они тебе плонут в лицо и обружают собакой. Разве не стыдно тебе?

Рыбак слушал, и какое-то новое выражение появилось в его глазах. Он думал. Потом спросил:

— А ты действительно участвовал в мятеже?

— Я уже ответил тебе. Разве не достаточно того, что я сказал? Слушай. Сотни лет страдает наш народ в бесправии, в нищете. Маньчжурские собаки втоптали нас в грязь. А мы терпим. Сколько же терпеть? А ты хочешь поправить свои дела предательством. Вот такие, как ты, и губят нашу родину.

— Иди с миром, — сказал, понурив голову, рыбак. — Иди и прости меня, глупого.

Путник поспешил дальше, шел вдоль берега, укрываясь в кустах. В условленном месте ждала сампанская с гребцом. Сел. Течение подхватило лодку.

Когда течение вынесло их к морю, они увидели вдали какие-то синеющие острова. Здесь путник расстался с сампанскою и двинулся к Макао. Подходя к городским воротам, он увидел на стене объявление, напечатанное крупными иероглифами. Прочитал:

«ОБЪЯВЛЕНИЕ НАМЕСТНИКА ЛЯНГУАНА КО ВСЕОБЩЕМУ СВЕДЕНИЮ. ВСЯКИЙ, КТО УКАЖЕТ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕСТУПНИКА СУНЬ ЯТ-СЕНА, ПО ПРОЗВИЩУ СУНЬ ВЭНЬ, УРОЖЕНЦА ДЕРЕВНИ ЦУИХЭН, УЕЗДА СЯНШАНЬ, ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН, ИЛИ ОКАЖЕТ ВЛАСТИМ ИНОЕ СОДЕЙСТВИЕ В ЕГО ПОИМКЕ, БУДЕТ НАГРАЖДЕН ОДНОЙ ТЫСЯЧЕЙ ТАЭЛЕЙ. ДА ОТНЕСУТСЯ К СЕМУ СО ВНИМАНИЕМ И ПОЧТИТЕЛЬНЫМ РВЕНИЕМ».

Путник усмехнулся и прошел в ворота. Через час он уже находился в доме старого знакомого по работе, сидел за столом, вымытый, чисто одетый и спокойный.

Это был Сунь Вэнь.

Старый знакомый говорил, пряча усмешку в усы:

— Так они назначили за вашу голову только тысячу таэлей! Скряги. За вашу голову, сударь мой, полагалось бы пообещать хотя бы в сто раз больше. Безмозглые собаки! Они хотят купить народ, сделать его соучастником их преступлений. Презренные! Однако что вы намерены предпринять?

— Хочу пробраться в Гонконг. Дальше видно будет.

— В Гонконге не безопасно. Там у Цинов много наемных агентов. Зарежут любого за несколько таэлей. Берегитесь!

— Я там не задержусь. Надо повидать кое-кого. Потом сообразим, что к чему.

— Ну, вам и карты в руки. Здесь вам оставаться тоже опасно.

Через несколько дней он уже был в Гонконге. Джеймс Кентли посоветовал ему обратиться к адвокату, чтобы узнать, может ли он рассчитывать на защиту британских властей. Смешной этот Кентли! Конечно, это было ни к чему. Адвокат мистер Денис предложил немедленно уехать, ибо, сказал он, в Гонконге, где рыщут агенты Цинов, он не поручится за его безопасность.

— Где бы вы ни были, — добавил Денис, — в любой части света помните, что у Пекина длинная рука...

В Гонконге находились Ши-лян и Шао-бо. Штаб союза распался. Ян оказался плохим организатором. Правление союза на Стэнтон-стрит, № 13 тоже перестало функционировать. Маньчжуры приговорили к смертной казни всех активных деятелей союза — Сунь Вэня и еще пятнадцать человек. Приказ гласил: в случае их поимки в Китае казнь должна совершиться немедленно; если они будут обнаружены за границей, надлежало заманить любого из них в ловушку, отправить в Китай для предания казни, а если отправить почему-либо окажется невозможным — расправиться на месте.

Маньчжурам удалось добиться от английских властей в Гонконге распоряжения о том, что все шестнадцать деятелей союза, приговоренные заочно к смерти, лишаются права в течение пяти лет появляться в этой «коронной колонии ее величества». Упоминались также Сунь Вэнь, Ши-лян, Шао-бо.

Делать было нечего: надо уезжать. Пришлось уехать в Японию. Больше деваться некуда.

В Кобэ, где они ступили на японский берег, почти не было китайцев. Перебрались в Йокогаму, там существовал китайский квартал. Жившие здесь

китайцы — торговцы, мелкие предприниматели, ремесленники — мало интересовались политикой, а тем более революционной деятельностью. Вновь приехавших никто не знал. На них не обратили внимания. Не думал тогда Сунь Вэнь, что в эти ноябрьские дни 1895 года началась для него и многих его товарищей жизнь изгнанников и что они увидят родной Гуандун только через шестнадцать долгих лет.

В Йокогаме Сунь Вэнь решил навсегда расстаться с той внешностью, которая была предписана китайцам маньчжурами: он срезал косу, купил европейское платье и отпустил усы. В Китае в то время было в ходу правило: усы отпускает тот, кто достиг «степени дедушки». «Нарушим этот обычай, — смеясь, сказал себе Вэнь, — начнем носить усы немного раньше». Имя свое он тоже сменил, стал называться по-японски — Накаямой. Никто не принял бы его за китайца. Смуглый цвет лица, фигура, прическа, усы — метаморфоза была полная. «Пригодится и поможет избежнуть многих опасностей», — объяснил своим товарищам, когда те единогласно заявили, что он «вылитый японец». Сунь Вэнь им сказал:

— А теперь, друзья, давайте обсудим наши дела. Мы потерпели поражение. Наш союз почти разбит. В конце октября в его рядах было около трехсот членов. Сколько осталось? Сколько ушло по малодушию? Когда революция переживает спад, случайные попутчики отходят от нее. Надо признать: организация наша слабая. Проявим мужество и выскажем все начистоту. И вот что я хочу сказать еще. Нам, видимо, придется все начинать сначала. Я готов. Вообще это должно быть для нас законом: снова и еще раз возобновлять усилия. И с каждым разом будем ближе к цели. Опыт борьбы имеет великое значение. Если нужно начать сначала — начнем! Хоть сто раз.

Чжэн Ши-лян сказал, что хочет вернуться нелегально в Гонконг, разыскать там людей, восстановить язвы и связи и попытаться проникнуть в Китай, чтобы восстановить связи с отделениями союза, выяснить, где они сохранились и что можно предпринять там, где они разгромлены.

— Брат, помнишь ли ты, что над нами произнесен смертный приговор? — Сказав это, Сунь Вэнь пристально взглянул на Ши-ляна.

— Старший брат мой Сунь Вэнь, — ответил Ши-лян, — мы все братья Лу Хао-дуна. Его кровь кипит во мне, во тебе, во всех нас. Я буду осторожен, но нам неведом страх. Я обязательно поеду. Надо восстанавливать нашу организацию. Вот только беда — у нас нет денег.

— Ты прав, брат Ши-лян. Но будь осторожен и осмотрителен. Не рискуй без надобности. Твоя гибель будет еще одной победой дьяволов. Нельзя дать им одержать такую победу. Нас теперь мало. Каждый из нас — это пока незаменимая часть нашей силы. Деньги для поездки найдутся, кое-что осталось. Что касается меня — хочу съездить на Гавайи, собрать там деньги наверняка удастся, перешлю вам, а потом думаю обехать китайские колонии в Америке и, если удастся, побывать в Европе. Мир должен, наконец, узнать о борьбе китайских революционеров и о кровавых преступлениях маньчжурского режима. Очень прошу тебя, брат Ши-лян, помни всегда о необходимости соблюдать конспирацию. Не забывай: тигр нападает исключительно сзади и почти всегда ночью...

Пришел час, когда они расстались.

Сунь Вэнь не все сказал своим друзьям. Он много думал об уроках постигшей их неудачи. Не то чтобы он отчаялся, нет, об этом не было речи — характер его еще больше закалился, вера в революционное дело была безгранична. Его занимала мысль о том, что революционная партия должна иметь программу, содержащую главные идеи, во имя которых она зовет народ на борьбу. Тайпины создали такую программу — всеобщее равенство было ее главной идеей. Но эта программа причудливо переплеталась с монархической формой власти и христианством как идеологией всего движения. «Небесный царь» — Хун Сю-цюань был к тому же провозглашен «Сыном неба», новым Христом, и, таким образом, у народа была отнята потребность в самодеятельности: все предо-

ставлялось воле и «божественному проникновению» верховного владыки.

Революционной партии нужна программа, рассчитанная на длительный срок, программа преобразований, включающая принципы этих преобразований и идей, лежащих в основе этих принципов. Революционной партии нужно свое учение о преобразовании страны и перевоспитании народа. Ни одна революционная партия в Китае не имела и не имеет такой программы и такого учения. И в этом слабость революционного лагеря в Китае.

В январе 1896 года Сунь Вэнь прибыл в Гонолулу. Брат встретил его сдержанно. Он был «разочарован» неудачей союза. Он не понимал, что предстоит жестокая борьба. Мать, жена и дети радовались его приезду. Мать плакала и упрекала его: «Зачем ты это сделал? Сколько горя всем нам причинил и навлек на нас позор». Что мог он ей сказать? Утешал. Уверял, что все будет хорошо. Тяжелый был разговор. Мать не могла понять сына: образован, имеет специальность, семью, а по поведению — сорванец. Если бы отец был жив!.. Но и там, на небе, его душа, наверное, страдает. Спорить со старушкой не стоило. Сунь Вэнь был с ней ласков, и в конце концов она успокоилась. И жена была им недовольна. Этому горю он ничем помочь не мог...

Самое печальное — не оправдались надежды на содействие отделения союза на Гавайях. Оно распалось. Многие из тех, кто с воодушевлением слушал его речи в 1894 году, поклялись никогда не иметь ничего общего с революционным движением. Единственный положительный результат пребывания в Гонолулу был в том, что однажды случайно встретил на улице Джеймса Кентли с женой и дочерью. Кентли не узнал своего бывшего студента. Велико же было его удивление, когда этот странный господин, похожий на японца, оказался Сунь Вэнем. Семья Кентли была в Гонолулу проездом в Англию, куда она возвращалась из Гонконга, где срок службы профес-

сора кончился. Договорились, что, когда доктор Сунь приедет в Лондон, он непременно станет у них бывать. Кентли посоветовал Сунь Вэню быть осторожным, ибо маньчжурская агентура наверняка не выпускает его из поля зрения.

Сунь Вэнь пробыл в Гонолулу несколько месяцев, пытался восстановить местное отделение союза. Организовать удалось небольшую группу. Сбор средств дал немного. Часть отоспал друзьям в Японию.

В июне 1896 года Сунь Вэнь выехал в Соединенные Штаты Америки. Там много китайцев, особенно на тихоокеанском побережье. И кантонцев порядочно. Особенno в Сан-Франциско. Но там его ждало разочарование. Местных китайцев мало интересовало то, о чем рассказывал молодой интеллигентный соотечественник. Удалось организовать группу из двадцати человек, причем не было уверенности в том, что она долго просуществует после его отъезда. Провели сбор средств. Три месяца провел Сунь Вэнь в этом крупном и своеобразном городе, устал, но все же решил продолжать путешествие.

Сунь Вэнь без особого труда установил, что за ним следят. Какие-то китайцы ходили по пятам. Собирали о нем сведения в гостинице, где остановился. Достали его фотокарточку, которую имел неосторожность заказать у местного фотографа. Маньчжурские агенты не мешали ему и не угрожали — только следили. Когда он выехал в Нью-Йорк, чтобы там сесть на пароход, шпионы китайского посольства, ехавшие вслед за ним, очень скоро узнали, каким пароходом Вэнь уезжает в Англию, и на имя китайского посланника полетела в Лондон депеша: «Известный следует на пароходе «Маджестик», прибывает в Ливерпуль 1 октября сего года». Депеша шла клером: маньчжуры спешили и не считали нужным шифровать.

2. Похищение в Лондоне

1 октября 1896 года «Маджестик» бросил якорь в Ливерпуле.

Сунь Вэнь сошел на берег и сразу окунулся

в шумную жизнь одного из крупнейших английских портов. Масштабы его не удивляли: Сан-Франциско и Нью-Йорк не уступят Ливерпулю. Но в первом океан, врезанный в берег обширными заливами и бухтами, так неимоверно громаден, что перекрывает все, что находится на берегу; творения рук человеческих стушевываются перед грандиозным созданием природы. Нью-Йорк промелькнул незаметно. Даже небоскребы, уже поднимавшиеся на Манхэттене, не произвели большого впечатления. В Ливерпуле, где мачты и трубы, рев сирен и свистки паровозов возникали, как гигантская симфония красок и звуков, Вэнь еще ощущал запахи моря, запахи всех частей света. Целый мир был перед ним. Вот этой неумолчной деятельности, этого шума труда и движения не хватало его родине, застывшей в вековой неподвижности. В Китае сила — это глина, камень, дерево, вода, ветер. Здесь — сталь, уголь, пар, электричество. Дома — человеческая мускульная сила, верблюд, буйвол. Здесь — царство машин и механизмов, приборов и устройств.

Поезд быстро примчал его в Лондон. Кéб доставил путешественника к дому Кентли. Встретили его сердечно и помогли устроиться поблизости.

Не знал Сунь Вэнь, что через несколько домов от дома его друзей находится китайская миссия. Кентли жили на Девоншир-стрит, в доме № 46; китайская миссия помещалась рядом, на той же улице, в доме № 49. Не придал этому большого значения и Кентли. На всякий случай Кентли договорились со своим гостем о том, что он должен приходить к ним в десять часов утра; если Вэнь не придет к этому сроку, они будут знать, что с ним что-то случилось, и начнут разыскивать его. Эта предусмотрительность оказалась нeliшней.

Сунь Вэнь считал, что о его приезде в Лондон китайская миссия не имеет понятия. Он ошибался.

Шпионы китайской миссии установили, что разыскиваемый пекинским правительством «государственный преступник», приговоренный к смерти за «мя-

теж», ежедневно бывает в доме по соседству. Заработал телеграф между Лондоном и Пекином. Пока в Пекине чиновники дешифровали депешу и советовались, что предпринять, прошло десять дней. Потом пришел ответ: схватить и доложить. Но в Лондоне... К тому же этот Сунь Вэнь в дружбе с сэром Джеймсом Кентли...

Но приказ есть приказ, и его следует выполнить в точности.

Китайскую миссию в Лондоне возглавлял китайский чиновник, но фактически полным хозяином там был англичанин, сэр Халлидей Мак-Картней. Этот английский дворянин, носитель титула и кавалер ордена Подвязки, собственно, руководил всей операцией по похищению Сунь Вэня. Осуществлена она была дерзко и грубо, как будто дело происходило в каком-нибудь захолустном городишке цинского царства.

11 октября 1896 года Сунь Вэнь шел к своим друзьям. Было 10 часов 30 минут утра. Не доходя дома Кентли, Сунь Вэнь уловил за своей спиной чьи-то «кошачьи» шаги. Он быстро обернулся и оказался лицом к лицу с человеком в китайском платье, который кланялся и что-то бормотал на кантонском диалекте. На бледном лице незнакомца блуждала притворная, слашавая улыбка.

— Вы японец? — спросил незнакомец. — Или вы китаец? Но вы не здешний.

— Я китаец, — ответил Сунь Вэнь по-кантонски.

— Очень приятно. Как я рад встретить земляка! — затараторил незнакомец. — И мои друзья тоже были бы рады, если бы вы согласились зайти к нам на несколько минут. Мы живем на этой же улице, в двух шагах отсюда. Очень прошу вас: зайдемте, посидим, покурим, поболтаем...

Откуда-то появился второй китаец, потом третий, они окружили Вэня и настойчиво оттесняли от дома Кентли. Сунь Вэнь не успел собраться с мыслями, как оказался возле какого-то дома, дверь этого дома открылась, и неожиданные «земляки» втолкнули Вэ-

ня внутрь здания. «Хозяева» толкали его все дальше и насильно повели наверх. Через минуту он оказался на чердачном этаже, в крохотной полутемной комнате с маленьким окошком, выходившим на крышу соседнего дома. Дверь в эту комнату-камеру захлопнулась. «Хозяева» исчезли. Два раза щелкнул замок. Попался!

Сунь Вэнь понимал, что находится в руках гнусных негодяев и пощады от них ожидать не следует. Как назло, не взял с собой пистолета, с которым обычно не расставался. Он был взволнован и страшно зол на себя. Как это он так сплоховал, растерялся! Надо было сразу догадаться, что это за «китайцы» и «земляки»! Так глупо попасться!

Конечно, они могут его убить тут же, а труп спрятать или закопать, или ночью вывезти и бросить в Темзу. Но посмеют ли?

Единственно, что может его спасти, — дать знать Кентли о случившемся. Но как?

Кто-то поворачивает ключ в замке. Дверь открывается. Сунь Вэнь ясно видит у дверей караульного с ружьем. В комнату входит сгорбленный старик с острыми, как у ворона, чертами лица. Молчаливо оглядывает Сунь Вэня и выходит. Дверь опять захлопывается. Мысль Сунь Вэня работает лихорадочно. Кто этот противный старик? Не китаец и не маньчжур. Кто же он? Это выясняется очень скоро. Дверь открывается, и появляется «земляк», тот, кто заманил Вэня в этот дом. Он гнусно ухмыляется и говорит, что Сунь Вэню лучше «во всем сознаться». Сейчас к нему придет советник миссии сэр Халлидей Мак-Картней и снимет с него допрос. Откровенность и искренность могут облегчить предстоящее исполнение приговора, например его избавят от пыток...

Значит, ему предлагают исповедаться? А что вообще ждет его?

Чиновник отвечает, что все зависит от указаний высшего начальства.

Входит сэр Халлидей Мак-Картней, и разговор прерывается. Но тут же начинается допрос.

Подтверждает ли задержанный, что его зовут Сунь Вэнь, а также Сунь Ят-сен?

Сунь Вэнь отвечает, что это соответствует действительности.

Англичанин говорит, что его не интересует, зачем Сунь Вэнь, он же Сунь Ят-сен, прибыл в Лондон, ибо это не имеет значения. Зато он хочет знать, кому Вэнь известен в Лондоне.

Сунь Вэнь отвечает, что его знает кое-кто, в том числе видные личности. Имен называть не будет.

Англичанин покидает комнату.

Все ясно. Если не удастся известить Кентли, тогда... Но как дать знать Кентли? При аресте Сунь Вэня неумело обыскали. У него остались при себе деньги — двадцать с лишним фунтов стерлингов, карандаш, визитные карточки, записная книжка, серебряные монеты. Пытался выбросить записки из своего окошка. Заворачивал монеты в записки и швырял в окно. Записки попадали на крышу соседнего дома. Кто-то их подбирал. Но это не меняло положения узника.

Каждый день в комнату впускали англичанина-слугу, который убирал, приносил кое-какую еду, уголь и воду для умывания. С арестованным он не разговаривал, даже не смотрел в его сторону. Сунь Вэнь пытался заговорить с ним. В ответ — молчание. Так же молча уходил. Каждый день Сунь Вэнь заговаривал с этим человеком, объяснял ему, что его, Суня, ждет казнь, убеждал снести записку Кентли, предлагал деньги, двадцать фунтов. Встречал холодное молчание.

Но все-таки уговоры и просьбы Сунь Вэня подействовали. В конце первой недели заключения англичанин шепнул еле слышно:

— Давайте записку. И адрес.

Сунь Вэнь быстро набросал несколько слов. Англичанин взял записку и деньги, предложенные ему, и вышел.

Но он так и не решился отнести записку. Лишь рассказал обо всем своей жене. Она оказалась куда более храброй, чем ее супруг. Сама написала запи-

ску, отправилась поздно вечером к дому Кентли, постучала в дверь и, услышав внутри дома шаги, положила записку на ступенях крыльца и скрылась. Кентли открыл дверь, заметил записку, поднял ее, вернулся в дом и прочитал:

«Ваш друг с минувшего воскресенья находится в заключении в помещении китайской миссии. Его намерены отправить в Китай, где, без сомнения, повесят. Это очень печалит бедного человека, и если немедленно не будут приняты срочные меры, то его увезут и никто об этом не узнает. Я не рискую подписаться, но верьте мне: все, что здесь сказано, есть истинная правда. Что бы вы ни решили делать — делайте скорей, иначе будет поздно. Его имя, ялагаю, Лин Ен Сен».

Наконец судьба Сунь Вэня выяснилась. Страшная участь ждала бедного доктора!

Записка была доставлена в субботу 17 октября, около полуночи. Кентли поспешил в полицию. Заспанный дежурный, равнодушно выслушав сообщение о похищении человека среди бела дня в Лондоне, усмехнулся и посоветовал Кентли пойти домой и выпиться, добавив, что если он маленько переложил, то это небольшая беда, но не следует беспокоить людей такими смешными историями.

Но Кентли помчался к сэру Халлидею Мак-Картнею. Того не оказалось дома. Никого не оказалось дома. Все важные господа разъехались по загородным домам. Уик-энд! Воскресенье тоже был день пустой. Оставалось ждать понедельника. Но от Сунь Вэня поступило новое сообщение: через два дня его увезут. Кентли бросился в министерство иностранных дел. Нашел дежурного чиновника. Тот обещал доложить о случившемся начальству в понедельник утром. Кентли поехал в редакцию газеты «Таймс». И там ему не поверили. Теперь возникла новая тревога: а что, если узника увезут сегодня же ночью? Кентли и пришедший ему на помощь знакомый решили дежурить всю ночь у китайской миссии.

Ночь с воскресенья на понедельник прошла спокойно. Сунь Вэня не увезли. А в понедельник о по-

хищении Сунь Ят-сена и об интернировании его в помещении китайской миссии доложили министру иностранных дел. Тот, очень недолюбливавший сэра Халлидея Мак-Картнея, разыграл сцену возмущения «поразительным нарушением законов этой страны» и распорядился, чтобы Скотланд ярд — управление полиции — организовал блокаду китайской миссии. Агенты Скотланд ярда в штатском заняли посты у всех выходов из миссии. Тем временем Кентли сумел убедить корреспондента газеты «Глоб» заняться делом Сунь Вэня. 21 октября в этой газете появилось подробное сообщение о случившемся. Корреспонденты других газет бросились в дом Кентли, превратившийся в своего рода «пресс-центр» кампании за освобождение китайского революционера. Вся лондонская печать, не исключая «Таймса», поместила сообщения и интервью профессора Кентли. Авантюра сэра Халлидея рухнула. Как ни изворачивался этот прислужник маньчжуротов, а пленника пришлось отпустить, когда 23 октября в миссию явился Кентли в сопровождении инспектора полиции и представителя министерства иностранных дел. Сначала Мак-Картней пытался лгать. Он «клятвенно» уверял, что «джентльмены ошибаются». Но ему пригрозили, что если Сунь Ят-сен не будет немедленно освобожден, то полиция произведет в помещении тщательный обыск. За последствия скандала отвечать придется ему, Мак-Картнею. Лицо дипломата-тюремщика исказилось отвратительной гримасой бешенства. Он понял: сорвалось! Через несколько минут Сунь Вэнь появился в вестибюле миссии и покинул свою тюрьму, где провел двенадцать дней.

Через два дня из Пекина пришел приказ: отправить Сунь Вэня в Китай. Но было уже поздно!

Для богдыханского правительства вся эта история имела самые неблагоприятные последствия. Его и без того низко павший престиж получил еще один сокрушительный удар. А имя Сунь Вэня, сравнительно мало известное до этого за пределами Китая, прогремело на весь мир. Газеты и журналы всех

стран печатали его портреты и сообщения о его борьбе против маньчжурского режима.

Представителям прессы Сунь Вэнь заявил, что его мало заботила личная судьба. «Чего я особенно боялся, так это гибельного влияния, какое привоз мой в Китай и казнь там имели бы на дело, за которое я боролся... Удайся китайской миссии добыть мои бумаги из моей квартиры, дело осложнилось бы еще больше и повело бы к гибели многих из моих друзей. Впрочем, госпожа Кентли сообразила, чем грозит последнее обстоятельство. Она отправилась на мою квартиру, забрала все находившиеся там бумаги и сожгла».

Через два дня после освобождения, 25 октября, в газете «Таймс» появилось письмо Сунь Вэня. Китайский революционер решил, что последнее слово в только что разыгравшейся драматической истории должно быть сказано им. Он написал:

«Я еще деятельнее отдамся делу прогресса, просвещения и цивилизации моей собственной дорогой, но угнетенной родины».

В круглом читальном зале Британского музея появился новый читатель. Стойкий смуглый человек восточного типа, аккуратно одетый. Читает много. Генри Джорджа, Жан Жака Руссо, Сен-Симона, Фурье, Рикардо, Мальтуса, Дарвина, Прудона, Карла Маркса. Читает, размышляет, делает обширные выписки. Изучает труды по всемирной истории, особенно стран Востока, политической экономии, государственному праву, сельскому хозяйству, о земельных преобразованиях в различных странах; железнодорожное дело, промышленность и горное дело его также интересуют.

Иногда навещает знакомых. Он знал, что в Лондоне находится видный русский публицист. Случилось так, что в доме некоего Крегса он встретил этого русского. Заязался интересный разговор. Сунь любил беседовать с содержательными людьми. Но на этот раз героям вечера был он сам. «Похищенный» привлекал всеобщее внимание. Пришлось

Сунь Вэню удовлетворить любознательность собравшихся.

— Итак, вы верите в возможность прогрессивного народного движения в Китае? — спросил у доктора Сунь Ят-сена русский публицист.

— О, конечно!

— Что же вы желали бы видеть в Китае вместо теперешнего режима?

— Ответственное, представительное правление. Кроме того, необходимо открыть в страну доступ европейской цивилизации. Я не хочу сказать, что нам нужно пересаживать целиком все. У нас есть своя цивилизация. Но вследствие невозможности сравнения, выбора, а стало быть и развития, она замерла. Притом же она теперь совершенно недоступна народной массе.

— Иначе говоря, вы желаете Китаю приблизительно то же самое, что случилось в Японии?

— Да. Но ведь японская цивилизация есть, собственно, китайская: она занесена в Японию из Китая.

— Ну, а много ли найдется членов в тех тайных обществах, которыми располагает ваша партия?

И этот вопрос задал русский.

Сунь Вэнь подумал и сказал:

— Видите ли, определить их число я не решусь. Но вот что могу сказать вам. В центральных наших провинциях, Хунани и Хубэе, более трех четвертей населения принадлежит к тайным обществам. Юго-восточные провинции также кишат тайными организациями, да и в остальном Китае они процветают. Чего не хватает им? Оружия. Потом, для восстания требуется известное стечье благоприятных обстоятельств. Во всяком случае, народное восстание — только вопрос времени.

— Как вы относитесь к реформаторам?

— Проповедь реформаторов бесцельна. На китайских чиновников она производит не больше влияния, чем том проповедей, брошенный в стаю акул. В своей провинции чиновник может грабить сколько ему угодно: он там царь и бог. Народ же абсолютно бесправен. И вот этот официальный вор является

непререкаемым авторитетом во всех общественных, политических и правовых делах. Никаким реформаторам он без жестокой борьбы своей власти не уступит. Только глупенькие болтуны могут утверждать обратное.

Перед самым концом беседы Сунь Вэнь обратился к собравшимся с небольшой речью. В голосе его звучала страстная убежденность:

— Леди и джентльмены! Перед тем как мы расстанемся, я хотел бы, с вашего разрешения, выполнить здесь долг китайского революционера. Мы, китайские революционеры, считаем одной из своих важных задач и обязанностей перед китайским народом и всем человечеством срывать маски с бесчеловечных, полудиких маньчжурских правителей, сотни лет угнетающих наш народ. То, что произошло со мной здесь, в Лондоне, — мелкий эпизод, если сравнить с ужасами, творящимися в Китае. Вас возмутил произвол маньчжурских чиновников, похитивших меня и тем самым надругавшихся над законами этой страны. Представляете ли вы себе, что они творят там, где всесильны и где пока никто не в состоянии призвать их к ответу! Китайский народ лишен каких бы то ни было прав. Он не имеет голоса в решении вопросов общеимперских или даже муниципальных. Решение во всех случаях принадлежит всецело чиновникам, мандаринам, точнее — бюрократии. И на них некому пожаловаться, хотя для проформы существует контрольный департамент, а по обычаю каждый подданный императора вправе обратиться непосредственно к нему с жалобой. Но горе тому, кто вздумал бы жаловаться на императорских сановников! Ведь каждое их слово — закон, им фактически предоставлена полная свобода приводить в исполнение все, что их душа пожелает, с полной безответственностью, и каждый из них может безнаказанно наживаться за счет своей власти сколько ему угодно. Вымогательство есть своего рода институт: это условие, на котором чиновники получают свои места, и лишь в том случае, когда чиновничий вымогатель не умеет «чисто» обделывать дела, всту-

пается в дело правительство; вступаясь, оно делает вид, что хочет восстановить справедливость, в сущности же, в большинстве случаев лишь затем, чтобы докончить стрижку.

И еще об одном хочу сказать вам. Китайское правительство держит народные массы в полном невежестве относительно того, что происходит в мире...

По мере того как Сунь Вэнь говорил, выражение его лица становилось все более суровым. Голос звучал негромко, но слова, слетавшие с губ, были полны патетической силы. Высокий лоб побледнел, что еще больше оттеняло черный цвет волос. Он сделал паузу и, резко произнося каждое слово, закончил:

— Поддержание невежества народных масс составляет главную — я подчеркиваю со всей серьезностью: главную — заботу китайского правительства. И мы не сложим оружия, пока это чудовищное правительство и строй, который оно оберегает, не будут низвергнуты в пропасть!

В комнате раздались аплодисменты. Речь доктора Суня произвела большое впечатление.

Перед тем как рас прощаться, Сунь Вэнь отвел русского в сторону и спросил, есть ли надежда издать в России только что вышедшую его книжечку «Похищение в Лондоне». Русский ответил, что у него на этот счет нет сомнений. Петербургский журнал «Русское богатство», корреспондентом которого он состоит, наверное, с охотой опубликует перевод книжки, тем более что в передовых слоях русского общества с вниманием и сочувствием следят за важной борьбой китайских революционеров,бросивших вызов тирании, весьма схожей с тиранией российского самодержавия. Китайские и русские революционеры — естественные союзники, китайский и русский народы живут бок о бок сотни лет. У них много общих задач.

Сунь Вэнь был с этим согласен. Но он мало что знал о России, кроме того, что ее правители участвуют в ограблении Китая совместно с другими иностранными державами. Встреча с русским публицистом в Лондоне впервые показала Сунь Вэню, что

в России у китайского народа есть и друзья. Это было очень хорошо!

Русский публицист был прав: через некоторое время русский перевод книжечки Сунь Вэня и подробный отчет о беседе с ним в доме Крегса были опубликованы в журнале «Русское богатство». Журнал напечатал также статью Сунь Вэня о задачах преобразования Китая.

Имя доктора Суня с тех пор стало известно в передовом русском обществе.

Через несколько месяцев Сунь Вэнь тепло попрощался с супругами Кентли и, никем не замеченный, покинул столицу Англии. Он спешил в Париж — в город революционных бурь и геройства масс, где еще была свежа память о коммунарах и Коммуне. Знал, кому обратиться. Он установил контакт с некоторыми деятелями II Интернационала.

Из Парижа Сунь Вэнь отправился в Брюссель, ознакомился с общественными институтами Бельгии, с такой же целью посетил Швейцарию, побывал в Германии.

Он возвращался назад. Предстоял долгий путь. Ехал в обратном направлении: Англия — Соединенные Штаты Америки — Гавайи — Япония.

Почти два года отсутствовал Сунь Вэнь. Тем не менее знал, что происходит в стране. Европейская и американская пресса была к его услугам. В Лондоне и Париже, в Берлине нетрудно было доставать японские газеты и кое-какие китайские издания. Своих друзей Шао-бо и Ши-ляна не забывал, аккуратно посыпал им отчеты о своих делах. Они писали ему. Одного он лишь не знал: его ждали неожиданные знакомства.

3. Опыт борьбы

Сунь Вэнь возвращался из Европы, не забывая о строгой конспирации. Избегал встреч с лицами, похожими на маньчжуров или китайцев. Следил за

тем, чтобы никто не увязывался за ним. Вообще старался держаться в тени. Понимал, что «длинная рука» пекинских властей угрожающе протянута к его горлу. Неудача, которая постигла их в Лондоне, скандальное разоблачение гнусных методов расправы с политическими противниками режима до крайности распалили обитателей «Запретного города» и больше всего — погрязшую в преступлениях клику Цыси. Бороться с идеями революционеров пекинская камарилья не умела, для этого она была слишком невежественна. Все надежды возлагала на топоры и плахи: рубить головы, в которых эти идеи зарождались и жили!

Сунь Вэнь слишком хорошо знал, что в Пекине голову его оценили сначала в двести, а потом — в семьсот тысяч таэлей, и соблюдал крайнюю осторожность. Никто не знал, что он вернулся в Лондон, откуда выехал в Ливерпуль и сел на пароход. Потом его крепкая фигура промелькнула в Сан-Франциско. И, наконец, он высадился в Гонолулу. Побыл недолго в кругу семьи и незаметно проскользнул на пароход, который доставил его в Йокогаму.

В пути Сунь мог на досуге спокойно подвести некоторые итоги путешествию, продолжавшемуся почти два года, и обдумать положение на родине. Прежде всего пришел к заключению, что в результате поражения в Кантоне, арестов и казней Союз возрождения Китая фактически перестал существовать. Первый натиск небольшой группы революционеров на цитадель маньчжуртов в Южном Китае отбил с тяжелыми потерями. От союза отошли многие его сторонники «первого призыва». С горечью пришлось признать: «Даже старые члены союза не скрывали своего отчаяния, а некоторые просто отреклись от наших идей». Еще тяжелее было сознавать, что в более широких общественных кругах Сунь Вэня и его друзей называли «смутьянами» и «злодеями».

Но это было еще не все. За это время необычайно выросла активность и популярность реформаторов. Имена Кан Ю-вэя, Лян Ци-чao и других были у всех

на устах. Кан Ю-вей и его сторонники сочиняли все новые меморандумы и проекты реформы, осаждали императора своими советами. Безвольный, слабохарактерный Цзайтинь должен был найти силы, чтобы отстранить от власти свою «божественную» тетку Цыси, а если та вздумала бы сопротивляться — арестовать ее и заточить в каком-нибудь дворце и держать там под угрозой смертной казни при первой же попытке нарушить волю «Сына неба». Кан Ю-вею казалось, что император не только способен на такой шаг, но располагает реальной силой для разгрома крайне реакционного крыла дворцовой камарильи, состоявшего из заскорузлых бюрократов и твердолобых вельмож. Не только Кан Ю-вею так казалось. Временами и сам Цзайтинь, склонявшийся к советам реформаторов, пугавших двор призраком революции, начинал верить в то, что действительно в состоянии сломить упорстволастной и жестокой Цыси и разогнать ее окружение. Император страстно ненавидел Цыси, но и смертельно боялся ее. Он знал, что в борьбе за власть она пойдет на все: на любую резню, казни, пытки, столь излюбленные маньчжурами. Котлы и пицы, виселицы, колесование и четвертование — не один раз прибегала она к этим зверским средствам, когда ее тираническому господству грозила опасность.

С удивлением и огорчением узнал Сунь Вэнь, что в рядах реформаторов, правда на самом левом крыле, оказался и Тань Сы-тун, противник монархии. Тань настаивал на борьбе против иностранных угнетателей и отвергал феодальные «идеи». И этот увлекся миражем. Беда!

Реформаторы, овладев на время настроениями просвещенной части общества, разлагали лучшую часть интеллигенции, сеяли пагубные иллюзии, вызывали необоснованные надежды на «реформы сверху» и тем самым удерживали людей от революционной борьбы. В этом был величайший вред проповедей реформаторов. Что следовало им противопоставить? Конечно, и слово, но главным образом дело, революционное дело.

У революционеров не было ни медяка. Богатые китайские эмигранты отказывались жертвовать на революционную работу. Они были «разочарованы». Их тоже увлекала проповедь реформаторов.

Трудности велики. Но терять мужества не следует. Изучение опыта великих революций подтверждало, что, когда начинается активная борьба и революционные действия проводятся смело и решительно, находятся средства, ибо поднимается волна сочувствия и поддержки. Поэтому — к действию! В этом ключе всем решениям...

Чэнь Шао-бо, у которого Сунь жил в Йокогаме, рассказал ему, что установил некоторые интересные знакомства. Кстати, помнит ли Вэнь японца — христианского священника с Гавайев, Сугавара Дэна? Помнит. В свое время, прибыв в Йокогаму, Вэнь встретил там Сугавара Дэна и познакомил его с Чэнь Шао-бо. А этот японский поп, уже после отъезда Вэня в Америку и в Европу, свел Чэнь Шао-бо с неким Миядзаки Ядзо, которого заинтересовала работа Шао-бо среди кантонцев, проживающих в Йокогаме. Их тут около тысячи. Ядзо тоже вел какую-то работу среди китайцев. Какую именно — Шао-бо не мог сказать. Ядзо был болен и вскоре умер.

Дальше произошло вот что.

Торадзо, младший брат Ядзо Миядзаки, выполнял какие-то поручения японских организаций, изучавших Южный Китай. Как раз собирался выехать туда, когда в один из августовских дней 1897 года получил от японского разведчика, бывшего морского офицера Сонэ Тоситора приглашение в гости. Пришел с опозданием и узнал, что упустил возможность познакомиться с одним китайцем, по имени Чэнь Шао-бо, участником неудавшегося восстания в Кантоне. Торадзо взял адрес и помчался в Йокогаму. От Шао-бо он впервые получил подробные данные о Союзе возрождения Китая и его руководителе Сунь Ят-сене.

— Позвольте, не тот ли это Сунь Ят-сен, имя которого прогремело в связи с похищением в Лондо-

не? — спросил крайне заинтересованный Миядзаки Торадзо.

— Да, он самый, — ответил Шао-бо. — Если вас интересуют подробности, почитайте вот это.

И Шао-бо вручил посетителю экземпляр книжки Сунь Ят-сена «Похищение в Лондоне».

— А где сейчас находится Сунь Ят-сен? — полюбопытствовал Миядзаки Торадзо.

Шао-бо ответил своему собеседнику, что об этом ему ничего не известно. Возможно, что Сунь Ят-сен скоро вернется в Йокогаму. Точнее можно узнать в Гонконге у некоторых лиц, с которыми лидер Союза возрождения Китая поддерживает связь. Видимо, Шао-бо не имел права, по соображениям конспирации, сообщать что-либо о передвижениях Сунь Ят-сена. Шао-бо дал Миядзаки Торадзо явку на Гонконг, к некоему Хэ Ши-линю. С письмом Шао-бо Миядзаки и еще один японец, Хирама Сю, выехали в Гонконг. Но как найти этого Хэ? Оказалось, что Хэ уехал в Амой, в провинцию Фуцзянь. Миядзаки в сопровождении Хирамы добрался до Хэ. Но тот был очень сдержан и, ничего не сообщив, отоспал их к некоему Гу Фын-ши в Гонконге. Нашли и этого Гу. Он был не один. Пришел на явку с группой лиц. Разговор состоялся в храме после молитвы, поздно вечером. Внимательно прочитав письмо Шао-бо и выслушав слова, сказанные Хэ в Амое, собеседники Миядзаки посовещались и после этого Гу сообщил, что по имеющимся у них сведениям доктор Сунь прибывает в Йокогаму на следующий день.

В ту же ночь японские деятели выехали в Японию. Прибыв в Йокогаму, Миядзаки отправился к Шао-бо. Горничная, открывшая ему дверь, сообщила, что хозяин квартиры вышел, что здесь находится другой господин, прибывший из-за границы, но он, по-видимому, еще спит. Пока Миядзаки раздумывал, что делать, дверь одной из комнат приотворилась и показалось чье-то заспанное лицо. Осведомившись, что угодно гостю, и узнав, что за дело привело его в дом, Сунь Ят-сен, ибо это был он,

пригласил Миядзаки зайти в комнату, быстро оделся и сказал, что готов его выслушать.

Приход Миядзаки не удивил Сунь Вэня, из рассказа Шао-бо он знал о желании японцев установить с ним контакт. Миядзаки осторожно расспрашивал Сунь Вэня о его политических взглядах. Услышал в ответ: «Убежден в неотъемлемости права самоуправления и поэтому выступаю за республиканский строй в Китае. Только такой строй разрешит все существующие трудности. Необходим человек, который возглавил бы свержение маньчжуртов и спас бы Китай. Он сам не способен играть такую роль, но, если бы небо благословило его партию, он отдал бы все свои силы, чтобы помочь такому человеку, когда тот появится». Сказано это было просто, с чувством большого достоинства.

Как же помочь Китаю? Сунь Вэнь ответил, что оказать помощь народу Китая можно только одним путем — путем революции.

И главное, настаивал Сунь Вэнь, нужно действовать не откладывая. В настоящее время революционная организация не имеет ни средств, ни оружия, но люди есть.

Каждый из собеседников думал о своем, хотя говорили, кажется, об одном и том же. Вопрос стоял так: кто кого использует?

Сунь Вэнь ни на минуту не сомневался, что Миядзаки Торадзо не зря его разыскивал. Он, Вэнь, для чего-то нужен тем, кто послал к нему этого японца. Ибо не прошло и двух часов, как тот, выйдя и вернувшись в сопровождении Хирама Сю, передал Сунь Вэню, что столь важные переговоры с ним хотели бы продолжить в Токио, где в них смогут принять участие некоторые высокопоставленные лица. Сунь Вэнь выразил готовность отправиться в Токио. Там его познакомили с Инукаи Цуёси, представителем правящей партии Кокуминто (либерально-прогрессивной партии). Шли бесконечные разговоры, а с помощью ничего не получалось. Другой лидер Кокуминто, министр иностранных дел Окума, считал, что следует поддерживать реформаторов. Пока

тянулись переговоры, кабинет партии Кокуминто пал и новое правительство сформировал граф Ито. Переговоры о помощи приостановились.

Сунь Вэнь познакомился в Токио с Тояма, Хираока, Суенага, Акияма и другими главарями японских «патриотических обществ», при помощи которых японские экспансионисты подготовляли новые войны за порабощение народов Азии. Постепенно Сунь Вэнь сумел выяснить, по каким причинам с ним начали переговоры.

От чьего имени действовали Миядзаки и Хирайма? Этот вопрос Сунь Вэнь, вернувшись в Йокогаму, исследовал досконально. Узнал не все, но достаточно. Миядзаки Торадзо, из семьи обедневших самураев, учитель, либерал-радикал, проповедовавший «свободу и народоправство», был одновременно связан с Инукаи, «прогрессистом», и Тояма Мицуру, крайним националистом. Этот Тояма был в те годы одним из лидеров «Гениоша» — союза самурайских организаций. Его «специальность» — шпионаж, диверсии, политические убийства, устройство мятежей в самой Японии. Внутри «Гениоша» создавалась замкнутая, строжайше законспирированная организация — общество «Черный дракон» («Кокурюкай»), названная так по китайскому имени реки Амур. Девиз будущего общества гласил: «Граница Японии — на Амуре!» Во главе «Гениоша» стоял шахтовладелец из Фукуока, милитарист, идеолог агрессивной внешней политики Хираока Кетаро. Общество «Черный дракон» возглавлял Учida Риохей, занимавший видный пост и в «Гениоша», крайне правый, сторонник безудержной агрессии Японии на Азиатском материке. Членами этих организаций были многие другие видные политические деятели Японии.

По заданию правящих кругов агенты этих самурайских союзов объезжали Китай и старались завязывать связи с революционными и оппозиционными группами, чтобы использовать их в своих интересах.

Вот каков был «секрет Миядзаки»!

Что же надлежало делать? Отклонить всякое предложение о помощи, в форме, например, постав-

ки оружия и предоставления некоторого числа японских военных специалистов? Сунь Вэнь считал, что в интересах усиления борьбы против маньчжурского режима, за республику следует использовать японцев, не давая им в то же время обещаний. Единственное обязательство — в будущем, после победы, аккуратно погасить долг по счетам за поставки оружия и оказанные услуги. Можно пообещать поддержку идеи Паназиатской федерации и союза между Китаем и Японией. Больше ни-ни!

Но до конкретных переговоров так и не дошло. Японское правительство сделало решительную ставку на группу Кан Ю-вея.

4. На грани столетий

— Ну, вот мы опять втроем, — шутливо сказал Сунь Вэнь, когда Чжэн Ши-лян добрался до квартиры, где коротали дни Вэнь и Шао-бо. — Опять нас трое, как в 1894 году. Только нашего дорогого товарища Лу Хао-дуна нет среди нас...

Друзья обменялись информацией о событиях в Китае и за рубежом. Сунь Вэнь рассказал о пребывании в Америке и в странах Западной Европы и поделился с Ши-ляном соображениями о задачах революционной работы в Китае.

Чжэн Ши-лян, без сомнения, был выдающимся революционером. Отличали его от некоторых других руководителей Союза возрождения Китая связи с крестьянами. Ши-лян, участвовавший в деятельности тайных обществ, настойчиво советовал Сунь Вэню делать основную ставку на организованные силы крестьян. Он, конечно, понимал, что тайные общества насквозь пропитаны средневековыми, примитивными взглядами. Но в тайных обществах была сила, пусть члены этих обществ часто не видели другой цели, кроме борьбы за восстановление династии Мин. Зато они живо откликались на призыв к борьбе против маньчжуков. Жестокий террор цинской монархии против членов тайных обществ, казни, пытки не сломили их силу. Почему? Потому что

в этих обществах — масса. Массы невозможно уничтожить. А небольшую организацию, пусть даже состоящую из прекрасных людей, отменных храбрецов, с благородными характерами, сравнительно легко разгромить, если она не опирается на широкую массовую базу. Это и случилось с Союзом возрождения Китая. Поскольку в кратчайший срок невозможно по-новому организовать и просветить крестьянскую массу, следует использовать тайные общества и их кадры, как они есть.

Высказав свои соображения, Чжэн Ши-лян добавил, что хотел сообщить товарищам кое-какие сведения как раз о работе среди членов тайных обществ. Но вначале несколько слов о другом.

Конечно, поездка в Гонконг была сопряжена с опасностью. Всюду там шныряют шпионы и наемные убийцы маньчжуров. Все же удалось пробраться туда и проникнуть в прилегающие районы Китая. После долгих розысков удалось напасть на след Ян Цюй-юаня. Вместе с некоторыми своими сторонниками он так законспирировался, что потерял всякий контакт с окружающим миром. Ян тем не менее считает себя главой союза, поскольку он был избран лидером на заседании правления 10 октября 1895 года и у него хранится печать организации.

— Чудак, ну и чудак, — рассмеялся Сунь Вэнь. — Пусть забавляется игрушками.

— Все-таки следовало бы поставить его на место, — прервал молчание Шао-бо.

— Не нужно из-за мелочей раскалывать наши и без того небольшие силы, — отозвался Сунь Вэнь.

В Гонконге Чжэн Ши-лян привлек в организацию довольно значительную группу дельных людей, имеющих связи с тайными обществами. Шао-бо получил от Ши-ляна явки к Гу и Хэ. Сам Ши-лян не считал нужным встречаться с Миядзаки и поручил это Гу. Чтобы напустить больше туману, устроили встречу с японцами ночью в храме.

Сунь Вэнь заметил, что, по его мнению, Миядзаки Торадзо наверняка искренне хочет помочь, но те, от которых он зависит, виляют, тянут.

— Я понимаю, старший брат Сунь Вэнь,— сказал Ши-лян,— ты хочешь использовать одного врага, который пока не угрожает, против другого врага, который есть наша главная опасность: маньчжуров. Как говорил наш древний стратег Сунь-Цзы: «...Умный полководец кормится за счет противника».

— А мне приходит на память сказание о мудреце Чжуан-Цзы,— ответил Сунь Вэнь.— Рассказывают, что однажды князь страны Чу¹ прислал к Чжуан-Цзы двух сановников, которые должны были уговорить его приехать в столицу и принять на себя управление княжеством. Чжуан-Цзы сидел на берегу реки и удил рыбу, когда явились посланцы князя. Мудрец спокойно выслушал их и, не оглядываясь, продолжая следить за удочкой, сказал: «Говорят, что в княжестве Чу есть святая черепаха, которая умерла триста лет назад; князь держит ее в своей галерее предков. Что, по-вашему, предпочла бы черепаха: чтобы оставшейся после ее смерти скорлупе оказывались божеские почести или же быть в живых и волочить свой хвост по грязи?» Посланцы князя Чу ответили, что черепаха предпочла бы быть живой и волочить свой хвост по грязи. «Так идите же своей дорогой, господа, — сказал мудрец,— я тоже предпочитаю жить и волочить свой хвост по грязи».

Все трое рассмеялись. Сунь Вэнь продолжал:

— В ходе борьбы, особенно когда она ведется более слабой стороной против более сильной, иногда приходится идти на компромиссы. Нам нужно свалить маньчжурскую тиранию. Для этого необходимо достать оружие и деньги. Я, не колеблясь, возьму и то и другое у японцев, не страшась того, что, может быть, какой-нибудь чистоплюй будет потом кричать, что у меня хвост в грязи. Грязь можно отмыть, была бы совесть чиста, а мертвая черепаха — это мертвая черепаха, и ничего больше! Согласен, брат Ши-лян, что важно установить связи с тайными обществами. Но им тоже нужно оружие. Голыми

¹ VII век до нашей эры.

руками маньчжурские пушки не взять. Вообще следует подумать относительно объединения тайных обществ в боевой союз и с его помощью поднять новое восстание на Юге, не в одном Кантоне, а в сельских районах, вооружить десятки тысяч крестьян и по-новому начать народную войну. Если бы нам удалось создать такой союз, тогда можно было бы заняться обдумыванием плана нового восстания с задачей захвата Кантона. Восстание нужно тщательно подготовить. Силу маньчжуров можно разбить лишь силой.

— Говорят, что некий художник нарисовал картины, на которых изобразил кошек, и развесил их в доме, чтобы избавиться от крыс, — сказал Шаобо. — Но маньчжурских крыс надо убивать дубиной, а не кистью.

— Ну, если уже о кошках и мышах заговорили, значит пора сделать перерыв, — заметил Сунь Вэнь.

— А не отметить ли нашу встречу? — предложил Ши-лян. — Шао-бо, не принесешь ли ты нам вина?

— Только я пить не буду, — отозвался Сунь Вэнь, — никогда не чувствовал склонности к горячительной влаге. У меня и желудок очень капризный...

— Да ты, брат Вэнь, у нас вообще святой, — веселым голосом сказал Ши-лян. — Скажи, брат, а есть у тебя какие-нибудь желания?

Сунь Вэнь подумал и ответил:

— Сильнее всего люблю революцию. Потом книги. И еще... мечтаю о счастье настоящей любви. Но не до любви теперь!

— Ты отрешился от земных радостей, старший брат Вэнь?

— Я солдат революции, брат Ши-лян. Но довольно об этом!

На следующий день трое друзей продолжали обсуждать ближайшие задачи революционной работы. Чжэн Ши-лян изложил план объединения тайных обществ, действующих в провинциях Южного Китая, в одну организацию под руководством Сунь Вэня. Пришло также время для издания печатного органа, который пропагандировал бы боевые лозунги ор-

ганизации, разъяснял читателям насущные задачи борьбы. Организация революционеров, оставаясь строго конспиративной, должна выступать перед народом со своим словом.

Предложение заслуживало внимания, но... касса была пуста!

Тяжелый был год. Из Китая приходили вести о крестьянских бунтах и расправах цинских войск с крестьянами.

«Что же происходит, — думал Сунь Вэнь, — если не самое худшее? Такого еще не было даже во всей позорной истории царствования Цинов. «Гуа фынь» — разрезание арбуза! Неужели китайские патриоты не понимают, что стране теперь грозит гибель? Какое это ужасное состояние — все понимать, знать, что нужно делать, и чувствовать свое бессилие!»

По-видимому, пока не выветрится реформаторское опьянение, нечего и думать о каком-либо серьезном развороте революционного движения. Надо ждать.

Чжэн Ши-лян сообщает, что установил связи с тайными обществами в Гуандуне, Гуанси и Фуцзяни. Откуда-то вынырнул старый приятель Ши Цзянь-жу. Желает получить какое-нибудь дело. Не послать ли его в районы бассейна Янцзы, где также очень сильны тайные общества? Эти места Ши хорошо знает.

Надо ждать. Это трудно. А приходится. Сил нет пока. Китайская революция начала развиваться поздно. Народ хочет перемен. Но революционеры пока не сумели сказать ему, какие перемены необходимы и как их добиться. И он, Вэнь, тоже не выполнил задачу, которую поставил перед собой и ради которой провел столько времени в обществе людей и идей Запада. Где программа революции?

В Японии пропаганда в пользу Союза возрождения Китая не имеет успеха. После больших усилий удалось привлечь в союз сто человек. А китайских эмигрантов в Японии — свыше десяти тысяч! Люди

уклоняются. Неудачи союза отпугнули. Вообще это закон: неудачи редко не приводят революционную организацию к распаду, к утрате доверия. Когда борьба на подъеме, тогда в организацию идут многие. А в Китае еще нет признаков подъема.

Наступила весна 1898 года. Страна была опять в состоянии брожения. И император решился. Кан Ю-вея пригласили во дворец. Вождь реформаторов вручил императору программу неотложных реформ. В июне последовали императорские указы о преобразовании системы просвещения, о поощрении национального железнодорожного строительства, постройки фабрик и заводов. Другие указы несколько ограничивали власть старой маньчжурской бюрократии и Цыси в том числе. Кан Ю-вей и некоторые его сподвижники были приближены ко двору. Ли Хунчжана сняли с поста наместника Чжили и отправили в Кантон, наместником Лянгуана.

Император издавал указы. Но у него не было сил, чтобы обеспечить их проведение в жизнь. Войско — под командованием генералов, преданных Цыси. Один из них — любимчик Ли Хунчжана, генерал Юань Ши-кай — и вовсе предал императора, выдав Цыси его намерения. Клика Цыси решила действовать. 21 сентября 1898 года она произвела государственный переворот. По приказу Цыси евнухи схватили императора, когда он выходил из тронного зала, и силой затаскили в заранее приготовленное для него место заточения: уединенный замок в дворцовом парке. Начались аресты вождей реформаторов. Кан Ю-вею и Лян Ци-чао удалось бежать. Шесть видных деятелей движения реформаторов, и среди них Тань Сы-тун, были через семь дней публично обезглавлены.

Трагикомедия «100 дней реформ» окончилась.

Маньчжуры снова продемонстрировали свою жестокость. Снова они пустили в ход свой излюбленный аргумент: топор.

Пока маньчжурам удается отбивать нападения на них. Сила: государственный аппарат, войско, финансы, полиция, религия, сила предрассудков — к их

услугам. Революционное движение пока еще не приобрело мощи весеннего половодья. Главное — деревня еще не двинулась. Некому ее поднять...

Но вот от Чжэн Ши-ляна пришли хорошие вести. Он сумел установить прочные связи с тайными обществами в Гуандуне, Гуанси и Фуцзяни. Ши Цзяньжу добрался до Янцзы. Ведет переговоры с тайными обществами провинции Хунань и Хубэй. Представители обществ собираются в Гонконге, чтобы встретиться с Сунь Вэнем.

Прекрасный, смелый, дельный боец этот Ши-лян!

Весной 1900 года в Гонконге, в глубокой тайне собрались представители Союза возрождения Китая и тайных обществ провинций Юга и Центра. Нелегально приехал на несколько дней Сунь Вэнь. Быстро пришли к соглашению о совместных действиях. Ян Цюй-юань шумел, что все равно, дескать, не уступит места президента союза Суню, грозил расколом...

Сунь Вэнь не дал втянуть себя в мелкие дрязги. Участники совещания избрали его президентом союза и приняли его предложение начать подготовку к восстанию в Гуандуне. В случае успеха — распространить военные действия на провинцию Фуцзянь. Укрепиться там в одном из портов, чтобы можно было получать оружие и боеприпасы из-за границы. После этого Сунь Вэнь вернулся в Японию.

Был уже конец года, когда от Ши-ляна поступили еще более ободряющие сведения. Ян утихомирился. Ши-лян приступил к восстановлению правления союза в Гонконге. Восстановлены разгромленные в конце 1895 года местные организации союза. И третье важное сообщение: можно купить выходящую в Гонконге на китайском языке «Китайскую ежедневную газету». Ее владелец запрашивает сходную цену.

До зарезу нужны деньги! Сунь Вэнь говорит об этом с Миядзаки. Тот вздыхает, но ничего не обещает. Какую-то сумму все-таки раздобыл. Говорит, что у друзей.

Дело продвигается вперед, трудное революцион-

ное дело. Но теперь возникают новые осложнения. В Японию приехали Кан Ю-вей и Лян Ци-чао, спасшиеся от маньчжурских палачей. Создали в Токио «Общество охраны императора» и повели борьбу... против революционеров, особенно против Сунь Вэня.

Когда Кан прибыл в Токио, Сунь Вэнь счел нужным встретить его и поздравить с благополучным избавлением от опасности. Кан отказался разговаривать с «мятежником»!

Своим сторонникам Кан сказал:

— Характер Сунь Вэня не так уж плох, но он, Сунь, слишком необразован, не понимает, что ему толкуют...

Для Кана «образование» сводилось к знанию древних философов. Сунь Вэнь действительно не жаловал мертвую китайскую «ученость». Когда Сунь Вэню передали слова, сказанные о нем Каном, он презрительно заметил:

— Этот гнилой конфуцианец ни на что годен...

У реформаторов были связи среди богатых китайских купцов за границей, а значит, и деньги. Лян Ци-чао стал издавать в Токио журнал, пропагандировавший идею конституционной монархии и «мирных» реформ. Многие сторонники Сунь Вэня за рубежом ушли из Союза возрождения Китая и присоединились к реформаторам. В эмиграции их влияние становилось доминирующим. Сунь Вэня по-прежнему поддерживают гуандунцы. Они и остаются ядром организации. Но у них нет денег.

Сунь Вэнь не унывал.

5. Новый век — новые труды

Двадцатый век Китай встретил, охваченный огнем нового восстания на севере страны.

До Токио дошли подробные вести о движении тайных обществ на Севере, в Шаньдуне, Чжили, Шаньси и Маньчжурии. Начавшись как протест против гнета помещиков и чиновников, оно постепенно превратилось в массовое восстание против ино-

странных держав. Движение разрасталось, в него вливались массы разоренных крестьян, ремесленников, трудового люда городов, нищие, бродячие монахи, бывшие солдаты, кули, лодочники, оставшиеся без работы в связи с постройкой железных дорог. Вначале маньчжурские власти пытались подавить движение силой. Не удалось. Юань Ши-кай пустил в ход свои войска; теперь он был большим сановником — наместником столичной провинции Чжили и командующим «новыми войсками», расположенным в районе Пекин — Тяньцзинь. Все же отряды повстанцев заняли китайскую часть Тяньцзиня и начали постепенно, с боями пробиваться к столице. Правительственные войска не хотели сражаться против повстанцев. Юн Лу, губернатор столицы, требовал от Цыси приказа о беспощадном разгроме восставших. Цыси колебалась. Затем в ее хитром мозгу возник план грандиозной провокации. Она объявила себя сторонницей восставших, готовой поддержать их борьбу против иностранцев. Отряды повстанцев были впущены в Пекин и размещены внутри Императорского города — дворцовом районе, где находились важнейшие правительственные учреждения. При участии представителей правительства отряды повстанцев были реорганизованы в «Полки мира и справедливости» (по-китайски «Ихэтуань») с принцем Дуанем во главе. Их одели в красные куртки (не для того ли, чтобы было легче в них попасть при встрече с иностранными войсками?) и приняли на казенное содержание. Мало того, 20 июня 1900 года Цыси провела через Большой совет императорского дворца решение об объявлении Китаем войны иностранным державам. Это был безрассудный акт: Китай не имел ни настоящей армии, ни флота, ни союзников. Поднять народ маньчжуры вовсе не хотели — боялись. Расчет Цыси — иностранные войска разгромят ихэтуаней. Иностранные державы потребуют новых уступок и контрибуций? Пусть! Китай достаточно велик. Для маньчжуров хватит и того, что останется. В то же время движение против иностранцев покажет им, что их грабеж

имеет пределы, если они не хотят вызвать поголовное восстание в стране.

В конце концов империалисты собрали большие силы и зверски расправились с восстанием ихэтуаней. Цыси и ее клика капитулировали.

Сунь не испытывал радости по поводу восстания на Севере, принявшего столь странный характер. Вместе с боевыми друзьями деятельно работал над подготовкой восстания на Юге. В одном из районов Гуандуна уже собрался первый вооруженный отряд членов тайных обществ: шестьсот человек с оружием. Правда, у них мало винтовок.

Благоприятный признак: на сторону союза перешел бывший последователь реформаторов Би Юннянь.

Теперь решительное объяснение с Миядзаки Торадзо. Где оружие? Где деньги? Тот клятвенно уверяет, что и то и другое будет.

Ян Цюй-юань и Ши-лян прибыли в Йокогаму. Приступили к разработке плана: Сунь, Ян, Ши-лян, Миядзаки и некоторые японские военные советники. План исключительно военный. Не предусматривает никаких действий на случай победы или поражения, не выдвигает никаких лозунгов, понятных массам. Главная идея: захват нескольких горных районов Гуандуна и Фуцзяни, закрепление своих позиций, мобилизация сил тайных обществ. Контроль над каким-нибудь портом — Сватоу или Амоем, куда из Японии прибудут суда с вооружением и необходимыми припасами. А там видно будет.

Ян и Ши-лян возвращаются в Гонконг. Миядзаки уезжает в Токио и достает там у одного предпринимателя значительную сумму денег. Как с оружием? Миядзаки не говорит ничего определенного. В душу Сунь Вэня закрадывается сомнение. Но остановить восстание уже нельзя. К повстанцам выехали Чжэн Ши-лян и Ян Цюй-юань. Ши-лян назначен главнокомандующим.

Тут вмешиваются англичане в лице губернатора Гонконга Блейка. Они каким-то образом пронюхали

о подготовляющемся восстании и сообщили об этом в Лондон. Оттуда директива: попробовать сколотить «независимое правительство Южного Китая» во главе с Ли Хун-чжаном (наместником Лянгуана) и революционером Сунь Ят-сеном. Внутренний смысл этого плана в том, чтобы оторвать Юг от остального Китая и поставить его под английский контроль. Англичане тонко учили, что именно на Юге, в Кантоне и вообще в Гуандуне сильны традиции борьбы против врагов Китая — внешних и внутренних — и не менее традиционны тенденции к независимости от Пекина. Учили они и то, что Ли Хун-чжан был в опале и мог пойти на разрыв с Цыси. Доверенный человек англичан еще в марте разыскал Чжэн Ши-ляна и передал ему предложение Блейка. А в начале июня Сунь Вэнь получил от видного кантонского дельца Лю Сюэ-сюня извещение о том, что Ли Хун-чжан хотел бы встретиться с ним для обсуждения вопроса об объявлении наместничества Лянгуана независимым от Пекина. Это вполне могло быть и ловушкой, чтобы заманить Сунь Вэня и убить его.

Все же решил ехать.

Сунь Вэнь, Чэн Шао-бо, Миядзаки и еще два японских советника отплыли на специально зафрахтованном пароходе «Ниппон мару» в Гонконг. Недалеко от Гонконга, в море, их поджидало небольшое китайское судно, присланное Лю Сюэ-сюнем для Сунь Вэня. Но еще в пути из Японии было решено, что с Лю встретится не Сунь Вэнь, а японский советник. В китайское судно сели Миядзаки и еще два японца. Переговоры с Лю продолжались много часов. Договорились привлечь к этому делу и Кан Ю-вея, находившегося в Сингапуре. Лю сообщил, что кантонская знать опасается беспорядков и готова ассигновать несколько миллионов таэлей для финансирования южного правительства. Часть денег предложили Кан Ю-вею.

Вернувшись на «Ниппон мару», Миядзаки передал весь разговор Сунь Вэню, после чего вместе со своими спутниками выехал в Сингапур. Сунь Вэнь и Чэн Шао-бо остались на «Ниппон мару». От Ши-

ляна приходили отличные вести: армия повстанцев быстро растет, требуется вооружение.

Миядзаки постигла в Сингапуре полная неудача. Кан Ю-вей не только наотрез отказался впустить их в свой дом, но вызвал полицию, чтобы она спасла его «от подосланных убийц»! Миядзаки и один из его компаньонов оказались в тюрьме. Полиции показалось подозрительным, что у арестованных нашли два японских самурайских меча и тридцать тысяч таэлей. Узнав об этом, Сунь Вэнь поспешил в Сингапур, заверил полицию, что деньги принадлежат ему, а мечи — всего лишь символ храбрости у японцев, поэтому они с ними не расстаются. Японцев отпустили. Вместе с Сунь Вэнем они возвратились в Гонконг на японском пароходе «Садо мару». «Ниппон мару» ушел.

Сунь решил отправиться на Тайвань, чтобы быть ближе к Гуандуну и готовым выехать в Амой, когда восстание развернется в полную силу. Би Юн-няня откомандировали в район бассейна Янцзы для связи с тайными обществами.

...А в штабе Чжэн Ши-ляна, в деревушке Саньчжоутянь, недалеко от побережья, все в ожидании: когда прибудет оружие. Из многих районов провинции стягиваются отряды. Всего у Ши-ляна триста старых ружей и очень мало боеприпасов. Надеялся, что удастся как-нибудь взять оружие и патроны в Кантонском арсенале на острове Вампу. Но власти были уже предупреждены и усилили охрану арсенала. Не хватало и продовольствия. Отряды начали расходиться по домам. Осталось всего восемьдесят человек. Против этой горстки партизан был двинут отряд из Вэйчжоу. Чжэн Ши-ляну пришлось принять бой. Он разбил наголову отряд маньчжуров. Дал знать на Тайвань Сунь Веню, что необходимо срочно доставить оружие. Ответ гласил: «Оружие будет, прорывайся к Амою».

Уже стоял октябрь на дворе. Сунь Вэнь, глубоко возмущенный японскими проволочками, категориче-

ски требовал: немедленно дать обещанное оружие! Обещал его и губернатор Тайваня генерал Кодама.

Чжэн Ши-лян начал наступление. Взял у противника немного оружия и боеприпасов. Отряд быстро увеличивался, и скоро его численность уже достигла десяти тысяч бойцов. Солдаты китайцы из маньчжурских войск начали переходить на сторону повстанцев. Население Вэйчжоу восстало и прогнало маньчжуров. Повстанческая армия вступила в Вэйчжоу, отдохнула здесь и двинулась на Амой. Следом шли маньчжуры. В горах на границе Гуандуна и Фуцзяни армия повстанцев оказалась окружённой войсками противника.

В это трудное время Сунь Вэня ошеломило и потрясло сообщение Миядзаки: оружия нет. И Кодама говорит, что ничего дать не может: правительство запретило. Японцы гнусно предали, бросили на произвол судьбы в решающий момент, когда восстание уже можно было считать удавшимся. Чжэн Ши-лян, умело командуя революционной армией, прорвал кольцо окружения, разбил маньчжуров в нескольких боях и двинулся на Амой. И тут его настиг курьер Сунь Вэня с приказом: армию следует распустить, лучшие кадры постараться увести в Гонконг или в Макао.

Как сообщить об этом бойцам? И нельзя не сообщить. Сказал им правду. Многие воспротивились такому решению и предложили биться насмерть! Но приказ — это приказ. Его надо выполнить. Чжэн Ши-лян распустил армию. Несколько сот товарищей направил в Гонконг и Макао. Сам решил пробраться в Гонконг. Сопровождал его Ян Цюй-юань. Но за ними уже следили, и в один из мрачных для революционеров дней, 10 января 1901 года, Ян был сражен ножом маньчжурского наемного убийцы. Би Юн-нянь разуверился в революции и ушел в монастырь.

И еще один страшный удар.

В Кантоне схвачен и казнен Ши Цзянь-жу. Правление союза поручило ему поднять в городе восстание, как только отряды Чжэн Ши-ляна перейдут

в наступление. Восстание организовать не удалось. Тогда Ши Цзян-жу решил подвести минную галерею под дворец наместника, однако заряд оказался слишком слабым. Смелого боевика схватили и обезглавили.

Тяжелая утрата! Гибнут в неравной борьбе храбрецы. Но революционеры на то и революционеры, что не отступают даже перед неимоверными трудностями борьбы, перед потерями и утратой любимых товарищей. Сунь Вэнь сказал себе уже давно: революция — труд, борьба, кровь, удары из-за угла. Революция — удел отважных. В конечном счете они победят, ибо жизнь и народ на их стороне.

Неясной была и судьба Чжэн Ши-ляна. Он исчез из Гонконга. Ходили слухи, что он уехал в одну из стран Юго-Восточной Азии. Больше о нем не было никаких вестей. Только много месяцев спустя стало известно, что Ши-лян заболел и умер в том же 1901 году.

Сунь Вэнь понимал, что делу революционной партии нанесен тяжелый удар. Теперь не скоро удастся поднять народ на восстание.

А поведение японцев вполне объяснилось: они сами готовились захватить Амой — и войска уже были погружены на транспорты, и военные корабли уже вошли в амойские воды... Так вот чем объяснялись проволочки Миядзаки!

Но восстание также показало, какие огромные резервы революционной энергии таятся в китайском народе, в крестьянстве. Серьезно подготовленное и проведенное восстание может послужить сигналом к революции. И вывод, который Сунь Вэнь сделал, гласил: еще лучше организовать кадры революции, накапливать силы. И не рассчитывать на кого-либо, кроме как на самих себя. Японцы такие же империалисты, как все остальные. Пожалуй, еще более опасные: они всех ближе к Китаю.

Настали тяжелые времена для Сунь Вэня и его друзей. Жили уединенно в Йокогаме, в мрачном старом доме китайского квартала. Жили крайне скучно. Иногда Сунь Вэню приходилось занимать костюм, чтобы выйти на улицу, свой совсем износился. Все вре-

мя отдавал изучению главным образом военных вопросов. Тщательно следил за англо-бурской войной. Его привлекали вопросы тактики. Говорил, что партизанская тактика бурев может быть еще с большим успехом применена в Китае.

Иногда к нему заходят посетители, главным образом китайцы. Его знают и уважают. И всегда их поражают его вера в победу, его бодрый вид, сила воли, энергия.

— Мы ни в коей мере не чувствуем себя в состоянии уныния, наоборот, мы полны решимости, — говорит он, — ибо знаем, что можем разбивать императорские войска при условии, конечно, что революционные силы соответственно вооружены и подготовлены. Реформы? Нет, пустые мечты. Только революция спасет Китай! Трудности нас не пугают! Я уверен, что Китай за пятнадцать лет сделает то, чего Япония достигла за тридцать лет. Конечно, это большая задача. Но...

Он сделал несколько шагов по комнате, выдохнул густое облако дыма и решительно сказал:

— Ей стоит отдать жизнь...

Так прожил он в трудах, раздумьях, в беседах с друзьями до января 1903 года. Выехал в Индокитай, где было много китайцев-эмигрантов. Пробыл здесь семь месяцев. Познакомился с французским губернатором, обещавшим ему содействие — дать разрешение использовать территорию Индокитая для переброски повстанческих отрядов в Юго-Западный Китай.

Еще до отъезда сумел организовать в Токио тайную офицерскую школу с восьмимесячным курсом. Слушатели получали подготовку по следующим предметам: общее военное образование, изучение основных видов оружия, особенно ручного огнестрельного и артиллерии. В школе занимались китайские студенты, учившиеся в японских университетах.

В конце 1903 года Сунь Вэнь решил, что настало время активизировать деятельность союза. Для сбора денежных средств и привлечения в союз новых членов, особенно из среды китайских студентов,

учившихся в США и европейских странах, Сунь Вэнь предпринял весной 1904 года второе кругосветное путешествие. Побывал проездом в Гонолулу, повидал своих. Все были здоровы, детей его брат отправил учиться в Америку. Вэнь поехал туда. Разъезжал по всей стране, посетил Канаду, всюду его сердечно встречали, он был признанным вождем революционных сил. Денежные средства притекали не в большом количестве, но трудовые гроши китайских рабочих, кули, ремесленников были ему дороже всего. Один китаец, имевший небольшую прачечную, принес ему в гостиницу сбережения всей жизни: четыре тысячи долларов, которые собирая для оплаты своих похорон.

— Берите, берите,уважаемый Сунь Вэнь, — шептал старый человек.— Я обойдусь меньшей суммой, а революция важнее моих похорон.

Сунь Вэнь был глубоко тронут.

Находясь в США, Сунь Вэнь узнал о начале войны между Японией и Россией. Разумеется, он не желал победы царского правительства. Но и победы Японии его также не радовали. Единственное, на что он считал полезным обращать внимание друзей и вообще слушателей, это на то, что недавно еще слабая азиатская страна — Япония, используя достижения новейшей науки, смогла нанести сильные поражения огромной, правда отсталой, империи Романовых. Русский царизм насквозь прогнил. Как Цины. Два сапога — пара! Поражение царской России в этой войне неизбежно, это ясно. И это будет иметь огромные последствия. Особенно для Азии и, в частности, для Китая. Вэнь не предполагал тогда, что Россия рабочих и крестьян даст Азии и Китаю куда более мощный толчок к усилению борьбы за свободу, чем тот, который дала русско-японская война, и что наступит пробуждение Азии, пробуждение Китая.

В один из январских дней 1905 года Сунь Вэнь, развернув газету, прочел волнующее сообщение из Петербурга, столицы русских царей: в России началась революция!

Это было великолепное вступление к новому году борьбы. И он тотчас же вспомнил разговор с русским публицистом в те далекие дни, после «похищения в Лондоне». Тот сказал, что в русском обществе Китай имеет друзей. Революция в России — это же сигнал, призыв боевой трубы для китайских революционеров! Теперь задача момента — организовать, объединить силы и снова поднять знамя революции.

Он быстро собрался и выехал в Европу.

Часть II. ОТЕЦ РЕСПУБЛИКИ

Глава четвертая

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

1. В покоях Летнего дворца

Разложившаяся маньчжурская верхушка продолжала вести прежний, давно заведенный образ жизни, стараясь не замечать, что страна, которую они держали в цепях, напрягает все силы, чтобы сбросить с себя ненавистное иго.

В 1903 году возвратился в Пекин бывший китайский посол во Франции принц Ю Гэн и расположился с семьей в своей пекинской резиденции. «Дом» Ю Гэна — настоящее феодальное поместье. На участке в десять акров, обнесенном высокой каменной оградой, среди зелени садов и цветников стоят шестнадцать одноэтажных каменных палат, соединенных сплошной застекленной верандой. Всего в этих палатах сто семьдесят пять комнат и зал, обставленных со всей возможной роскошью, конечно на маньчжурский вкус. Семью принца (далеко не самого высокого по рангу) обслуживали пятьдесят пять человек: управляющие, секретари, писцы, посыльные, кучера, повара и поварята, горничные, сторожа, носильщики паланкинов и т. д.

Столица страны Пекин включала Внешний (Китайский) город и Внутренний (Маньчжурский). В состав Внутреннего входил Императорский город,

а тот, в свою очередь, включал Запретный город — императорские дворцы. Вокруг каждого города — своя крепостная стена. У каждого ворот — стража, вооруженная до зубов. Начальник каждого ворот — генерал маньчжурских знаменных войск. И внутри каждого города-крепости — стража. И тайные агенты по всем углам и закоулкам, в Китайском городе, особенно на базарах, в уличной толпе.

Страшно маньчжурам и китайским прислужникам, несмотря на стены и стражу.

И Цыси неспокойно в апартаментах Запретного города. С того времени, как на деньги, отпущенные на флот, построили вдовствующей императрице Летний дворец, она поселилась там со своей челядью, евнухами, приживалками, фрейлинами и статс-дамами, у которых одна забота — ублажать старуху.

Она питает большую слабость к театральным представлениям. Инсценировки древних легенд, нравоучительные и морализующие диалоги, приключения обитателей небес забавляют ее. Бывает, что тут же, в театральном павильоне, засыпает. И горе тому, кто нарушит сон «великой прародительницы»! Все присутствующие обязаны превратиться в мумии. Она спит!

Вот и сейчас она спит, хотя уже шесть часов утра — время, когда во дворце все должны быть на ногах. Сквозь опущенные желтые, расшитые драконами атласные занавеси проникают лучи неяркого на Севере зимнего солнца, и от его рассеянного света в спальне Цыси стоит золотистый сумрак. Императрица спит. Или притворяется. Глаза закрыты. Дыхание ровное.

У стены, напротив пышного ложа, сидит дежурная фрейлина. У самих дверей, на полу — евнух. Охрана. По ту сторону двери — еще два евнуха. Все бодрствуют, ждут, когда повелительница откроет глаза.

Почему-то по утрам, как-то призналась она своей очередной любимице, ей вспоминаются многие события прошедших лет. Была тогда молода и очень красива. Когда стала императрицей Западного дворца — второй супругой императора Ичжу — и принесла

ему сына, долгожданного наследника, почувствовала себя прочно на ногах. До того никому не известная маньчжурская девица Иехонала, дочь обедневшего офицера знаменных войск, превратилась в важное лицо дворцовой иерархии. Она решила, что не упустит возможности стать над всей иерархией: правительницей.

Хилого мужа, Ичжу, разбитого параличом, было нетрудно спровадить, по крайней мере ускорить переселение в лучший мир. Назначенных им регентов ей удалось устраниТЬ — их казнили, обвинив в «заговоре» против «воли усопшего монарха». Ее собственный сын Цзайшунь, занявший в шестилетнем возрасте «Трон дракона», пытался, когда вырос, взять бразды правления в свои руки и отстранить жадную до власти мамашу, но не рассчитал: его также отправили на тот свет, к папаше. И снова Иехонала была полноправной госпожой в Небесной империи. Мешала ей первая супруга покойного Ичжу — велела отравить ее. Мешал ей Цзайтянь, посмевший покуситься на ее «права», — его фактически свергли. Самую молодую его жену, заступившуюся за мужа, заточили на том же острове посреди императорского дворцового озера в Пекине, что и самого императора, а затем бросили в глубокий колодец.

Конечно, в покоях Летнего дворца не смеют вспоминать о кровавых событиях, заполнивших жизнь вдовствующей императрицы, более полувека правившей Китаем. Маньчжурская феодальная знать и китайская феодальная верхушка поддерживали Цыси. Такая правительница вполне устраивала господствующие классы тогдашнего китайского общества.

В начале XX века «Божественной» было уже под семьдесят. Но характер ее не изменился. Как и в молодости, она была крайне ленива. На заседаниях Государственного совета скучала, зевала, нетерпеливо выслушивала министров и отсыпалась прочь. Могла часами перебирать драгоценности, накопленные за многие десятилетия и занявшие целый апартамент во дворце. Там находилось свыше пяти тысяч шкатулок с дорогими безделушками. Гардероб непрерывно

пополнялся новыми нарядами: из шелка, парчи, из тканей, шитых золотом, жемчугом. Ее очень мало занимало, что происходит за воротами ее дворца, кроме, разумеется, случаев, когда где-либо в империи обнаруживалась «крамола». Тогда она преображалась и успокаивалась только после того, как докладывали, что «преступник понес наказание», что означало: обезглавлен или четвертован. День казни кого-либо из ее врагов был счастливым днем ее жизни.

Но и это не приносило покоя. Цыси как-то сказала любимой молодой фрейлине:

— Все вызывает во мне разочарование. Все получается не так, как я хотела бы.

Жаловалась на министров: нет от них никакого толку. И тут же:

— Одна ничего не могу решить.

Настроение менялось поминутно. То скажет, что не надо нарушать старины. То пожалуется, что сознает необходимость реформ, но не знает, с чего начать.

Вся маньчжурская бюрократия брала пример с Пекина. Каждый наместник, каждый губернатор, каждый чин, каким бы ничтожным ни был, вместе олицетворяли систему, тяжко придавившую страну. В императорском Китае числилось девять наместничеств. Каждое из них — самостоятельная сатрапия. Вывозить товары из одной в другую запрещено; на границах — заставы: плати лицзинь, налог, пошлину. Если в одной сатрапии голод, мор, наводнение, землетрясение, это не касалось остальных. Как сказал старшина деревни Цуйхэн, когда французские агрессоры напали на Фучжоу: «Воюет наместник провинций Фуцзянь и Чжэцзян, нас это не касается!» Страна фактически распалась на девять частей, а каждая, в свою очередь, делилась на полуавтономные провинции.

Дорог нет. Сообщение между Севером и Югом поддерживается по старинному, пришедшему в негодность Императорскому каналу, построенному за много столетий до прихода маньчжуров. Имеются еще тропы и тачечные колеи. И все. Ни шоссе, ни желез-

ных дорог, которые только кое-где строятся иностранными.

Грузы перевозят на ручных тачках и тележках. Или совсем просто: их переносят на своих спинах кули. На тысячи километров, даже в далекий Тибет, по кручам гор, высочайших на земле, по козьим тропам тащатся человеческие караваны с солью и чаем. Годы уходят на то, чтобы доставить нужный груз.

Экономически страна разобщена. Местные рынки объединяют уезд, округ. Выше, в столицу провинции, уже не добраться. Невыгодно. Налоги и поборы лишают крестьянина и купца дохода. Общегосударственного рынка фактически нет. Рис, привозимый из южных провинций на Север, не товар, а дань, феодальная рента натурой. Китай и в двадцатом веке стоит одной ногой в средневековье.

А вокруг хищные и жадные искатели наживы. Что им до китайского народа! Их вторжение в страну, приведшее к ликвидации таможенных преград и к массовому ввозу фабричных изделий, вконец разрушило китайскую кустарную промышленность. Постройка в Китае иностранных фабрик и заводов, закладка иностранными фирмами шахт и рудников, развертывание сети торговых предприятий для сбыта товаров и выкачки сырья означают широкое наступление иностранного капитала на китайский внутренний рынок. Тут-то и рождается новый социальный тип — компрадор, финансист-посредник, первая разновидность китайской торгово-финансовой буржуазии, зависящей от иностранного капитала и преданная ему душой и телом. Китай становится полуколонией иностранного капитала. Компрадор — один из рычагов полуколониального порабощения страны.

Иностранному капиталу нет дела до традиций китайской старины, он отбрасывает их, если они ему мешают. Ему нужен рынок всего Китая, он его и создает. Ему нет дела до обветшалой иерархии управления и административного деления. Если они ему нужны — сохраняет, если нет — ломает и крушит все вокруг, прокладывает дороги, чтобы открыть себе

доступ туда, где можно взять наибольшую прибыль. Западный делец быстро превосходит маньчжурских сановников в любом виде ограбления страны. Насильно, жестокими мерами принуждения, кровавыми войнами, избиениями сотен тысяч китайцев иностранный капитал втягивает, прямо-таки вбивает империю богдыханов в мировые экономические связи, в мировой рынок.

Китай уже полуколония имперализма. А впереди грозная опасность полной потери независимости. Настолько уже иностранные державы пренебрегают пекинским двором, что ведут друг против друга войну на китайской территории и даже не считают нужным поинтересоваться: а каково по этому поводу мнение китайского правительства?

Так мстят за себя отсталость: экономическая, политическая, военная.

Цыси и ее окружение просто не в состоянии постигнуть, что все это значит и что таится в происходящих событиях. Они сами функция отсталости. По старинке твердят: «Заморские дьяволы...» И все.

Китаю грозит гибель. Драконы не спасут. Драконы мертвые.

Ихонале все равно. Ей остается недолго жить. О чём печалиться?

Она как Людовик XV: «После нас — хоть потоп!»

2. Страна

Потоп уже неизбежен. Только не мифологический, а вполне реальный потоп народного гнева.

Быть может, в предутренние часы, в тиши дворцовых покоев, Ихонала, притворявшаяся погруженной в глубокий сон, на самом деле обдумывает, какие еще принять меры, чтобы вокруг нее все оставалось в неподвижности. Она знает, что назрели реформы управления, системы образования, экономической политики. Почему не обещать их? И она обещает. Обещает даже введение конституции и созыв парламента,

Появляются указы о преобразованиях, разумеется постепенных, растягиваемых во времени на много лет.

Но обещания не действуют. Страна давно не верит маньчжурям. Только реформаторы в восторге и готовы помириться с кликой императрицы. А в массах — глухое брожение.

Вскоре война между Японией и царской Россией, а особенно революция в России, всколыхнут всю Азию, разбудят и Китай. Революционная партия усилится. В Китае начнется период вызревания революционной ситуации.

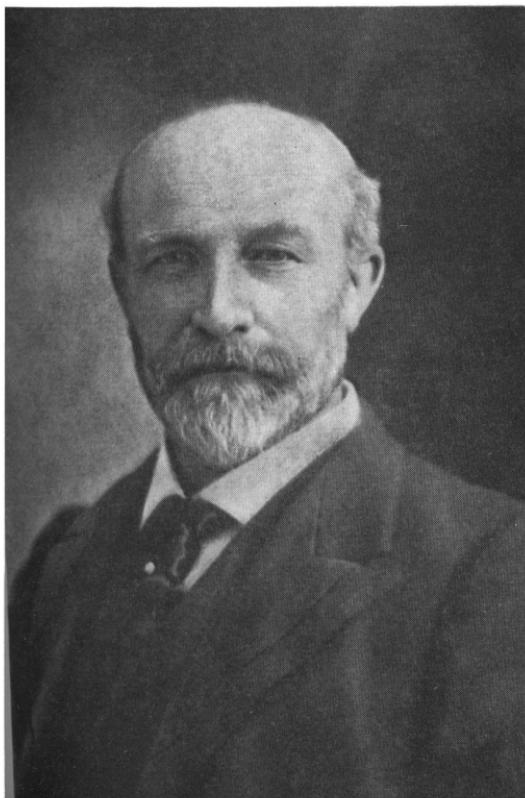
Двор желает утихомирить взбудораженную страну. Дает милостивое согласие на выезд детей состоятельных родителей за границу для получения образования. В Японии уже тысячи студентов китайцев. Сотни — в университетах Америки и Европы. Токио — крупнейший центр патриотического движения китайской революционной молодежи. Это новый фактор в развитии революционного движения в Китае.

И вот приходит 26 апреля 1902 года, памятный день, когда в Токио китайские студенты созывают первый большой митинг. На нем с горячими речами, призывающими к революционному действию, выступают Хуан Син, Сун Цэяо-жэнь, будущий знаменитый революционный писатель Лу Синь и другие.

А потом мы застаем этих же людей в Китае на боевых позициях. Чжан Тай-янь вместе с молодым публицистом Цзоу Жуном и другими сторонниками издает в Шанхае революционную газету «Су бао» — «Вестник Цзянсу». И в этой газете появляется облетевшая всю страну статья Цзоу Жуна «Революционная армия». Это пламенный призыв к свержению цинской монархии силой оружия, к восстановлению суверенитета Китая и к завоеванию демократической республики. Газета также разоблачала Кан Ю-вея и его лозунги «хорошей монархии». Возникает революционная организация Союз просвещения. Такое название — для отвода глаз. В действительности это антиманьчурская организация учащейся молодежи. Власти спохватываются, добиваются закрытия «Вестника Цзянсу» и ареста двух его редакторов. Стала

Сунь Ят-сен на пристани реки
Хуанцзы в Шанхае по возвра-
щении на родину из Европы
в 1911 году.

Профессор
Джеймс Кентли

革命尚未成功
同志仍須努力

孫文

Автограф Сунь Ят-сена.

今後之革命非以俄為師
斷無成就

孫文

Автограф Сунь Ят-сена.

выходить другая газета — «Народный ежедневный вестник». Союз просвещения был распущен. Тут же возникает новая организация, в которую вступает руководитель тайных обществ провинции Чжецзян Тао Чэн-чжан. В Чанша начинает действовать организация революционеров — Союз китайского возрождения. Лозунг этих союзов — вооружённое восстание для свержения Цинов. Количество конспиративных организаций непрерывно увеличивается. У них самые различные наименования. Постепенно они покрывают провинции Центрального, Восточного и Южного Китая.

И пропаганда понемногу становится более массовой. Революционный публицист Чэнь Тянь-хуа издает памфлет за памфлетом на простом, общепонятном языке: «Предупреждение китайскому народу», «Вставайте!», «Пробудитесь!» Он зовет массы под знамя революции ради спасения отечества.

Важная новая черта: возникновение революционных организаций в частях «Новых войск». Эти войска укомплектованы исключительно китайцами, офицеры там тоже китайцы, а многие из них учились в Японии и прошли там негласный курс революционного воспитания. Цинь сами вооружают революцию.

В Китае начинает возникать новая литература — народная, на «бай-хуа» — «простом языке», в отличие от старинного литературного языка, непонятного массам. И во главе новой литературы — великий Лу Синь. Так подготавливается и культурная революция.

Революционный поток, слабый вначале, становится шире, мощнее. Не только Юг, но уже и Центр охвачены сильным движением. Время замкнутых организаций проходит. Формируются первые широкие политические объединения. Распространяются десятки революционных изданий — нелегальных, конечно. Все находит свое место в революционном арсенале: песня и динамит, памфлет публициста и революционная пьеса, гаечный ключ и самодельная мина.

Как формируются революционеры? В годы торжества реакции старые кадры — носители револю-

ционной традиции и веры. Это маяк на пустынном утесе. На него возьмут курс молодые революционные силы, когда придет день нового призыва. Таков Сунь Вэнь. Это буревестник. Когда революция идет на подъем, когда каждый взмах ее могучих крыльев раздувает пламя борьбы, тогда к ней устремляются все новые и новые люди, становятся под старое знамя, овеянное славой прошедших боев, и вносят в борьбу новую силу натиска.

На протяжении первых пяти лет боев революция почти полностью потеряла первоначальные кадры: они пали с оружием в руках. Второе пятилетие обогатилось новыми именами.

Назовем одно из них — Хуан Син. На втором этапе революции, в 1905—1911 годах, Хуан Син играл видную роль.

Он — хунанец, уроженец города Чанша, столицы провинции Хунань. Сын учителя. Человек больших литературных способностей. Он сумел получить на испытаниях ученое звание «сюцая» и этим приобрел право претендовать на чиновничью должность. Он увлекался каллиграфией в стиле Северного Вэй (IV—V веков н. э.), а затем военными науками. В порядке поощрения в 1902 году Хуан Син был послан в Японию для пополнения образования. Прибыв туда, он окунулся в бурную студенческую жизнь. Сходки, споры; зажигательные антиманьчжурские речи, звучавшие вокруг него, революционные издания, переводы трудов прогрессивных западных мыслителей. Хуан Син понял, где его место в начавшейся борьбе.

Зимой 1902 года китайские студенты в Японии организовали национальную ассоциацию. Это была первая организация студентов, выставившая революционные лозунги и признавшая необходимость насильственной революции. В Токио Хуан и его друзья организовали Ассоциацию военного обучения для подготовки военных кадров. Действовала она с мая 1903 года по август 1905 года. Боевой девиз ассоциации: «Победа в бою или смерть со славой». Японская полиция так и не дозналась о ее существовании. Конспирация соблюдалась строго. Когда Сунь Вэнь на-

чал создавать Объединенный революционный союз Китая, ассоциация вошла в его состав.

Члены ассоциации давали клятву: вернувшись на родину, вести революционную пропаганду, организовать антиманьчжурские силы. Словом, действовать. Одним из первых в июне 1903 года вернулся Хуан. Первый этап — Шанхай. Тут уже были десятки революционных групп со своими печатными изданиями. И все — против Цинов. Шанхай превращался в один из крупных центров антиманьчжурского движения. Его особенность — здесь тон задавали буржуазные элементы в отличие от Юга, где был силен элемент крестьянский, плебейский.

В родном Чанша, куда Хуан привез тюк революционной литературы, господствуют консервативные элементы. Хуан открывает здесь школу японского языка, а в действительности — конспиративный центр Общества китайского возрождения (тридцать членов) и Союза борьбы против общего врага, куда принимались члены тайных обществ.

В снежный вечер ранней весной 1904 года Хуан отправился в горы к северо-западу от Чанша и возле заброшенной шахты встретился с руководителем тайного общества «Старшие братья» Ма Фу-и. Договорились о проведении восстания в день рождения Цыси — 16 ноября того же года. План таков: взорвать помещение, где собираются сановники, и при помощи распропагандированных солдат гарнизона захватить город. В это же время отряды «Старших братьев» поднимут восстание в пяти районах Хунани. Руководство операцией возлагается на Хуана. Его помощники — Ма Фу-и и Ли Гуэй-и. Установлена связь с тайными обществами в соседней провинции Сычуань. Несколько членов хунаньского Общества китайского возрождения выехали в другую соседнюю провинцию — Цзянси для организации пропаганды в войсках и в Учан, столицу провинции Хубэй. Здесь работал Сун Цзяо-жэнь. Он поддерживал тесную связь с другой местной революционной организацией — Научное общество, успешно ведшей революционную пропаганду в войсках учанского гарнизона.

План выступления обсуждался на собрании членов революционных организаций в Учане. Туда проник провокатор, и в конце октября 1904 года власти узнали о предстоящем восстании. Начались массовые аресты во всех четырех провинциях. Хуан Сина найти не удалось. Он благополучно ушел из Чанша, переодетый в форму таможенника. Обосновавшись в Шанхае, он немедленно начал подготовку нового восстания. Полиция иностранного квартала что-то узнала, нагрянула на квартиру Хуана Сина и нашла там оружие и компрометирующие материалы. Арестовали тринадцать человек вместе с хозяином квартиры. Через несколько дней освободили. Хуан уехал в Японию, откуда вернулся с Ли Гуэй-и и пытался переправить в Чанша оружие, но наткнулся на засаду. Прорваться не смог. Оружие пришлось сбросить в воды Янцзы, а самому — спасаться вплавь. После этого снова уехал в Японию и обосновался в Токио. В Японии до Хуана дошла трагическая весть о казни Ма Фу-и.

Наиболее сильной революционной организацией оставался Союз возрождения Китая, созданный в 1894—1895 годах Сунь Вэнем, выдержавший тяжелые удары и понесший наибольшие потери в схватках с маньчжурами. Союз полностью оправился после поражения 1900 года, насчитывал в 1905 году пятьсот членов — закаленных боевиков, из них двести семьдесят один — гуандунцы, земляки Вэня.

Уезжая в США и в Европу, Сунь Вэн просил товарищей из руководства союза начать переговоры с другими революционными организациями об объединении для борьбы против маньчжуров.

Пребывание в США и Европе, встречи с китайскими эмигрантами показали Сунь Вэню, что Союз возрождения Китая широко известен и пользуется большим авторитетом. Даже вдали от родины чувствовалось нарастание революционных настроений в Китае. Теперь революционную пропаганду не отвергали.

Революция властно стучалась в двери старого Китая. Ее час приближался...

3. Сигнал к бою

Из Йокогамы Сунь Вэнь уехал, имея при себе первый набросок программы революции. В последние три «тихих» года, почти не показываясь на людях, Сунь Вэнь усидчиво и неутомимо работал над главными ее пунктами. Он еще ни разу никому ни словом не обмолвился о своем детище.

Программа революции — плод долгих размышлений, раздумий, умозаключений и опыта борьбы.

Программа должна дать ответ на три главных вопроса.

Первый вопрос. Завоевание независимости, восстановление суверенитета Китая.

Второй вопрос. Создание нового государства взамен старого, маньчжурского, которое будет сметено революцией.

Третий вопрос. Избавление Китая от язв и зол капитализма, разрешение проблемы народного благосостояния.

Сунь Вэнь считал, что в условиях Китая завоевание независимости и восстановление суверенитета есть проблема не внешняя, а национальная, внутренняя. Более двухсот лет назад Китай лишился независимости и суверенитета. Произошло это в связи с завоеванием страны маньчжурами. С тех пор китайцы — подданные чуждого им императора чуждой династии.

Поэтому решение проблемы независимости и суверенитета является не внешней, а внутренней задачей революции. В этом особенность положения в Китае.

Иностранные державы, грабящие и угнетающие Китай, поддерживают цинский режим, им выгоднее, чтобы в Китае царили хаос и застой. Маньчжуры — гаранция слабости и отсталости Китая. Иностранные державы угнетают Китай, лишают его земель, доходов и прав, но, если даже изгнать иностранцев, а маньчжиров оставить у власти, национальный вопрос так и не будет разрешен и независимость Китая

не сможет быть восстановлена. Китайский народ зависит от иностранцев в той мере, в какой он зависит от маньчжуро-китайской империи. Следовательно, нужно раньше всего решить вопрос о восстановлении внутренней независимости и внутреннего суверенитета; задачу эту формулирует кратко: свержение чуждого (цинского) господства над китайским народом.

В этом пункте, как нетрудно заметить, нет установки на борьбу против империализма.

Освобождение китайской нации от маньчжурской тирании — вот стержень этого пункта.

Сунь Вэнь понимал, что этот пункт недостаточен. Но идти дальше не хотел. Пусть первый набросок программы останется таким, как есть. Со временем можно будет продолжить разработку. Сейчас главное — свержение маньчжуро-китайской империи.

Следующий вопрос — создание нового государства. Каким должен быть политический строй этого государства? Вместо маньчжурского абсолютизма должна быть введена демократия, народоправство, конституционное правление. Изучал с этой целью конституции стран Запада. Что дало это изучение, к каким выводам привело? Убедился, что конституции стран Запада построены на разделении трех властей: исполнительной, законодательной и судебной. Один недостаток всех этих конституций в том, что правительство подчинено парламенту, а парламент и его члены никем не контролируются. Другой недостаток: государственные служащие подбираются без предварительной проверки их знаний и квалификации. Как преодолеть эти недостатки? Создать конституцию пяти властей: исполнительной, законодательной, судебной, экзаменационной и контрольной. Все эти власти имеют равные права и друг от друга независимы. Вместе они должны создать устойчивую систему управления, в которой уравновешиваются друг друга. Основа основ, разумеется, всеобщее избирательное право. На местах также создаются местные выборные органы власти — самоуправление в уездах, округах и провинциях.

Третий вопрос — новый общественный строй, обеспечивающий народу благосостояние.

Пребывание в США и в странах Европы, изучение положения в этих странах наглядно показали Сунь Вэню, что все преимущества прогресса присвоили себе богатые, которых немного, а все недостатки остались на долю бедных, составляющих огромное большинство народа. Богатые богатеют, бедные еще больше беднеют. Вот к чему привело развитие капитализма.

Китай может и должен избегнуть этого.

Может, потому что в Китае капитализм еще не играет значительной роли — там он только-только возникает.

На Западе трудящиеся вынуждены готовиться к социальной революции, чтобы сбросить с себя капиталистическое иго.

В Китае нет еще класса капиталистов, нет рабочего класса. Классы китайского общества — крестьяне и землевладельцы. Поэтому главная социальная и экономическая проблема Китая — аграрная. При правильном решении земельного вопроса можно будет обеспечить благосостояние народа. Для этого необходимо осуществить уравнение прав на землю, чтобы у всех была земля в достаточном размере.

Сунь Вэнь не был марксистом, знал теорию Маркса лишь весьма поверхностно, только по ее переложению в книгах буржуазных социологов, но тем не менее считал непригодной в условиях тогдашнего Китая. Он верил в то, что в Китае есть еще возможность избежать тех зол, которые капитализм несет с собой: социальное и материальное неравенство, эксплуатация человека человеком, бесправие народа. Сунь Вэнь значительно позже понял, что предлагаемые им меры, особенно ликвидация феодальных отношений в деревне, откроют широкую дорогу развитию в стране не социализма, а капитализма.

Но Сунь Вэнь был уверен, что набросок программы выражает наиболее насущные потребности Китая. И он был прав. В то время никто, ни одна партия, ни

одна общественная группа, ни один деятель не решалось выставить в какой-либо форме лозунг уравнения прав на землю. А между тем в такой классически крестьянской стране, как Китай, вопрос о земле, естественно, должен был стать и стал главным, решающим лозунгом демократической революции.

В те далекие юношеские годы, когда Сунь Вэнь учился в школе на Гаваях, он часто подолгу смотрел на расстилавшийся перед ним океан. И тогдашние мысли, волновавшие молодое сердце, снова приходили на память. «Как понять океан?.. Китай — океан... Как узнать магическое слово, которое может привести в движение народ-оcean?»

Теперь он понимает, теперь он знает магическое слово, которое обладает величайшей силой и способно поднять к борьбе миллионные массы. Это короткое слово. Всем знакомое.

ЗЕМЛЯ!

Мысль Суня работала быстро. Когда после неудачи восстания 1900 года он три года обдумывал программу революции, еще не ясно было, как ее лучше всего назвать. Теперь и это выяснилось. Он назовет ее так: «Сань Мин Чжу И» — «Три народных принципа»:

1. Принцип национализма.
2. Принцип народовластия.
3. Принцип народного благосостояния.

Теперь китайская революция имела более четкую программу, чем когда бы то ни было раньше.

В первом наброске программы не было ни слова о республике. Теперь, когда революция на подъеме, условия изменились, и это ограничение необходимо отбросить. В Гонолулу, куда Сунь Вэнь прибыл весной 1904 года, он публикует в местной газете программную статью «Подлинное решение китайского вопроса». Набрасывает яркую картину положения в стране, находящейся в состоянии глубокого недовольства, излагает принципы, которыми руководствуется революционная партия; указывает на методы действия, открыто провозглашая, что народ должен

начать подготовку широкого вооруженного восстания. Тем самым он открыто объявляет войну маньчжурской монархии и — в этом новый момент — монархии вообще. Сунь обращается ко всем передовым людям Запада с призывом оказать материальную и моральную поддержку «новому просвещенному и прогрессивному правительству, которое должно прийти на смену старому... В народе, — пишет Сунь Вэнь, — много людей высокой культуры, способных организовать новое правительство. Уже давно подготовлены тщательно разработанные планы превращения старой монархии в Китайскую республику».

Открытое провозглашение лозунга замены монархии республикой имело в тот момент большое принципиальное значение.

Начинался новый, более высокий этап революционного движения. На этом этапе была уже недостаточна замкнутая конспиративная, сравнительно малочисленная боевая организация революционеров, опирающаяся на поддержку политически отсталой массы членов тайных обществ. Теперь нужна партия более массовая, впитавшая в себя лучшие силы страны, передовую молодежь, борцов за республику, независимость и благо народа.

Особенность революционного мировоззрения и революционной деятельности Сунь Вэня — высокая активность. Он неутомим. И сразу принимается за осуществление плана объединения различных революционных отрядов, ведших борьбу в стране, в одну партию.

Вербовку членов в новую партию он начинает немедленно по прибытии в Европу. Создает собрания китайских студентов в Лондоне, в Париже, в Брюсселе, в Берлине. Собрания посещаются теми, кто готов участвовать в революционной борьбе. Самое большое состоялось в Брюсселе: присутствовало тридцать человек, присягнувших на верность революции. Им Сунь Вэнь изложил содержание программы революции — «Три народных принципа».

В это время за рубежами Китая находились многие тысячи китайских студентов. В Японии их было в середине 1905 года до шести тысяч. Из этого источника революционная партия черпала кадры. Многие из тогдашних студентов, ставших под знамя борьбы за республику, приобрели впоследствии громкую известность и отдали свою жизнь за дело народа.

Среди них был и Ляо Чжун-кай, один из наиболее верных последователей Сунь Вэня. Они познакомились в Токио, и возникшая тогда между ними боевая дружба сохранилась до конца их жизни. Во многом Ляо Чжун-кай напоминал Сунь Вэню его первых товарищей по Союзу возрождения Китая, друзей его первых революционных выступлений. Бок о бок с Ляо Чжун-каем шла в рядах революционных борцов его подруга и соратница, одна из передовых женщин — геройня китайской революции, Хэ Сян-нин.

На собраниях китайских студентов в европейских столицах все выражившие готовность вступить в революционную организацию должны были подписать текст присяги, выработанной Сунь Вэнем:

«ТОРЖЕСТВЕННО КЛЯНУСЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ НЕБА БОРОТЬСЯ ЗА ИЗГНАНИЕ МАНЬЧЖУРОВ, ВОССТАНОВЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА КИТАЯ, СОЗДАНИЕ РЕСПУБЛИКИ И УСТАНОВЛЕНИЕ РАВНЫХ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ. КЛЯНУСЬ БЫТЬ ДО КОНЦА ПРЕДАННЫМ ЭТИМ ВЕЛИКИМ ИДЕЯМ, ЕСЛИ Я НАРУШУ ЭТУ КЛЯТВУ, ПУСТЬ МЕНЯ ПОСТИГНЕТ СУРОВАЯ КАРА».

Настроение, царившее на собраниях, показало Сунь Вэню, что китайская молодежь полна энтузиазма и готова отдать все силы и жизнь за спасение отечества. Той памятной весной ярко расцветал юный патриотизм Китая. Это чувство, приобщавшее каждого, кто внимал трибуну революции, к отечеству и нации, придало молодым бойцам силы необыкновенные. Пропал страх перед маньчжурскими мучителями. Загорелись молодые сердца готовностью к бою. Если бы Лу Хао-дун и Чжэн Ши-лян могли видеть это! Увы, такого великого счастья им не было дано!

А из России шли и шли волнующие вести. По всей огромной стране кипела борьба. Выдающуюся отвагу проявляют рабочие в городах. Восстания следуют за восстаниями. Еще не поднялась деревня, но и там уже заметны признаки глубоких сдвигов. Грандиозные стачки парализуют правительственный аппарат. Стали поезда. Не работает телеграф. Армия и флот выходят из повиновения.

Революционная буря перемахнула через Урал, и ее гром уже слышен в Сибири, она приближается к границам Китая. Газеты сообщают о волнениях в русских войсках, расположенных в Маньчжурии. И уже не редки случаи, когда русские и китайские революционеры сражаются в одном строю.

Европейская миссия закончена. Пора снова в путь. Туда, ближе к родным рубежам.

4. В гору!

Друзья Сунь Вэня в Йокогаме знали, когда он возвращается. От них об этом узнали китайские студенты. Пароход, идущий из Европы, еще только показался вдали, а на пристани уже шумела толпа.

Некогда даже отдохнуть с дороги, оглядеться, подумать. Со всех сторон сразу навалились срочные дела. Однако самое срочное — завершить объединение революционных сил. Не ясно только, в какой форме осуществить это объединение: добиваться вступления других организаций в Союз возрождения Китая или создания новой партии? Сунь Вэнь считает, что союз уже сыграл свою роль. Нужно создать новую партию, не столь замкнутую, открытую для всех желающих участвовать в борьбе, имеющую широкие связи в разных слоях населения, в армии, за границей. Революция выступает с новой программой, у нее на знамени лозунг демократической республики.

Товарищи рассказывают ему, что в Токио нахо-

дится хунанец — боевик Хуан Син, принявший для конспирации японское имя Момовара. С ним группа участников неудавшегося восстания в Чанша. У них широкие связи с революционно настроенными молодыми китайцами, находящимися в Японии.

Сунь Вэнь узнает также, что внутри созданной Хуан Сином в 1902 году Ассоциации военного обучения действует строго законспирированная террористическая группа Гун Бао-чуаня. Примерно год назад, то есть в 1904 году, эта группа террористов реорганизовалась в Общество восстановления величия Китая, и оно также согласно вступить в новую партию.

Эти сведения заставляли насторожиться. Сунь не сочувствовал террористической тактике и не очень доверял самим террористам, которые часто оказывались агентами полиции, провокаторами. Как быть? Они наверняка будут требовать приема всей их компании в новую революционную партию. Стоит ли их принимать?

Необходимо встретиться с Хуан Сином.

Сунь Вэнь понимал, что союз с Хуаном неизбежен. Он ценил в нем смелость, готовность переносить лишения, боевые качества солдата. Чего скрывать — в плане политическом Хуан слаб. Известна его беззаботность в отношении революционной теории, некоторая политическая близорукость. Страдает тщеславием. Трудно будет с ним.

Но это потом, потом. Придет время и для размежевания. Теперь лозунг дня — единство. Необходимо встретиться с Хуаном. Где его найти? Об этом можно справиться у Миядзаки.

Миядзаки и познакомил их. Первая встреча с группой Хуана состоялась 28 июля 1905 года, через несколько дней после приезда Сунь Вэня из Европы. Сунь изложил свои взгляды на необходимость создания объединенной революционной партии. Дело это назрело и не терпит оттяжек. Стране грозят новые опасности. Победоносная революция предотвратит их и откроет путь к обновлению Китая.

Хуан несколько удивил Суня. Первый его вопрос

касался... денег. «Есть ли у вас деньги?» — спросил он. Сунь ответил, что есть. Потом началась беседа по существу. И сразу выяснилось, что далеко не все сторонники Хуана поддерживают идею создания объединенной партии. Сам Хуан заявил, что предложение Суня следует еще обдумать. На этом расстались, чтобы собраться снова на следующий день. Сунь приготовился слушать, что скажет хунанец. Тот не стал томить его. Сказал прямо, что предпочитает не органическое, а условное объединение при сохранении своей организации. Значит, не объединение, а федерация? Да, подтвердил Хуан. Каждая организация, вступающая в новую партию, сохраняет свободу действия, разумеется в рамках общей программы и единого устава. Сунь Вэнь подумал, затем выразил согласие.

Договорились, что на следующий день опять встретятся в расширенном составе. Собрание состоялось 30 июля в доме богатого японца Учиды Риохея, где никто не мог бы им помешать спокойно обсудить проект объединения. Участвовало семьдесят человек. Присутствовали: Сунь Вэнь, Хуан Син, Ляо Чжункай, Чжан Цзи, Чэн Тянь-хуа, Сун Цзяо-жэнь, Фэн Цзы-ю, Цзян Цзун-гуй, Цю Цзинь и другие. Собравшиеся приняли решение считать себя подготовительным комитетом по организации новой партии.

Все ждали, что скажет Сунь Вэнь. В своей речи он обосновал необходимость объединения всех революционных организаций в одну партию. Предложение не встретило возражений. Тогда Сунь Вэнь, поддержанный многими участниками собрания, предложил назвать новую партию так: «Объединенный революционный союз Китая».

Немедленно раздался голос Хуан Сина:

— У меня возникло сомнение в целесообразности такого наименования. Стоит ли нам называть будущую партию революционной? Не лучше ли ограничиться таким названием: «Объединенный союз»?

Хуан Син как будто ничего не утверждал, он только выражал «сомнения», он лишь спрашивал, а в дей-

ствительности его реплика имела точный смысл: он как бы ставил вопрос о том, не лучше ли воздерживаться от прямого и открытого провозглашения революционных принципов и резкого размежевания с либералами. Хуаньцы, некоторая часть хубэйцев и выходцев из Чжэцзяна были солидарны с ним. Это были голоса молодой финансовой буржуазии Центрального и Восточного Китая, выходцев из Шанхая — Ханчжоу, Чанша. Там были сильны консервативно-либеральные настроения, а порой преобладали консервативные взгляды, царившие в среде крупной буржуазии, тесно связанной с иностранным капиталом. Между тем группа Сунь Вэня представляла интересы и идеологию не только национальной буржуазии, но и революционной мелкой буржуазии городов и крестьянства.

Сунь Вэнь отлично понял значение реплики Хуан Сина. Дать бой по этому вопросу? Не приведет ли к провалу всего дела объединения? И решает: пока боя не давать. Все решится позднее, когда дело дойдет до основного: программы.

Взяв слово, Сунь Вэнь заявляет, что по тактическим соображениям можно было бы не применять слово «революционный» для названия союза, но его следует в титуле партии сохранить. Это был компромисс. Все выразили согласие.

Затем Сунь Вэнь произносит речь о «Трех народных принципах». Знакомит собравшихся с конституцией пяти властей и говорит о том, что внесет на учредительный съезд союза еще несколько важных программных документов. Чувствует он, что все собравшиеся единодушны в одном: в необходимости свержения монархии и изгнания маньчжуртов. Республика как будто всех устраивает. Пока споров нет. Но разногласия имеются.

«Принцип народного благосостояния», точнее — уравнение прав на землю, намечаемое Сунь Вэнем, и осуществление этого права путем национализации земли многим не по душе. Но возражать не решаются. Даже те, кто предпочел бы вообще не затрагивать вопроса о земле, понимают, что открыто отвер-

гать «Принцип народного благосостояния» — значит пойти на разрыв с этим неистовым гуандунцем. Пока лучше помолчать, а там видно будет. В уме некоторых противников предложений Сунь Вэня уже бродит мысль о том, что важнее всего сбросить маньчжуро-китайскую власть, а тогда вопрос о земле, может быть, и не придется решать вовсе.

Но есть и такие, которым программа Сунь Вэня кажется умеренной. Это радикально настроенные участники собрания. Почему Сунь Вэнь не предлагает конфискацию помещичьих земель? Почему он возражает против аграрной революции, против *захвата* земли крестьянами? Почему стержнем своей аграрной программы считает *выкуп* земли государством у помещиков по средней цене и распределение выкупленной, а не конфискованной земли поровну между теми, кто трудится в сельском хозяйстве? Почему не скажет крестьянам: «Бери землю, она твоя!»? У него получается буржуазное, а не плебейское решение земельного вопроса. Даже тайпины провозглашали уничтожение помещичьего землевладения и наделения семей крестьян землей по числу едоков.

В этой критике аграрной политики, предложенной Сунь Вэнем, много справедливого. Надо только принять во внимание, что она, эта политика, в то время была наиболее приемлемой по сравнению с тем, что предлагали другие. Только Сунь Вэнь внес конкретный план земельных преобразований, который предусматривал уничтожение феодальных пережитков, избавление крестьян от помещичьей кабалы и раскрепощение производительных сил страны. Да, это был не социалистический план, но для социализма в тогдашнем Китае вовсе не было необходимых условий и социализм там не стоял на очереди. Вместе с тем, как революционер-демократ, Сунь Вэнь понимал, что революция победит только в том случае, если в битву вступит главная движущая сила — крестьянство, плебейская масса. На нее-то он и рассчитывал.

Те, кто тогда считал уравнение прав на землю нежелательным или недостаточным, не имели собствен-

ных разработанных предложений. Они, видимо, и не задумывались над тем, что же привлечет на сторону революции многомиллионное крестьянство. Они много говорили об абстрактной справедливости. Когда Сунь Вэн думал об этом, ему вспоминалась легенда об острове счастья на неведомой реке. Народу не следует рассказывать сказки. Революция очень серьезное дело.

Противники Сунь Вэня промолчали. Его предложения прошли.

Большие общественные проблемы обсуждались в тот вечер в доме Учиды Риохея. Если бы он тогда знал, какому движению дадут толчок люди, собравшиеся там 30 июля 1905 года! Немногие тогда допускали, что всего через шесть лет маньчжурская династия рухнет и в Китае вообще исчезнет монархия, державшаяся там тысячи лет.

Перед тем как разойтись, собравшиеся избрали комиссию для выработки устава лиги. Возглавил ее Хуан Син. Кроме него, в комиссию вошли Чэн Тяньхуа и Ма Цзюнь-у.

Через две недели, 13 августа, в зале ресторана Фудзи в Токио собрались сотни китайских патриотов, чтобы выразить свое уважение доктору Сунь Ятсenu, признанному лидеру объединенного революционного лагеря. Зал был переполнен. Он еле вместил семьсот человек. Сотни молодых энтузиастов стояли под окнами зала и ловили каждое доносившееся до них слово. В честь Сунь Вэня было произнесено несколько речей. Приветствовать его явились представители различных организаций. Но все ждали, что скажет сам доктор Сунь.

Он произнес краткую речь, в которой воспел грядущую революцию. Взволнованно он говорил о том, что еще недавно приходилось тратить много времени и сил, чтобы убеждать слушателей в необходимости революции. И вот пришло такое счастливое время, когда революция уже стала желанной целью для всех. Китайские революционеры объединяются. Что это означает? Это означает, что все общественные слои в Китае, кроме, конечно, маньчжуров, признают

необходимость революции. Это ли не победа революционного дела! Это ли не торжество революционного духа!

Через неделю состоялось учредительное собрание союза.

Знакомый Сунь Вэня, японский общественный деятель Сакамато Киния, предоставил свой дом для проведения этого исторического собрания. 20 августа в присутствии более четырехсот делегатов, представлявших почти все провинции Китая (кроме Тибета, Ганьсу и Маньчжурии), Сунь Вэнь провозгласил образование новой революционной партии — Объединенного революционного союза Китая.

Не один Сунь Вэнь создал его. Но будем точны. Союз был его детищем. Мысль о союзе возникла именно у него. И главное — Сунь Вэнь проявил и в этом важном деле свойственные ему целеустремленность и последовательность. Он понимал, как никто другой, что момент назревания революции настоятельно и безотлагательно требует соединения в одну партию всех врагов маньчжурдов и монархии вообще, всех сторонников республиканского демократического строя, всех друзей народа — словом, всех революционеров-патриотов. И еще он острее всех чувствовал и понимал, что время местных, автономных организаций прошло, ибо речь шла об освобождении не «мой» или «твоей» провинции, а о стране в целом. В Китае были тогда различные революционные организации — сельские и городские, на всех почти без исключения лежал отпечаток провинциализма и провинциальной ограниченности, каждая стремилась к сохранению своей «независимости» или «самостоятельности», что было отражением раздробленности страны. По мысли Сунь Вэня, новая партия должна была покончить с этими пережитками старины. Союз по-революционному объединял страну, возрождал нацию, поворачивал ее от прошлого к настоящему и будущему.

Во всем этом Сунь Вэнь видел историческую роль, которая выпадала на долю первой общекитайской партии революции. Революция не могла победить как

гуандунская, чжэцзянская, хунаньская, хубэйская. Могла восторжествовать как революция китайская, потому что весь китайский народ страдал от одного и того же недуга и весь нуждался в избавлении от него.

Вот это Сунь сказал собравшимся для учреждения новой революционной партии, которой предстояло поднять народные массы и повести их в бой.

Ему было тогда тридцать девять лет. Он — самый старший среди партийных товарищे�й. Хуан Сину исполнился тридцать один год, Сун Цзяо-жэню — двадцать три года. Все полны молодого задора и энтузиазма. Но среди собравшихся нет никого, кто мог бы сравниться с Сунь Вэнем по опыту, знаниям, авторитету руководителя.

После утверждения программных документов союза — за основу приняли идеи «Трех народных принципов» — и устава сформировали руководство: правление, наметили президента и вице-президента, бюро на местах. Президентом избрали Сунь Вэня, вице-президентом — Хуан Сина, назначили руководителей отделов правления и редакцию печатного органа союза «Народ» («Минь-бао»), который вскоре начал нелегально выходить в Токио.

Для руководства деятельностью местных организаций в провинциях различных частей страны предусматривалось уставом создание пяти бюро союза. Но фактически было создано только два бюро: в Центральном и Южном Китае. Бюро Центрального Китая обосновалось в Шанхае, Южное бюро — в Гонконге. Отделения союза на Юге не пришлось создавать — там уже действовало отделение Союза возрождения Китая, которое влилось в новый Объединенный союз и стало его местной организацией.

Союз быстро рос. В первые же месяцы в него вступило около тысячи членов. Комитеты и организации возникли во всех провинциях Китая. Отделения организовались и во многих странах и городах мира, где проживали китайцы или учились китайские stu-

денты: в Японии, в Бирме, в Сайгоне, Сингапуре (здесь действовало бюро правления союза для стран южных морей), Ханое, Бангкоке, в городах Индонезии, на Филиппинах, в США, Канаде, в Австралии. В Брюсселе находилось Европейское бюро союза, отделы существовали в Берлине, Париже, Лондоне. К лету 1906 года в союзе было уже десять тысяч членов.

Сунь Вэнь считал, что для победы революции революционная партия должна обладать ясной программой организации власти. Он не был сторонником буржуазной демократии на западный лад. Полагал, что после свержения монархии пройдет еще некоторое время (по его мнению, не менее девяти лет), прежде чем станет возможным ввести демократические органы власти на основе постоянной конституции, всеобщих выборов в парламент и т. д. В первое время по необходимости сохранится революционная диктатура партии («период военной опеки»), что обеспечит уничтожение «наследия монархии». Потом наступит период воспитания, а уж затем демократическое управление.

В отличие от Сунь Вэня другие лидеры союза представляли себе государственное устройство по буржуазному шаблону, «как на Западе».

И в дальнейшем Сунь Вэнь продолжал дополнять, улучшать и совершенствовать свой план организации государственной власти на различных этапах революции с целью обеспечить права и интересы народа. Он хотел добиться того, чтобы сама система власти не допускала использования ее в антинародных целях. Отсюда его идея «Четырех прав народа»: права всеобщих выборов, права отзыва, права инициативы, права референдума. Таким путем народ осуществляет самое важное право — право контроля. Идея замечательна по своей многосторонности и подлинной демократичности.

Новый союз не был вполне спаянным организмом. Он состоялся из организаций, которые сохранили свои идеи, взгляды, политические и групповые симпатии. Проглядывали сквозь эти симпатии классовые

интересы. Союз включал в свой состав и буржуазные и мелкобуржуазные элементы, и городскую бедноту, и небольшое количество рабочих, были среди членов союза даже некоторые из помещиков, озлобленных по тем или другим причинам маньчжурской монархией. Внутренние трения были неизбежны при таком пестром социальном составе и при такой неясной организационной структуре. К тому же в союз приняли группу анархистующих крикунов, которые повели шумную кампанию против Сунь Вэня, пользуясь расхождениями, возникшими между ним и Хуан Сином, и всемерно раздувавшие их.

Слабость союза заключалась в его федеративном устройстве.

Верными солдатами революции были прежде всего соратники Сунь Вэня, члены Союза возрождения Китая, наиболее последовательные китайские революционеры-демократы того времени. Сунь Вэнь и его друзья по Союзу возрождения Китая добивались обновления страны, решения в интересах крестьянства вопроса о земле и других социальных преобразований. Для тех деятелей Объединенного союза, которые принадлежали к группировке Хуан Сина, самое главное сводилось к политическому перевороту и устранению маньчжуртов; их мало заботили повседневные интересы народных масс, они считали, что для обновления Китая достаточно провозгласить республику по американскому образцу.

Третья организация, вошедшая в новую партию как одна из главных ее составных частей, называлась Обществом восстановления величия Китая. Ее члены — представители китайской интеллигенции старого закала, люди с отсталыми взглядами, склонявшиеся к поддержке «национальной» Китайской династии — старой или новой, все равно. Вхождение этих поборников «величия» в союз не укрепляло, а ослабляло его и означало острыми внутренними конфликтами и опасными нарушениями дисциплины.

Если союз все же сыграл важную роль в организации революционной борьбы и в свержении монар-

хии, в чем состоит его бесспорная историческая заслуга, то стало это возможно главным образом благодаря бдительности, упорству, непоколебимому авторитету и воздействию выдающейся личности Сунь Вэня и труду его друзей.

Задачи союза были сформулированы Сунь Вэнем в известных «Шести пунктах», опубликованных в первом номере партийного органа «Народ».

1. Свержение продажной, разложившейся маньчжурской династии.

2. Провозглашение демократической республики.

3. Поддержание всеобщего мира.

4. Осуществление равного распределения земли.

5. Сотрудничество народов Японии и Китая.

6. Призыв ко всем странам оказать содействие в преобразовании Китая.

Пятый и шестой пункты были включены по соображениям тактическим. Сунь Вэнь тогда не считал своевременным и целесообразным призывать к борьбе против иностранных держав. Наоборот, он полагал, что в интересах обеспечения победы над маньчжурами следует проводить тактику нейтрализации этих держав, чтобы изолировать основного врага — Цинов. Но он хорошо понимал, что от своих позиций в Китае иностранные державы добровольно не откажутся и что с ними предстоит борьба. Не надеялся он на сколько-нибудь широкую поддержку из-за границы в преобразовании Китая. В одном его письме, относящемся к тому времени, говорится: «Они (иностранные державы) не настолько глупы, чтобы совершить коммерческое самоубийство, помогая Китаю обрести собственную индустриальную мощь и стать независимым». Но задирать их тоже не считал полезным — до поры до времени.

По всем этим главным вопросам в руководстве не возникло никаких споров. И вдруг разгорелся конфликт между Хуан Сином и Сунь Вэнем по второстепенному, даже мелкому, поводу: о партийном флаге.

На одном из первых заседаний правления союза

обсуждался вопрос о партийном флаге. Хуан Син внес свой проект: красное полотнище с белыми и синими полосами. Сунь Вэнь предложил другой проект: синее поле и на нем белое солнце, окруженное зубчатыми лучами, тоже белыми. Этот проект был в свое время предложен покойным Лу Хао-дуном, и Сунь Вэнь считал, что его следует утвердить. Хуан Син стал возражать. Начался спор. Хуан Син покинул заседание и дал понять, что намерен выйти из союза и увести «своих». Союзу грозил раскол. Сторонники Хуан Сина зашумели о «диктатуре» Сунь Вэня. Сун Цзяо-жэнь обвинил Сунь Вэня в «неискренности». Да и сам Хуан Син сделал заявление о том, что «Сунь начал думать о себе как о единственном вожде революции».

Сунь Вэнь уступил. Согласился с тем, чтобы флаг был красно-синий, но с белым солнцем в середине. Хуан Син согласился с ним. Конфликт разрешился.

Другой конфликт возник позднее, летом 1907 года, в связи с тем, что по требованию маньчжуров японские власти решили запретить деятельность руководящего центра союза в Токио и выслать Сунь Вэня из Японии. После отъезда Сунь Вэня оставшиеся в Токио анархисты сторонники «величия», в частности Чжан Бин-линь и Чжан Цзи, поддержаные Сун Цзяо-жэнем, одним из видных сторонников Хуан Сина, пытались захватить правление и редакцию партийного органа «Народ», овладеть руководством союза, снять Сунь Вэня с поста президента и передать этот пост Хуан Сину. Сам Хуан Син не имел отношения к этой авантюре. Вред она причинила огромный. Противники Сунь Вэня не остановились перед тем, чтобы опубликовать грязный пасквиль против него, объявили его виновником «бесцельной гибели» участников восстаний в различных частях Китая, приписывали ему «растрату» партийных средств. Наконец, они сообщили японской разведке секретные сведения о деятельности союза, а от японцев эти сведения могли легко попасть к маньчжурам, с которыми японские империалисты в то время уси-

ленно флиртовали. Это была прямая и гнусная измена делу революции, за что по уставу союза виновные должны наказываться смертью.

Однако и эта авантюра закончилась поражением противников сплочения революционного лагеря.

Революция шла своей дорогой — трудной, извилистой. Впереди были опасности и борьба. Но сила маньчжуро-китайской армии уже клонилась к упадку. Развязка была ближе, чем ожидали сами революционеры.

Глава пятая

ШТОРМ НА ЯНЦЗЫ

1. Идеи и меч

Жизнь в Токио в конце этого памятного 1905 года полна забот. Революционная партия, возникнув летом, к осени уже развернула свои силы в главных районах страны, за границей и повсюду, где живут китайцы. Только на Севере, в провинциях, окружающих Пекин, да на Северо-Востоке влияние партии еще не значительно.

В конце ноября 1905 года вышел первый номер главного печатного органа союза «Народ». Издатели нашли для него дом в Токио. Здесь набирают и печатают. Тут же и редакция. «Народ» выходит нелегально. Но японские власти знают все, что им необходимо знать. Дом, где печатают журнал, принадлежит некоему господину Кога, а этот господин Кога служит в полиции.

С первого же номера «Народ» находит своего читателя. Это главным образом студенческая молодежь. Журнал выходит нерегулярно и не очень часто: дважды, иногда и четыре раза в год. Ждут его с нетерпением. Им зачитываются. Тираж невелик: три тысячи экземпляров. Из них две тысячи экземпляров расходятся в Японии, среди проживающих там китайцев, а тысяча экземпляров разными путями переправляется в Китай. Спрос на журнал так велик, что за один экземпляр платят до двух долларов при цене в двадцать центов. Отдельные статьи выпускаются редакцией в уменьшенном формате на тонкой бумаге и пересыпаются в Китай по почте, а на местах эти статьи перепечатываются в виде листовок. Свои

статьи Сунь Вэнь подписывал псевдонимом Сунь Чжун-шань.

«Народ» повел беспощадную борьбу против реформаторов. Началась и разгорелась яростная полемика с печатным органом Лян Ци-чao. В конце концов она закончилась идеяным разгромом реформаторов. Лян Ци-чao был вынужден публично признать: «Идеи революции овладели Китаем!»

Это была победа идей Сунь Вэня.

Он уделял большое внимание «Народу», писал для него, привлекал способных сотрудников. В журнале печатались (фактически из номера в номер) статьи, обзоры, корреспонденции о революционном движении в России.

Сунь Вэнь понимал, что революционному делу следует учиться у русских революционеров. Опыт старых, давно прошедших буржуазных революций в странах Запада устарел. Единственная страна, где революционная народная борьба кипела, не утихая, — Россия — была рядом. Помимо ценного опыта, который имели русские революционеры, пропаганда русской революции являлась мощным средством укрепления революционных настроений в Китае, веры китайских революционеров в победу.

В это время Сунь Вэнь познакомился с некоторыми русскими политическими эмигрантами, участниками революционного движения в России и первой русской революции. Группа русских политических эмигрантов обосновалась в Нагасаки, где издавала газету. Сунь Вэнь узнал, что среди них находится старый русский революционер Руссель (Николай Николаевич Судзиловский). Между центром союза в Токио и группой Русселя установились тесные отношения. Когда Руссель переехал в Кобе, Сунь Вэнь побывал у него. В Японии находился активный участник революции 1905 года Т. А. Гершуни. Сунь Вэнь познакомился и с ним. Русские революционные эмигранты сотрудничали в «Народе», снабжали его материалами о революционных партиях и деятелях в России, фотоснимками, портретами известных русских революционеров. Китайские революционеры сотрудничали

в изданиях Русселя — в газетах «Япония и Россия» и «Воля».

Разыскивал Сунь Вэнь материалы о революционном движении в России в журналах и книгах, издававшихся в западных странах. Обширные извлечения печатались на страницах «Народа». Так расширялись русско-китайские революционные связи еще задолго до того, как Сунь Вэнь пришел к заключению, что будущее Китая неразрывно связано с развитием революционной борьбы в России.

Сунь Вэнь уже давно, со времени встречи с русским публицистом в Лондоне в конце 1896 года, знал, что передовые русские люди — друзья китайского народа. Теперь он убеждался в том, что это настоящие, боевые друзья, ибо их мужественная борьба ослабляла врагов Китая и оказывала ему прямое содействие. Китайские революционеры еще сильнее почувствовали, что они не одиноки.

«Народ» знали, читали, любили. Когда журналу исполнился год, на торжественное собрание в его честь собралось в Токио пять тысяч человек. Председательствовал Хуан Син. Главным событием небывалого собрания была речь Сунь Вэня, впервые публично провозгласившего программу революции — «Три народных принципа». Именно в этой речи Сунь Вэня содержится его известная формула революции:

«Поскольку мы против диктатуры кучки маньчжуротов, мы стремимся к национальной революции; поскольку мы против самодержавной власти монарха, мы стремимся к политической революции; поскольку мы против диктатуры богачей, мы стремимся к социальной революции. Если нам не удастся достичь хотя бы одной из этих целей, значит мы не претворим в жизнь своих первоначальных намерений. После осуществления всех трех целей Китай станет самым совершенным государством».

Тысячи взволнованных сердец, тысячи горящих глаз следили за каждым движением оратора. Его слова вызвали бурю одобрительных возгласов.

Шесть часов продолжалось чествование «Народа». Студенты шли по рядам и собирали в фонд журнала.

Каждый давал сколько мог. Любая монетка принималась как дар сердца. Собрали около восьмисот иен.

Это был большой день в истории Объединенного союза.

А через два дня телеграф принес известие о том, что более месяца назад началось восстание шести тысяч рабочих рудников в уезде Пинсян провинции Цзянси. Отсюда восставшие рудокопы двинулись в уезд Люян соседней провинции Хунань. В течение нескольких недель восстание продолжало расширяться и охватило также уезд Лилин. К концу ноября численность вооруженных повстанцев, к которым присоединились некоторые части местных войск и крестьяне, достигла тридцати тысяч человек. Непосредственная причина восстания — голод, поразивший обе провинции. Восстание вспыхнуло неожиданно для местных деятелей союза, но в нем приняли участие его члены. Восставшие рабочие и крестьяне повсюду выдвигали лозунги союза: республика и равные права на землю!

Руководство союза узнало о восстании из сообщений японских газет. Немедленно в район восстания выехали из Японии уполномоченные правления. Хуан Син пробрался в Гуандун. Но было уже поздно. Маньчжуры приняли все меры, чтобы подавить восстание, замечательное тем, что впервые руководящая роль принадлежала рабочим, с которыми в боевом союзе действовали крестьяне, члены тайного общества «Старшие братья».

Одновременно маньчжуры добиваются от японского правительства, чтобы оно запретило деятельность руководства союза в Токио и выслало из страны Сунь Вэня. Желая сохранить видимость лояльности по отношению к китайским революционерам, японское правительство довело до сведения Сунь Вэня, что ему «лучше покинуть Японию», причем японский премьер-министр Ито просил передать, что его правительство готово принять на свой счет расходы по переселению Сунь Вэня в какую-нибудь другую страну. Конечно, дело было не в требованиях маньчжуротов, а в том, что сам Ито и его последователи ненавидели китайских

революционеров и стремились избавиться от них. Ито не скрыл, что деятельность китайских революционеров на территории Японии оказывает «отрицательное» влияние на японских трудящихся. Особенно недоволен он был тем, что социалистические рабочие организации Японии сотрудничали с Объединенным союзом Китая и совместно с ним организовали Интернациональное общество, куда входили японцы, китайцы, вьетнамцы, филиппинцы, индийцы.

Сунь Вэнь понял все: его высыпали. Надо было обосноваться в другом месте, но не отдаляться от Китая. Он вспомнил о переданном ему некоторое время назад приглашении французских властей Индокитая. Решил ехать туда.

Но прежде чем покинуть Токио, где решено было оставить некоторых деятелей для руководства изданием «Народа» и частью центрального аппарата союза, Сунь Вэнь провел одно очень важное постановление: о создании Специального комитета с чрезвычайными полномочиями для организации вооруженных выступлений и согласования деятельности отделений союза в Китае и за границей. Сунь Вэнь сказал при этом, что необходимо извлечь урок из недавнего восстания в Пинсяне. Союз был застигнут врасплох. Это не должно повториться. Впереди не одно восстание против маньчжуртов. Нужна организация, нужна разведка, информация, нужен штаб. Правление слишком громоздкое. Небольшой по составу Специальный комитет по военным делам и сбору средств крайне необходим. Ближайшая задача комитета — организация вооруженных восстаний в Гуандуне, Гуанси, Хунани, Юньнани и других местах и сбор средств среди китайских эмигрантов за рубежом. Предложение Сунь Вэня приняли. Он был избран главой комитета. Туда вошел также Хуан Син.

Комитет переехал в Ханой. Это было удобно во многих отношениях. Маньчжуры не сразу догадаются, где оперативный центр союза, от Ханоя до китайской границы ближе, чем от Японии; почти рядом те провинции Китая, где, по мнению Сунь Вэня, следует организовать восстания: Юньнань, Гуанси,

Гуандун. В Ханой легче доставить оружие морем через Хайфон и далее по Красной реке.

Отныне военные вопросы находились под неослабным контролем Сунь Вэня.

На одном из заседаний комитета было принято решение о всемерном усилении работы союза в «Новой армии». Сунь Вэнь сказал, что нужно поставить перед молодыми членами союза задачу, которая ему представляется исключительно важной, даже почетной: идти в «Новую армию», проникнуть на командные должности, для чего поступать в военные школы, заниматься на военную службу в качестве рядовых — всеми способами и путями проникнуть в «Новую армию», захватить в ней сильные позиции, взять ее изнутри. Маньчжуры, добавил Сунь Вэнь, тратят на формирование этой армии народные деньги, народ поэтому имеет право взять эту армию и использовать в интересах революции.

Главное внимание Специальный комитет уделяет провинциям Юга и Юго-Запада. До них было «рукой подать», потом там широко развито крестьянское движение. В Гуанси и Юньнани не прекращаются волнения среди национальных меньшинств: чжуан, мяо, лоло, ицзя. С ними также устанавливается контакт.

В мае 1907 года Специальный комитет организует первое восстание в восточной части Гуандуна, в округе ЧАОЧЖОУ. После шести дней боев и некоторого успеха, приведшего к захвату нескольких небольших городов и небольшого арсенала в Хуагане, восставшие потерпели поражение и рассеялись. Но почти сразу же вслед за этим восстанием вспыхивает в начале июня еще одно, в другом округе Гуандуна — ВЭЙЧЖОУ. Туда Сунь Вэнь отправил уполномоченного союза для связи с отделением тайного общества «Триада». Совместно они подняли крестьян. Восстание продолжалось десять дней и окончилось неудачей из-за нехватки оружия, которое хотя и было отправлено повстанцам из Ханоя, но попало в руки маньчжурскихластей.

После короткого перерыва Специальный комитет поднял восстание в юго-западной части Гуандуна.

Маньчжуры стянули в район восстания большие силы, и повстанцам пришлось прекратить операции. В конце сентября Сунь Вэнь, Хуан Син и их отряды вернулись в Индокитай.

Сунь Вэнь не терял веры в исход борьбы.

В конце ноября Специальный комитет получил сведения о восстании крестьян в юго-восточной части провинции Гуанси, недалеко от границы Индокитая. Восставшим удалось захватить горный проход Чжэнънань и три небольших пограничных укрепления, запирающих этот проход. В укреплениях были пушки, правда очень старые. Сунь Вэнь и Хуан Син тотчас же выступили с отрядом в несколько сот человек на подмогу. Маньчжуры также начали перебрасывать войска к Чжэнънаню. Отряд Сунь Вэня достиг фортов. С трудом взобрались на высокие скалы и увидели подходившие со всех сторон войска противника. Семь суток шли бои. Ждать подкреплений не имело смысла — им неоткуда было прийти. Оставаться здесь было нецелесообразно. Сунь Вэнь скомандовал отступление.

Комитет занялся подготовкой других боевых выступлений. Но в марте 1908 года французские власти внезапно предложили Сунь Вэню покинуть Ханой. Угрожали арестом. Пришлось уехать в Сингапур. Специальный комитет пока остался в Ханое.

Через несколько дней, выполняя приказ Сунь Вэня, боевой отряд численностью в двести человек под командованием Хуан Сина вступил в юго-западную часть Гуандуна и с боем продвинулся в соседнюю провинцию Гуанси, к горе Мадушань. Поход продолжался сорок дней. За это время к отряду присоединились четыреста партизан. Отряд отличался крепкой организацией и дисциплиной. Не хватало лишь вооружения и боеприпасов. В конце апреля отряд вернулся на свою базу. 5 мая Хуан Син узнал о новом большом восстании в провинции Юньнань, в районе города Хэкоу, который был взят восставшими 30 апреля. От Сунь Вэня поступило указание — немедленно отправиться в Хэкоу и принять на себя командование вооруженными силами восставших. Хуан Син по-

мчался в Юньнань. Прибыв в Хэкоу, нашел восстание в разгаре. Командовали здесь члены союза Хуан-Мин-тан и Ван Хэ-шунь. Оказалось, что на сторону восставших перешло несколько батальонов правительственные войск — более трех тысяч солдат со всем вооружением. Не было боеприпасов. Не было денег. Хуан хотел немедленно идти на Куньмин, столицу провинции. Среди восставших, однако, не было единодушия. Хуан Син тогда решил на один день съездить в Ханой, чтобы посоветоваться с товарищами из комитета, но на обратном пути его постигло несчастье — на границе он был задержан французской полицией и выслан из Индокитая. Восставшие, не дождавшись возвращения Хуан Сина, разбрелись кто куда.

Хуан Син уехал в Сингапур, где встретился с Сунь Вэнем. Договорились, что следует проверить состояние дел в Токио, где клика Чжан Бин-линя повела клеветническую кампанию против Сунь Вэня и фактически развалила все то, что осталось от центрального аппарата союза после отъезда членов Специального комитета. Прибыв в августе в Токио, Хуан Син установил, что Чжан и его дружок проходимец Дан Цзэн-би превратили «Народ» в орган своей раскольнической группы и начали вести агитацию в пользу индивидуального террора. В № 24 журнала появилась провокационная статья Дана «Психология революции», оправдывавшая политические убийства как средство борьбы. Японские власти придрались к этой статье, конфисковали номер и запретили издание журнала. Это был большой удар для союза. В Токио среди членов организации царили разброд и уныние. Чувствовалось отсутствие Суня.

К сожалению, Хуан Син не проявил необходимой стойкости. Он сам тоже стал склоняться к террору, оправдываясь тем, что ввиду неуспеха восстаний, организованных союзом, не мешает для «поднятия духа» организовать несколько «громких» покушений на видных деятелей маньчжурского режима. В секретной мастерской, организованной Хуан Сином в Йокогаме, террористы учились снаряжать бомбы.

Динамит достали с помощью некоторых русских политических эмигрантов, проживавших в Японии.

В этой бомбовой мастерской в свое время работала известная китайская революционерка — поэтесса Цю Цзинь, вступившая в союз еще в 1905 году в Токио. Цю Цзинь принадлежала к тайной, законспирированной террористической организации «Группа десяти». Вернувшись в Китай, она вступила в террористическую группу офицера Сюй Си-линя. В июле 1907 года Сюй убил губернатора провинции Аньхуэй и организовал восстание в Анцине среди воспитанников военной школы, где он работал. Оба — Сюй Си-линь и Цю Цзинь — были схвачены и казнены. Многие молодые китайцы старались подражать казненным и поэтому предпочитали террор всем другим видам революционного действия. Объединенный союз не имел прямого отношения к делу «Группы десяти». «Группа десяти» существовала внутри союза без его ведома. Политически она была связана с Обществом восстановления величия, вернее, с той ее «независимой» частью, которой руководили противники Сунь Бэня.

В Анцине же в ноябре 1908 года под руководством офицера Сюн Чжэн-цизи вспыхнуло новое восстание в войсках местного гарнизона. Оно было подавлено, но еще раз показало, что армия ненадежна, что маньчжуры не могут рассчитывать на китайских солдат и офицеров.

В это время — ноябре 1908 года — Цыси почувствовала, что царству ее приходит конец. По ее приказу 14 ноября евнухи умертвили опального императора, а на следующий день она сама скончалась. На престол возвели двухлетнего Пу И, сына принца Чун, который стал регентом.

Сделавшись фактическим главой государства, принц Чун прогнал Юань Ши-кая, предавшего в 1898 году его брата императора Цзайтяня. «У вас больные ноги — поезжайте лечитесь!» — сказали ему. Карьера любимчика Ли Хун-чжана внезапно оборвалась. Но он сохранил тесную связь с командирами «своих» дивизий, расположенных в Северном Китае.

...Революция нарастала, она приближалась неумолимо. Ее идеи проникли в массы. Революционная война разгоралась. Она знала подъемы и спады, но в целом революционная волна поднималась выше и выше, и рокот ее все более грозно доносился до императорских покоя.

Обреченнную монархию уже ничто не могло спасти!

2. Удар грома в Кантоне

За три года — 1906—1908-й — Китай пережил полосу почти непрерывных антиманьчжурских восстаний. Следующий год — 1909-й — был сравнительно спокойный. Революционные организации собирали силы. Собирал силы и Объединенный союз.

Сунь Вэнь недолго оставался в Сингапуре: он и для английских властей оказался «нежелательной личностью». Пришлось ему перебираться в Пенанг. Понемногу он переводит туда из Токио все важные связи союза и берет в свои руки руководство его центральным аппаратом. Специальный комитет тоже перебрался в Пенанг. Все равно проводить какие-либо операции в юго-восточных провинциях Китая теперь невозможно. Его мысль обращена к Кантону. А что, если там развернуть подготовку к восстанию? Надо только суметь обосноваться в Гонконге и создать там базу.

Но...

Внезапно происходит что-то невероятное. Член комитета Ван Цзин-вэй, прибывший в Пенанг, знакомится с молодой китаянкой Чэнь Би-чунь, дочерью богатого местного купца, и влюбляется в нее. Чэнь отвечает ему взаимностью. Но за этим романом, пока сохраняемым в глубокой тайне, скрыта еще одна тайна: возлюбленная Вана — член террористической группы Фан Цзюнь-ина, в которую входят жена Фана, Цзэнь Син, затем Чэнь Би-чунь и еще трое. Ван присоединяется к террористам. Сообщает об этом Сунь Вэню. Тот категорически возражает. Специальный комитет запрещает Вану участвовать в террористических актах. Ван совершает грубое нарушение дисциплины и

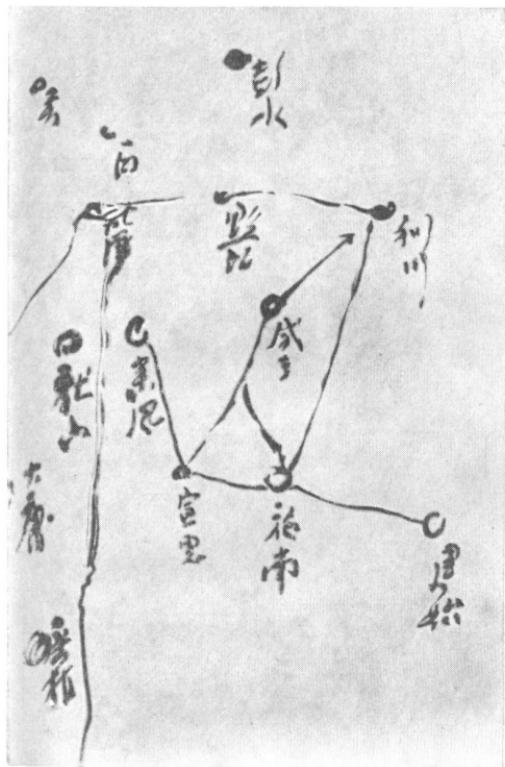
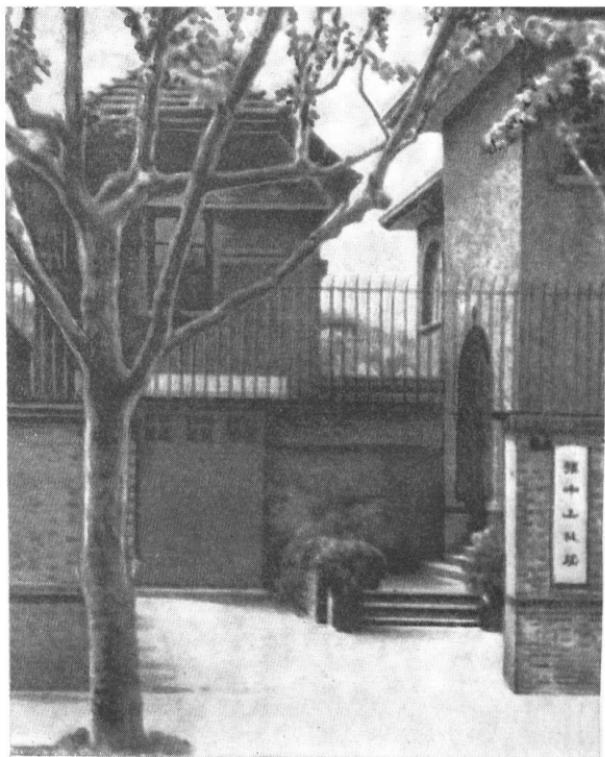

Схема боевых действий,
составленная Сунь Ят-
сеном.

Дом-музей
Сунь Ят-сена
в Шанхае.

Вход в Дом-музей Сун
Ят-сена.

Кабинет на втором
этаже.

вопреки запрету уезжает. Кричит на прощание, что ему надоели «мелкие дела», что необходимо сделать «что-нибудь громкое», чтобы «потрясти весь Китай». Группа отправляется в Ханькоу. Прибыв туда и осмотревшись, террористы решают, что покушение на какого-нибудь чиновника здесь не будет ни «громким», ни «потрясающим». Что делать? Принимается решение: динамит (около пятидесяти килограммов), который везут с собой, оставить на хранение у ханькоуских товарищей и всей группой вернуться назад. Чэнь Бичунь достает денег. В декабре с тремя террористами она отправляется в Пекин. В январе 1910 года туда выезжает Ван Цзин-вэй со взрывчаткой. В Пекине террористы решают совершить покушение на фактического главу государства, отца малолетнего императора — принца Чуна. Ничего не скажешь: замысел «громкий». Это была авантюра, и она, конечно, провалилась. Полиции удалось арестовать Ван Цзин-вэя и его помощника.

Хуан Син, узнав из газет о провале покушения в Пекине, выехал из Японии в Малайю, чтобы посоветоваться с Сунь Вэнем о дальнейших действиях. Сунь Вэнь осуждал поведение Вана и откровенно сказал об этом Хуан Сину.

— Ван, — заявил Сунь Вэнь, — плохой революционер, позер и сумасброд. В самый ответственный момент борьбы он пускается в авантюры, и теперь нам придется его спасать из тюрьмы. Разве это к лицу серьезному революционному деятелю!

Между Сунь Вэнем и Хуан Сином состоялся длительный разговор о ближайших задачах боевой деятельности союза.

Сунь Вэнь дал Хуан Сину подробные инструкции о подготовке восстания в Кантоне, а также полномочия для руководства революционной деятельностью всех организаций союза на время своего отсутствия. Все члены Специального комитета получили указания беспрекословно выполнять приказы Хуан Сина. Потом Сунь Вэнь и Хуан Син отправились в Гонконг, где их ожидали члены союза: офицер маньчжурских войск, перешедший на сторону революции, Чжао Бо-

сянь, бывший младший офицер Ни Ин-дянь, Чжу Чжи-синь, Яо Юй-пин и Чэнь Цзюн-мин. По предложению Сунь Вэня создается Специальный комитет по делам Южного Китая, куда входят Хуан Син и остальные присутствующие. Задача комитета: подготовить восстание с целью захвата Кантонса; в случае успеха провозгласить там революционное правительство и превратить Гуандун в базу для освобождения всего Китая. Это была реальная задача: революционная пропаганда распространилась на всю страну, которая созрела для переворота, был необходим лишь сильный толчок в виде яркого успеха революционных сил, чтобы пламя революции охватило все провинции и привело к возмущению в войсках.

Из Гонконга Сунь Вэнь выехал для сбора средств в Европу и оттуда в США.

Какими силами располагал союз в Кантоне?

Был ударный отряд в сто человек, готовых идти на смерть, выполнить любое задание. Можно было рассчитывать на части «Новой армии» общей численностью до бригады (три тысячи человек), состоявшие из распропагандированных солдат под командой офицеров, членов союза или сочувствующих ему. Тайные общества обязались выставить к сроку, который будет им указан, отряд силой до десяти тысяч человек, вооруженных огнестрельным оружием. Восстание планировалось на конец февраля 1910 года. Сигналом послужит восстание одного из полков (1-го) «Новой армии», расположенного в Шахэ, около Кантонса. Полк поведет уполномоченный комитета Ни Ин-дянь которому в помощь выделяется бывший командир полка Чжао Бо-сянь. Ни Ин-дянь полагал, что сумеет повести за собой не менее двух тысяч вооруженных солдат.

Но события развернулись не так, как было намечено. 9 февраля произошло столкновение между солдатами готового к восстанию 1-го полка и кантонской полицией. Поведение солдат возбудило подозрения у властей. По решению Специального комитета начало восстания перенесли на более ранний срок — 15 февраля. Но когда Ни Ин-дянь утром 12 февраля

вернулся из Гонконга, он узнал, что 1-й полк самовольно восстал. Пришлось дать команду и двинуть полк в Кантон. К несчастью, в первой же перестрелке с охранными войсками Ни Ин-дянь погиб. Другого командира у восставших не оказалось. А комитет в Гонконге не знал, что восстание началось на три дня раньше срока, и тоже ничего не предпринял, чтобы заменить погибшего Ни Ин-дяня. Восстание окончилось полной неудачей. Солдаты забаррикадировались в казарме. Другие полки бригады были разоружены и заперты в казармах. Через два дня восставшие сдались.

Восстание могло увенчаться успехом. Подумать только: в первый раз удалось поднять целый полк! Если бы он ворвався в Кантон, прозвучал бы боевой сигнал для всех членов союза. Оружия у них было достаточно. И... полный провал! Поражение вызвало замешательство среди революционеров. Какой-то злой рок преследовал их!

Сунь Вэнь узнал о преждевременном выступлении солдат 1-го полка, о гибели Ни Ин-дяня и последующих событиях, находясь в США. В начале июня он выехал оттуда в Японию и 15 июня был в Йокогаме. Сюда приехал Хуан Син. Встретились они в гостинице. Обоих разыскивала японская полиция. Пришлось уезжать из Йокогамы, где Сунь Вэня выследили японские шпики. Сунь Вэнь покинул Йокогаму в конце июня и 11 июля прибыл в Сингапур, откуда выехал в Пенанг. Здесь он принял решение о созыве совещания для обсуждения вопроса о подготовке нового восстания в Кантоне. 13 ноября в Пенанг прибыл из Бирмы Хуан Син. В декабре приехали Ху Хань-минь, Чжао Бо-сянь и другие. Совещание открылось в январе 1911 года. Присутствовали руководители местных организаций союза в Малайе.

Доклад сделал Сунь Вэнь.

Подробный разбор причин неудавшегося восстания показал, что главная беда всех боевых выступлений союза — слабая организованность, плохая связь между боевыми отрядами и штабом, низкий уровень дисциплины. Солдаты 1-го полка нарушили

приказ, выступили раньше срока и сорвали восстание. Члены организации, работавшие среди этих солдат, сумели внушить им революционные идеи, а революционную дисциплину привить не смогли.

Сунь Вэнь высказался за проведение нового восстания в Кантоне, но при более тщательной подготовке его.

Были в это время и другие заботы у Сунь Вэня: болезнь матери. Она жила тут же, в Пенанге, где находилась его семья. Дети уже выросли — девочки превратились в девушек, сыну, Сунь Кэ (Сунь Фо), пошел девятнадцатый год. А мама, старенькая мама, не хотела жить вдали от своего Вэня. Вэнь — ее любимец. Уважаемый человек. Повсюду его знают. Достойный Сунь!

Какие бы заботы ни окружали Сунь Вэня, он всегда помнил о матери. Маленькая старенькая китаянка с загрубевшими от труда руками. В этот свой приезд в Пенанг он видел ее в последний раз. Она умерла незаметно, как жила. Тихо угасла.

Приехал А-мэй. Везти прах матери в родную деревню, туда, где покоятся все члены семьи Суней, взялся он. Сунь Вэню въезд в Китай был закрыт.

После совещания в Пенанге Сунь Вэнь выехал в США. Оттуда он пишет Хуан Сину, снова напоминая ему, что большинство предыдущих восстаний терпели неудачу из-за отсутствия прочной базы, запаса оружия, патронов и т. д.

Что имел в виду Сунь Вэнь, говоря о «базе»? Он имел в виду не территорию только, а общественную поддержку. Хуан Син полагал, что самое главное — военная подготовка, а все остальное приложится. Сунь Вэнь напоминал своему товарищу по партии, что восстание тогда можно считать обеспеченным, когда оно опирается на прочную основу — «базу» — сочувствие народа. И на военную сторону дела тоже

обращает внимание: заготовить в достаточном количестве оружие и боеприпасы, чтобы в бою сражающиеся силы революции не испытывали нехватки боевых средств.

Хуан Син согласен с ним и советует использовать в качестве базы полуостров Гуанчжоувань в южной части Гуандуна, «арендованый» Францией. В этом письме Хуан высказывает такое мнение, что наилучшей силой для свержения маньчжурского режима является его собственная армия. Целесообразнее всего готовить новое восстание в Кантоне, потому что, несмотря на неудачу выступления в феврале, революционная организация в войсках кантонского гарнизона далеко не разбита. Среди солдат много сторонников революции. Имеются революционные группы и в других гарнизонах — в Цзянсу, в Чжэцзяне, в Цзянси, Хубэе, в Хунани, сильнее всего распропагандированы солдаты в частях, расположенных в Юньнани: они в любое время готовы вступить в борьбу. И если революция начнется в какой-нибудь провинции, ее, несомненно, поддержат остальные, революция распространится — «как крик ворона отдается в горах». Эта оценка революционной ситуации в Китае во многом отвечает действительности и тем не менее для нее типично отсутствие какого бы то ни было упоминания о народных массах и их роли в революции. Все расчеты Хуана Сина построены исключительно на революционных настроениях в войсках. Таков уж Хуан Син, ничего не поделаешь!

Прежде чем приступить к подготовке нового восстания в Кантоне, члены Специального комитета по делам Южного Китая, фактически выполнявшего в это время функции Общекитайского центра союза, объездили китайские колонии в странах Юго-Восточной Азии: в Бирме, Малайе, Индокитае, Сиаме, Голландской Индии и собрали значительную сумму — 110 210 долларов. Из США и Канады поступило 77 тысяч долларов. Можно было начинать! Оружие и боеприпасы Хуан Син закупил в Индокитае и

в Японии. Боевой груз доставлялся в ящиках под видом медикаментов в адреса некоторых фармацевтических фирм в Кантоне. Часть оружия отправили в Гонконг.

18 января 1911 года Хуан Син прибыл в Гонконг. Штаб, назначенный Специальным комитетом, расположился в доме № 35 по улице Хэппи Уолли (Счастливая долина). Штаб состоял из самого Хуан Сина, командующего всеми силами повстанцев, его помощника — Чжао Бо-сяня, заведующего секретариатом Ху Хань-миня и Чэнь Цзюн-мина.

План восстания предусматривал одновременное нападение на дворец наместника провинций Гуандун и Гуанси, штаб кантонской эскадры флота, арсенал и полицейское управление силами десяти боевых групп «отчаянных», вооруженных бомбами и пистолетами. Общая численность всех десяти групп — восемьсот бойцов. Кроме того, Чжао Бо-сянь установил связь с находившейся вне Кантона бригадой «Новой армии», сочувствовавшей революции. Командиры заверили Хуан Сина в поддержке. Были организованы отряды «Народной армии» — повстанцев в сельских районах вокруг Кантона. Командирами этих отрядов штаб назначил Яо Юй-пина, Ху И-шэна (брата Ху Хань-мина) и Чэнь Цзюн-мина, которые по сигналу должны были атаковать городские ворота, захватить их и пропустить в город полки «Новой армии» и вместе с ними поддержать отряды «отчаянных», которые в это время вели бы бой в городе.

Восстание было назначено на 13 апреля 1911 года. Боевые отряды начали понемногу стягиваться к Кантону. Тут опять случилось непредвиденное: 8 апреля боевик, прибывший из Малайи, Вэнь Шэнь-цэй, нарушив приказ о строгой конспирации, напал среди бела дня на улице в Кантоне на начальника гарнизона генерала Фу Ци и выстрелом из пистолета уложил его на месте. Вэнь Шэнь-цэй тут же схвачен и казнен. Власти настороживаются. В Кантон из других мест срочно вызывают два резервных батальона. Наместнику, видимо, стало что-то известно о предстоящем

восстаний. Но он не знал главного: на какой день назначено выступление, поэтому маньчжуров все еще можно застигнуть врасплох.

Сунь Вэнь находится в Нью-Йорке, куда он прибыл 17 февраля 1911 года. С нетерпением ждет сообщений из Кантона. С Хуан Сином его связывает специальный шифр. Сообщения из Гонконга пока не вызывают у него тревоги. Все идет хорошо. И у него тоже все хорошо. Сбор неплохой. Он полон оптимизма. Друзья напоминают ему о необходимости соблюдать осторожность: агенты Цинов наверняка следят за ним. Он посмеивается.

— Несколько лет назад, — говорит Сунь Вэнь, — моя смерть причинила бы ущерб нашему делу. Тогда нас было мало. Каждый был на учете. Теперь нас много, теперь мы — движение. Моя жизнь теперь мало значит. Наша организация действует отлично. Многие смогут занять мое место...

Он все тот же, скромный уроженец маленькой деревушки Цуйхэн в окрестностях Кантона. И он помнит завет Хун Сю-цюаня, о котором поведал ему дядя — тайпинский солдат: «Будь скромным...»

Он все тот же смелый юноша, говоривший своим первым боевым друзьям шестнадцать лет назад в душный августовский день в Кантоне, что революционер не принадлежит себе, что жизнь свою он отдал революции, которая вправе распорядиться ею, как считает целесообразней.

И еще он думает о том, какая это великая сила — революционные идеи, когда они выражают стремления масс. Сколько было их вначале? Троє. Сколько их теперь? Тысячи тысяч! У маньчжуров все: войско, деньги, шпионы, палачи, связи с иностранными державами. У революционеров ничего этого нет. Но революционеров им не истребить. И маньчжуры погибнут со всем своим войском, со своими шпионами и палачами, их не спасут ни деньги, ни иностранцы. Потому что народ против них.

Теперь надо ждать вестей из Кантона.

...А в Кантоне не все в порядке. Хуан Син прибывает туда нелегально поздно вечером 23 апреля ночным пароходом из Гонконга. И сразу узнает, что в связи с убийством генерала Фу Ци арестовано несколько человек и при обыске у них найдено оружие. Власти уже начеку. Наместник донес обо всем случившемся в столицу.

Проверка готовности боевых групп и других боевых сил, которые должны принять участие в восстании, показала Хуан Сину, что далеко не все они подготовлены и знают, что должны делать. Некоторые советуют отложить восстание. По мнению Хуан Сина, это невозможно, ибо власти намерены распустить по домам солдат «Новой армии». Спешить тоже нельзя. Решает назначить бой на 26 апреля. Но выясняется, что не все оружие, закупленное в Японии и Индокитае, прибыло на место. Переносит выступление еще на день — на 27 апреля. В Гонконг летит телеграмма: «В городе эпидемия, пока не отправляйте детей». Это значит, что отряд боевиков из Гонконга (триста человек, хорошо вооруженных) надо задержать там до нового приказа.

В Кантоне заметно усиление подготовки властей к борьбе. На улицах патрули, кое-где сооружаются заграждения. Но настроение солдат вновь прибывших резервных батальонов революционное — так сообщают агитаторы, посланные туда. Все же Хуан Сину ясно, что и на этот раз кантонские отряды подготовлены неважно. Три отряда, сформированные из крестьян окрестных деревень, не готовы к выступлению. Ху И-шэн, отвечающий за связь с солдатами «Новой армии», фактически ничего не сделал, более того, он расхвастался, и из его болтовни власти поняли, что восстание разразится в самые ближайшие дни. Чэнь Цзюн-мин, который должен был привести отряд крестьян из-под Вэйчжоу, пропал, и его не могут найти, в результате отряд опоздал безнадежно. нарушил сроки движения к Кантону и отряд Яо Юй-пина.

26 апреля положение стало критическим. Начались повальные обыски по всему городу. Власти явно хотели упредить революционеров. Хуан Син решил, что

больше ждать нельзя: надо действовать. Но в штабе начались споры. Ху И-шэн предложил вообще отложить восстание. Его поддержали представители отрядов, которыми командовали Чжао Бо-сянь и Чэнь Цзюн-мин. Яо Юй-пин возражал. Потом и он стал колебаться: не лучше ли отложить?

Хуан Син решил атаковать, даже не дождавшись, пока все отряды соберутся. Риск? Но восстание вообще связано с риском. Ждать — еще больший риск.

В Гонконг летит новая телеграмма: «Маме лучше, шлите немедленно все прописанные медикаменты». Смысл: всем боевикам немедленно выехать в Кантон, бой — 27 апреля.

Увы, телеграмма пришла в Гонконг в 10 часов вечера, уже после того, как ушел последний, ночной, пароход на Кантон. Утром тоже есть пароход, но не опасно ли отправлять среди бела дня триста вооруженных людей в город, фактически находящийся на военном положении? Ху Хань-минь колеблется. А время идет, ночь проходит, скоро утро. Что делать? Чжао Бо-сянь, командир этого отряда, резко заявляет, что поведет своих людей и что, если сам дьявол попытается задержать их на пристани в Кантоне, он пробьется огнем! Но Ху Хань-минь настаивает на отсрочке. Утром 27 апреля в Кантон выезжает работник штаба Дан Жоу-фын, чтобы объяснить Хуан Сину положение и просить отложить восстание. Ху Хань-минь и Чжао Бо-сянь решили выехать вместе с боевиками вечером 27 апреля.

Но было уже поздно менять план. В момент, когда Дан, потратив несколько часов на поиски, добрался, наконец, до конспиративной квартиры, где был штаб Хуан Сина, он понял, что опоздал. Было около 4 часов дня. Боевики с белыми нарукавными повязками собирались тут и строились в боевой порядок, вооруженные бомбами и пистолетами. Хуан Син сказал Дану, что через несколько минут поведет отряд на штурм резиденции наместника, все разговоры об отсрочках ни к чему, операция начинается. Еще три

отряда должны атаковать: один — арсенал Северные ворота, чтобы впустить в город войска, готовые действовать с революционерами заодно; другой — Южные ворота; третий — полицейское управление¹. Штаб Хуан Сина не имел точных данных об этих отрядах, и, как потом оказалось, они действовали очень нерешительно и свои боевые задания не выполнили. В 4 часа 30 минут Хуан Син подал команду, и его отряд выступил.

Геройски провел свою операцию этот отряд — сто тридцать «отчаянных». Несколько залпами из пистолетов и градом динамитных патронов они разогнали охрану резиденции наместника и ворвались в здание. Наместник и его чиновники в панике бежали. Боевики закрепились в здании и вступили в бой с вызванными войсками — две тысячи солдат, целая бригада! Беспримерный бой продолжался пять часов — до тех пор, пока не иссякли боеприпасы. Бойцы понимали, что их отряд сражается в одиночку, что другие отряды либо потерпели поражение, либо не выступили вовсе. Все равно решили сражаться до последнего патрона. Когда боеприпасы вышли все, боевики подожгли здание. Только поздно вечером, когда затих огонь, войска смогли овладеть развалинами. В этом бою смертью героев пали сорок три революционера. Двадцать девять раненых боевиков попали в плен. Пятьдесят восемь бойцов смогли отступить, воспользовавшись темнотой. Хуан Син ушел вместе с ними.

Оправившись от страха, наместник приказал казнить всех, кто был взят в плен с оружием в руках. Ослабевшие от потери крови, измученные боем, солдаты революции встретили смерть так же смело, как бились против целой бригады правительственные войск. Они кричали своим палачам: «Долой маньчжурских грабителей! Да здравствует Китайская республика!»

Хуан Сину, раненному в руку, удалось спастись

¹ Первым отрядом командовал Яо Юй-пин, третьим — Чжао Во-сянь (отряд должен прибыть из Гонконга).

и укрыться на одной из конспиративных квартир в окрестностях Кантона.

А утром 28 апреля из Гонконга прибыли Ху Ханьминь и Чжао Бо-сянь с хорошо вооруженным отрядом из трехсот боевиков. Они нашли все городские ворота на запоре и под усиленной охраной. Из разговоров с окрестными жителями узнали о восстании и его неудаче. Отряд возвратился в Гонконг, куда через несколько дней, 30 апреля, добрался и Хуан Син. Ему пришлось лечь в больницу. Рана была серьезная.

Сунь Вэнь скоро узнал о геройском подвиге и о гибели «семидесяти двух». Он чувствовал горечь и боль. Павшие товарищи были ему близки и дороги. В каждом из них была частица незабвенного Лу Хаодуна, кусочек его, Суня, собственного сердца. Но он чувствовал также, что китайский народ может гордиться своими храбрецами революционерами. Схватил лист бумаги и покрыл его иероглифами:

«Убежденные в правоте своего дела, революционные бойцы действовали независимо от возможного исхода восстания, готовые умереть. И они пали, убежденные в том, что поступают правильно. Великая идея самоотверженности революционеров стала достоянием всей нации. Их подвиг — потрясающее событие нашего времени. Восстание воодушевило народ и потрясло маньчжурский двор. И память о нем будет жить вечно. Оно зовет к новым боям! Вперед!»

Сунь Вэнь отправил этот текст товарищам. И вскоре он появился в форме листовки — заявления руководства союза по поводу кантонского восстания.

В восстании приняли участие китайцы — уроженцы многих районов страны. Павшие в бою (их было, собственно, не 72, а 85) — выходцы из шести провинций, среди них 9 студентов, учившихся в Японии и там вступивших в ряды союза, 1 студент, учившийся в Китае, 4 учителя, 1 журналист, 13 военных, 14 крестьян, 3 рабочих. 40 из них прибыли из стран Юго-Восточной Азии (1 журналист, 1 учитель, 13 рабочих, 16 торговцев). Профессия 9 боевиков осталась невыясненной). Были среди них люди разных возрастов, но ни один не был старше 30 лет. Их прах принял кан-

тонская земля — «Священная земля китайской нации», как сказал Сунь Вэнь.

Кантонское восстание 1911 года имело огромное значение. На сей раз восстание разразилось не в каком-нибудь захолустье, не в каком-нибудь небольшом городке или в деревушке, а в одной из важнейших провинциальных столиц, — разразилось открыто, перед всем Китаем, перед всем миром. Ничто не могло остановить героев революции: ни численное превосходство врага, ни малочисленность собственного отряда. Это было в 29-й день 3-й луны, или 27 апреля по западному календарю.

Рядом с Хуан Сином сражался его старший сын Хуан Жи-оу.

Маньчжуры устояли. Но их победа была призрачной. Кантонское восстание прозвучало как могучий гром революционного набата. И ответ не замедлил последовать в виде шторма на берегах Янцзы.

3. Революция торжествует победу!

Сунь Вэнь еще в Америке. Его имя здесь широко известно. К нему обращаются с просьбой изложить свои взгляды на проблемы, стоящие перед Китаем. Дирекция университета в Денвере, штат Колорадо, пригласила его прочитать студентам цикл лекций о Китае. Сунь Вэнь принял это предложение. Почему не использовать университетскую кафедру для пропаганды революции?

Он тщательно продумал события истекших шестнадцати лет. Какую тяжелую борьбу приходится вести ему, всем его друзьям, всему народу. Сколько прекрасных жизней потеряно за это время! Сколько святой крови пролито! Сколько ударов перенесла революционная партия! Неудавшееся апрельское восстание в Кантоне — десятое поражение за шестнадцать лет. Он и не думает отрицать, что это и его поражения.

Настоящий революционер не опустит руки и не утратит бодрости, если на его пути вырастают трудные преграды. Он не поддастся чувству малодушия,

не испугается, не отступит перед кажущимся могуществом врага, временно взявшего верх. Придет день расплаты. Готовить приход этого дня — вот о чем обязан думать революционер!

Восстание в Кантоне, несмотря на его неудачный исход, не только не уменьшило, а увеличило и упрочило престиж революционной партии и славу революции. Ее влияние теперь сильнее, чем когда бы то ни было раньше в Китае и за его пределами. Сведения, которые поступают из страны, говорят о том, что число членов союза и его средства увеличиваются с необыкновенной быстротой. В союзе теперь десятки тысяч членов. Немало таких городов, где почти весь гарнизон — солдаты главным образом и значительная часть офицеров — связан с союзом, входит в его организации, носящие иногда другие наименования.

И что еще очень важно: выросли революционные кадры, руководители, агитаторы и организаторы, боевики, люди с решительным характером и смелой волей, без которых революцию не сделать, люди с острым чутьем, умеющие ориентироваться в сложной обстановке нарастания революционного кризиса.

А события в Китае нарастают, хотя еще трудно сказать, когда они примут крутой оборот. Во всяком случае, Кантон на время перестанет быть главным полем битвы. Свою роль он сыграл славно, пример он подал; гром кантонской битвы — февральской 1910 года и особенно апрельской 1911 года — еще и сейчас не замер, его отголоски слышны то тут, то там.

...Так думает он, собираясь с мыслями, перед поездкой в Денвер, к студентам местного университета. Он еще побудет немного в Америке, а потом — туда, куда-нибудь поближе к родной стране, хотя его теперь почти никуда не пускают. Нет для него пристанища во всей громадной Азии.

А тем временем друзья его по революционному делу энергично ведут незаметную, но важную работу.

Сунь Вэнь, будучи в Нью-Йорке, получил известие о том, что в июле 1911 года в Шанхае организовано

Бюро правления союза для Центрального Китая. Фактически правление не давало санкцию на организацию такого бюро. Сунь Вэнь понимал, что таким образом как бы оформляется параллельный центр, в котором будет преобладать влияние шанхайских групп, если правду сказать — более правых, чем кантонское крыло. Но дело было сделано и перерешать пока было нельзя.

Действительным центром активной революционной работы в это время был не Шанхай, а Учан, столица провинции Хубэй. Учан — типичный старинный китайский город, окруженный массивными крепостными стенами. Учан и расположенные по соседству города Ханьян и Ханькоу составляют трехградье Ухань. От Ханькоу и Ханьяна Учан отделен рекой Янцзы, приток которой отделяет друг от друга Ханьян и Ханькоу. Это очень своеобразный уголок Китая. Ханькоу — большой город и важный порт на Янцзы, здесь расположены иностранные концессии, различные промышленные предприятия, главным образом иностранные, здесь же находится один из крупных центров китайской чайной торговли. Ханькоу — важный железнодорожный узел: отсюда дорога идет в Пекин. Ханьян — город заводов. Здесь большой арсенал, один из лучших в Китае Ханьепинские металлургические заводы. В Ханькоу и Ханьяне много рабочих. Учан же торговый город и город чиновников. В его стенах находится резиденция наместника Лянху (провинции Хубэй, Хунань), которому подчинены значительные вооруженные силы.

Учан притягивал к себе революционные организации по очень простой причине: в окрестностях города расположены революционно настроенные части гарнизона, в том числе 8-й саперный батальон, 8-й артиллерийский полк, другие части 8-й полевой дивизии и арсенал. А это винтовки, патроны, снаряды, столь необходимые революционерам.

В самом городе стояли охранные части, отряд знаменных маньчжурских войск, полиция и жандармы.

В Учане развертывали свою деятельность две главные революционные организации, которыми руководил Объединенный союз: Союз всеобщего прогресса и Литературное общество. Образовались они путем постепенного слияния многих более мелких революционных групп, шесть из которых имели значительное число членов.

Литературное общество возглавлял член союза, двадцатидвухлетний Цзян И-у, поступивший по заданию организации в армию в Хубэй.

Союз всеобщего прогресса возник в 1907 году еще в Токио и с самого начала своего существования был связан с Объединенным союзом. Члены его — студенты из Хунани, Сычуани, Хубэя, но действовали главным образом в провинции Хубэй. Его руководители — офицер, член Объединенного союза, Сунь У, Цзяо Да-фын (хунанец), тоже член Объединенного союза, и Цюй Чжэн.

Обе организации — Союз всеобщего прогресса и Литературное общество — поддерживали постоянную связь с центральным руководством Объединенного союза, находившимся тогда в Гонконге, откуда получались указания, а иногда и деньги. В частности, в феврале 1911 года в Ханькоу прибыл курьер из Гонконга Дан Жоу-фын, объезжавший провинции Хунань и Хубэй, и привез деньги на оплату конспиративной квартиры Союза всеобщего прогресса на французской концессии, а затем на территории русской концессии в Ханькоу, где была устроена мастерская по снаряжению бомб. Сюда перенесли взрывчатку — пятьдесят килограммов динамита.

Дан Жоу-фын встретился с руководителями обеих организаций. От них он узнал, что хубэйские революционные союзы готовы выступить. Они отлично понимали значение района Янцзы. От них же Дан Жоу-фын получил сведения о предстоящем создании Бюро правления союза в Шанхае. Он сам поддерживал проект создания такого бюро и, когда оно возникло, вошел в его состав вместе с Сун Цзяо-жэнем, Чэнь Ци-меем, Цюй Чжэном и Цзяо Да-фыном (из Хунани).

Хуан Син прислал членам нового Бюро письмо-наставление, где особенно энергично говорилось о необходимости железной дисциплины в революционной организации. Это были мысли Сунь Вэня. В этом письме, помеченном 6 октября 1911 года (за четыре дня до восстания в Учане!), Хуан Син, обращаясь к руководителям Бюро, писал, что одна из причин неудачи апрельского восстания в Кантоне состояла в чрезмерной демократичности руководства, что привело к неорганизованности и путанице. «При подготовке революционного выступления, — говорилось в письме, — необходима диктатура руководства, ибо как только позволено звучать голосу противоречия, революция обречена на неудачу. Если решение принято — оно должно быть выполнено безоговорочно!»

Обе основные революционные организации в Хубэе отличались друг от друга по своему составу. Литературное общество было численно сильнее, его члены были практически во всех частях «Новой армии» в Хубэе. Союз всеобщего прогресса состоял главным образом из представителей интеллигенции. Настало время для объединения сил обеих организаций. Первое совместное совещание их представителей, созванное для обсуждения условий объединения, состоялось 11 мая 1911 года и закончилось безрезультатно: представители Союза всеобщего прогресса настаивали, чтобы руководство всеми революционными организациями перешло к ним. Второе совещание было проведено 1 июня, но тоже безрезультатно. Только 14 сентября договорились, что председатель Литературного общества Цзян И-у назначается главнокомандующим всех революционных сил Хубэя, а представитель Союза всеобщего прогресса Сунь У — начальником штаба. После этого 16 сентября Цюй Чжэн (из того же союза) выехал в Шанхай для доклада Бюро по делам Центрального Китая и чтобы попросить Хуан Сина, Сун Цзяо-жэня и Дан Жоу-фына прибыть в Хубэй для руководства восстанием.

После его отъезда, 24 сентября, состоялось новое совместное совещание представителей обеих организаций для установления дня восстания. Назывались разные даты: 6 октября, 9-е, даже 11-е, с таким расчетом, чтобы революционеры в соседней провинции Хунань также успели подготовить восстание. Так ничего толком не решили.

А тем временем 25 сентября Цюй Чжэн добрался до Шанхая, прибыл на явочную квартиру Бюро и рассказал, как обстоит дело. Немедленно был снаряжен курьер в Гонконг, к Хуан Сину, заменившему Сунь Вэня. Звали этого курьера Люй Чжи, был он родом из провинции Юньнань, храбрый малый и надежный. 29 сентября он был уже в Гонконге. Он привез письма от Бюро и от друзей из Хунани к Хуан Сину.

Хуан Син еще не оправился после кантонского восстания, настроение его оставалось подавленным, носился с идеей организации убийства какого-нибудь крупного маньчжурского сановника, чтобы «отомстить за павших товарищей». Приходилось соблюдать осторожность. В Гонконге полно шпионов из Кантона. Люй Чжи прождал в Гонконге до 2 октября. Наконец Хуан Син решил его принять и выслушать. Люй передал письма. Странно, но на Хуан Сина они не произвели большого впечатления: он не придал значения тому, что сообщалось ему о подготовке восстания в Хубэе и в Хунани. Не мог представить себе, какой размах уже приняла подготовка и какими силами там располагают революционные организации. Только выслушав рассказ Люя, он понял, что предстоит что-то большое. Отбросил планы покушения на маньчжура. Зачем покушение на одного маньчжура, когда настало время свернуть им всем шею! Люя отправил обратно, обещав выехать вслед. И тотчас же приступил к шифровке донесения Сунь Вэню.

За несколько дней до восстания Сунь Вэнь получил от Хуан Сина шифрованную телеграмму из Гонконга. Читал, перечитывал, но смысла понять не мог. Книгу шифров, всегда бывшую при нем, Сунь Вэнь отправил со своим багажом в Денвер, куда как раз

выезжал сам. Только прибыв туда через два дня, расшифровал телеграмму. Текст ее гласил: «Представитель Цюй Чжэна прибыл в Гонконг из Учана (был принят 2 октября), сообщает, что сторонники в «Новой армии» решили выступить. Пожалуйста, тотчас же шлите деньги».

Деньги? Откуда у него деньги? Все, что удалось собрать, уже давно отослано, взять взаймы не у кого. И в самом ли деле все обстоит так, как говорится в телеграмме? Не посоветовать ли сугубую осторожность, еще и еще раз проверить, как с подготовкой? Хуан Син — храбрый человек, но чересчур увлекающийся. Сунь Вэнь решил подождать до утра. Было это в ночь с 10 на 11 октября 1911 года.

11 октября он поднялся поздно, в 11 часов утра. Вышел на улицу. Купил газету, развернул, и сразу бросилось в глаза потрясающее: «Учан — столица Хубэя, на Янцзы, в руках революционеров». Сердце бешено заколотилось. Прислонился к стене. Восемь слов, всего восемь, но в них начало нового века. Учан! Он был там в конце прошлого столетия, помнит — старый город, окруженный высокими толстыми замшелыми стенами, олицетворение тысячелетнего могущества императоров и китайской неподвижности, вот этот город в руках революции, там его товарищи.

Прохожие бросают на него удивленные взгляды. Чем так взволнован степенный с виду восточный джентльмен, что с ним?..

Сунь Вэнь на скорую руку завтракает и возвращается в гостиницу. Сейчас же отправляет Хуан Сину телеграмму: приветствует революционных героев. Революцию, пишет он, необходимо довести до конца. Добивать маньчжуров! Завоеванное оружие из рук ни в коем случае не выпускать!

Ехать! Немедленно ехать! Он вытряхивает все из карманов. Пожалуй, наберется на билет до Нью-Йорка самым дешевым, значит, самым медленным поездом. А путь предстоит ему немалый — более двух тысяч семисот километров. В тот же день Сунь Вэнь пустился в дорогу на Восток. В Сент-Луисе, на вокзале, купил свежие газеты. Замечательные но-

вости! Учен прочно в руках революционеров. Восстание полностью победило. Маньчжуры в панике. В Шанхае, Кантоне, Чанша волнения. Весь Китай в движении. Душно в вагоне. Он читает и перечитывает сообщения, от которых кипит кровь в жилах. Поезд еле тащится.

Но вот, наконец, и Нью-Йорк. Куда ехать отсюда? Деньги он тут соберет у друзей китайцев. Объехать европейские столицы и выступить там от имени вставшей на ноги молодой республики? Слухи об интервенции уже заполняют нью-йоркские газеты. Маньчжуры ищут займов в европейских странах. Он поедет в Англию. Потом будет видно, что делать. Но раньше всего — в Англию. Если Англия не поддержит маньчжуротов, то и Япония не поддержит. Другие тоже не станут рисковать.

Уже несколько раз какой-то китаец приходил в эти дни в дом профессора Джеймса Кентли в Лондоне и спрашивал доктора Сунь Ят-сена. Китаец этот твердил, что доктор Сунь должен быть у них и у него для доктора Суня важное сообщение из Кантона. Госпожа Кентли скопировала текст телеграммы. И представить себе только, что через два часа после ухода китайца кто-то опять постучал молоточком в дверь, и, когда госпожа Кентли отперла, на этот раз в дверях стоял улыбающийся доктор Сунь собственной персоной. Точно с неба свалился!

Телеграмма прочитана. Его зовут домой. Милая его сердцу, дорогая родина ждет его, он там нужен, революция призывает своего вождя! Он решает еще немного задержаться. Он встречается с английскими министрами. Для них доктор Сунь частное лицо. Но у него мандат от народа, взявшего судьбу в собственные руки. Ему на словах обещают, что денег маньчжурям не дадут. Такое словесное обещание дано и в Париже. Английские власти снимают запрет на въезд Сунь Вэня в их владения на Дальнем Востоке. После этого он выезжает в Китай по маршруту: Лондон — Пенанг — Гонконг.

А мы вернемся немного назад.

В Хубэе события развивались быстро. Власти все-таки пронюхали о чем-то. Тревога их еще усилилась, когда в Сычуани вспыхнуло восстание и пришлось отправить туда часть войск из ученского гарнизона. И в самом Учане не переставали циркулировать слухи о предстоящем восстании.

В революционных кругах ждут возвращения Цюй Чжэна из Шанхая и прибытия Хуан Сина. 9 октября в Учан вернулся из кратковременной отлучки руководитель Литературного общества Цзян И-у. Ему сообщают, что Цюй Чжэн все еще в Шанхае и что Хуан Син советует отложить восстание до конца октября с тем, чтобы другие провинции также успели подготовиться. Цзян И-у созвал совещание объединенного штаба по подготовке восстания в Учане и высказался за то, чтобы отложить выступление до 16 октября, а пока усилить работу в воинских частях, особенно в артиллерийском полку, пушки которого дадут сигнал к восстанию.

Но тут вмешивается «его величество случай».

Еще с февраля Союз всеобщего прогресса снял дом на территории русской концессии в Ханькоу и устроил там одну из своих конспиративных квартир. На этой квартире хранились различные секретные материалы, списки членов, планы Учана и набросок боевого расписания — атаки ворот Учана ударными группами восставших, революционные флаги, наручевые повязки, оружие и, главное, динамит и готовые бомбы. Снаряжением бомб занимался один из руководителей союза, Сунь У, военный по профессии, член Объединенного союза.

9 октября во второй половине дня на этой конспиративной квартире раздался сильный взрыв. Сунь У, снаряжавший бомбу, был тяжело ранен. Товарищи успели вынести его и спрятать в надежном месте, где ему была оказана медицинская помощь. Но нагрянула полиция концессии и задержала четверых «подозрительных» — трех мужчин и одну женщину. Сообщили китайским властям в Учан. Оттуда прибыли маньчжурские жандармы, и начался «розыск». На-

местник приказал запереть все городские ворота Учана, произвести массовые обыски и аресты среди «неблагонадежных». Объединенный штаб революционных организаций собрался в 5 часов вечера 9 октября и принял решение начать выступление в ночь на 10 октября. Передать этот приказ по воинским частям и по боевым группам, однако, не успели. Той же ночью полиция напала на след некоторых явочных квартир революционеров, захватила тридцать два человека, оружие, боеприпасы и взрывчатку. Едва не попал в руки полиции главком Цзян И-у, но сумел скрыться.

Рано утром 10 октября палачи обезглавили перед зданием резиденции наместника Жуй Чэна трех арестованных накануне революционеров — членов штаба по подготовке восстания: Лю Яо-чэня, Пень Чу-фая и Ян Хун-шэна. Снова пролилась святая кровь. То была первая кровь, пролитая в Учане в тот памятный день. Трои героев пали. Они умерли как подобает революционерам: с достоинством, смело, гордо встретили смерть.

Но дни маньчжуротов в том городе были сочтены.

В распоряжении революционного штаба было пять батальонов, в общей сложности две тысячи бойцов. Приказ о выступлении был ими, наконец, получен. Кто поведет солдат?

Главком Цзян И-у не показывался, его не было в городе. Начальник штаба Сунь У ранен. Но командир нашелся. Революция — мастер импровизации.

В 9 часов вечера 10 октября командир отделения одной из рот 8-го саперного батальона Сюн Бин-кунь, член революционной организации «Литературное общество», вбежал в ротное помещение и крикнул: «Товарищи, разбирай винтовки, пошли бить маньчжуротов!» Несколько офицеров пытались задержать солдат, их избили и связали. Выбежали во двор, стали подбегать солдаты других рот. Вооруженные солдаты кинулись к казарме маньчжурской знаменной роты, разоружили этих жандармов, захватили арсенал. Кругом шла беспорядочная стрельба. Из других ка-

зарм высипали еще солдаты. Это были бойцы 15-го стрелкового батальона. В течение неполного часа солдаты и младшие офицеры овладели военным городком 8-й дивизии. Кто-то крикнул: «А теперь на штурм Учана!» Все ринулись к городским воротам, разбили их артиллерией и ворвались в город. Солдаты, стреляя на ходу, бросились к резиденции Жуй Чэна. Дом был пуст! Наместник бежал, как только услышал выстрелы у ворот. Бежал и начальник гарнизона, командир 8-й дивизии генерал Чжан Бяо. Бежали в панике через пролом в стене. Они знали: пощады от революционных солдат им не будет.

К утру 11 октября Учан и окрестности были в руках восставших. Наместник и его прихвостни, не задерживаясь нигде, бежали до Шанхая.

Восставшие солдаты освободили из тюрем всех арестованных революционеров. Облик Учана изменился до неузнаваемости. Исчезли серые мундиры. Революционные войска сбросили их с себя. Солдаты и офицеры революционной армии оделись в черное, у каждого — белый нарукавный знак. Исчезли императорские эмблемы. Никто еще не сказал — республика, но она уже у всех на устах.

Но нужна власть. Кого поставить во главе нового управления? 11 октября в городе еще не видно ни одного известного революционного деятеля. В силу вступает китайская традиция — власть должна возглавить какая-нибудь «уважаемая личность». Кого знают солдаты? Знают какого-то «приличного» полковника Ли Юань-хуна, командира 21-й сводной бригады. К нему отправляется группа революционеров, чтобы предложить ему пост военного губернатора Хубэя и Учана. Ли наотрез отказывается. Бежит домой, прячется под кровать своей жены. Его извлекают из этого убежища и под угрозой смерти вынуждают согласиться. Эта ошибка, совершенная революционерами, влечет за собой другую: гражданским губернатором назначается Тан Хуа-лун, либерал, быстро перекрасившийся в революционера. Так поступили многие в те дни. Те, кто совершил рево-

люцию, оказываются вольными или невольными орудиями в руках далеких от революции людей. Сказывается беззаботное отношение революционных руководителей к главному вопросу — к вопросу о власти. И сказывается отсутствие Сунь Вэня.

В первый момент Ли Юань-хун был сильно напуган и без сопротивления подписал указ, объявлявший Цинскую династию низложенной.

12 октября революционные войска перешли Янцзы и заняли Ханьян и Ханькоу. В революционную армию хлынули рабочие — металлисты Ханьяна, железнодорожники, кули, рабочие предприятий, речники Ханькоу. Командование революционной армии объявило о наборе добровольцев. Со всего Юга начали стекаться в Учан тысячи крестьян. Возникла новая армия из народных ополченцев, быстро организованная, плохо обученная, но горевшая желанием сражаться с врагом, которому только что нанесен сильный удар, но который еще не повергнут в прах. Рабочие ханьянских заводов работают день и ночь, выпуская оружие и боеприпасы для революционных войск.

Но власть не попала в руки революционеров. Главком Цзян И-у вернулся в Учан только 12 октября. Вместе с ним вернулся член объединенного штаба Лю Гун. Поздно! Их уже не считают властью. Полковник Ли Юань-хун вежлив, но власть из рук выпускать не собирается.

Иностранные консулы в Ханькоу пока соблюдают нейтралитет. Но иностранные военные корабли дымят у набережных на Янцзы, на концессиях — бастионы, отделяющие их от китайской части города, всюду пушки, пулеметы, патрули, отряды моряков и солдат.

В китайской части Ханькоу порядок и спокойствие. Маньчжуры исчезли — точно их ветром сдуло! Революционная армия охраняет покой населения.

Но враг не дремлет. Его воинские эшелоны начинают вытягиваться по железной дороге Пекин — Ханькоу. С Севера, к Янцзы, для «подавления мятежа» двинуты лучшие дивизии императорской армии

с сильной артиллерией. «Карательная экспедиция» официально объявлена 15 октября. В этот день отправлены первые эшелоны из Пекинского района. Императорскими войсками командует военный министр пекинского правительства Жи Чжан, назначенный главноначальствующим всех войск в Хубэе.

17 октября в окрестностях Ханькоу появляются первые разъезды контрреволюционных войск на низкорослых монгольских лошадях и поджигают несколько деревушек. Дым маскирует накапливающуюся вражескую пехоту. На следующий день революционные войска атакуют карателей вдоль железнодорожной линии в направлении станции «10-й километр», но, попав под огонь крейсеров и канонерских лодок эскадры адмирала Чжа, прибывшей из Шанхая для блокады Ухана, вынуждены отойти. Когда эскадра уходит, революционные войска занимают станцию и захватывают там несколько вагонов с боеприпасами.

Неделя прошла без боев. 27 октября маньчжуры возобновляют наступление. Они вводят в действие массу пехоты и сильную артиллерию. Революционные войска имеют только легкие пушки, главным образом горные, снарядов, правда, хватает, но слаба пехота. Бои носят крайне ожесточенный характер. Станция Дацзимын переходит из рук в руки, в конце концов ее захватывают северные войска, революционные части отходят к стенам города. Здесь три дня не прекращаются бои. Противник отброшен, но подтягивает свою артиллерию, включая тяжелые пушки Канэ и обрушивает тысячи снарядов на китайскую часть города. Ханькоу в огне! С треском валятся здания, целые улицы превращены в развалины. Большой цветущий город исчезает в дыму и пламени. Полмиллиона жителей без крова. И тогда озверелые банды маньчжурской солдатни 2 ноября врываются в город. Но борьба продолжается и среди развалин. Целый месяц идет битва в мертвом городе.

А в Учане полковник Ли Юань-хун держит войска в казармах с явной целью обескровить ополченские батальоны, несущие тяжелые потери. Он вежливо бедеет с представителями революционных организа-

ций, но стоит на своем: надо стремиться к «мирному разрешению» вопроса о новом строем. И либералы из гражданской администрации, конечно, на его стороне. И ни один революционер не решается предложить, чтобы вооруженные массы солдат и рабочих разогнали эту шайку самозванных начальников, явных контрреволюционеров.

А революция бурно разливается по стране. От Пекина отпадает одна провинция за другой. Спустя восемь дней после победы восстания в Учане власть Пекина признается лишь в Чжили, Шаньдуне, Хэнани, Шаньси, Шэньси и Маньчжурии. Остальные провинции объявляют себя независимыми, то есть не признают власти маньчжурского правительства.

4. Первый президент республики

Учанские революционеры, наконец, начинают понимать, что происходит что-то неладное. Ханькоу потерян, Ханьян в опасности, непрочно положение самого Учана. Они ждут одного человека — Хуан Сина, они зовут в Учан членов Бюро из Шанхая, особенно Сун Цзяо-жэня.

Но в Учан почти невозможно попасть. Большинство портов на Янцзы все еще под контролем старой власти. Пароходы обыскиваются. На иностранные суда китайцев не берут. «Нейтралитет»!

Хуан Син в Шанхае с 24 октября. Его сопровождает Суй Цзун-хань, женщина, спасшая ему жизнь в апреле, после боя в Кантоне: это она укрыла и выходила его. И теперь она едет с ним в Учан. Отважная женщина. Суй организует мифическую «санитарную группу» Красного Креста, и Хуан Син при ней, переодетый санитаром. Документы им изготовило Бюро. Выезжают 25 октября вместе с Сун Цзяо-жэнем и Лю Гуэй-и. В Ханькоу прибывают 28 октября, до захвата города северными войсками, и сразу же — в Учан. 29 октября Хуан Син назначается командующим революционными войсками, это значит, что ему придется получать приказы от вчерашнего слуги

маньчжуров, от этого Ли Юань-хуна. Странные зигзаги событий!

Приезд видных деятелей союза изменил атмосферу в Учане, Ханьяне, в армии и в массах. Ли Юаньхун и его окружение притихли.

Но бои идут жестокие, Хуан Син — в Ханькоу. Отстоять город уже невозможно. Потери революционных войск — свыше двух тысяч убитыми и ранеными. К утру 30 октября в рядах армии всего шесть тысяч человек. А у противника несколько дивизий с многочисленной артиллерией. 2 ноября Ханькоу пришлось оставить. Бои там ведут среди развалин группы партизан.

Хорошая новость: восстал Цзюцзян, важный порт на Янцзы к востоку от Учана. Еще важнее — восстал Шанхай! Вечером 2 ноября в Учан вступают две бригады свежих республиканских войск из Хунани.

В этот же день, вечером, собираются руководители организации Объединенного союза в Хубэе. Цюй Чжэн робко вносит предложение: на место Ли Юаньхуна назначить Хуан Сина, укрепить революционное правительство. Но на совещании сидит человек Ли Юаньхуна, офицер У Чжао-линь, он возражает. Запугивает собравшихся: офицеры-де «не поймут», не захотят служить под начальством Хуан Сина. Вопрос остается открытым.

Начинается борьба за Ханьян. Ли и его клика в панике. Они готовы бежать. Маньчжуры засылают своих людей к Ли. Тот трусит и не говорит ни да, ни нет. Боится, как бы его не пристукнули за измену. Но и революции не хочет служить. Боится Хуан Сина. Боится Юань Ши-кай.

А при чем тут Юань Ши-кай? При том, что он опять на коне и главное лицо в Пекине.

После того как его в 1909 году прогнали по требованию регента принца Чуна, опальный слуга Цинов жил в полном забвении в своем поместье в провинции Хэнань. Через пять дней после восстания в Учане о нем вспомнили и назначили на высокий пост наместника провинций Хунань и Хубэй. Ответил, что болен!

Через две недели ему приевоили звание главноначальствующего всех сухопутных и морских сил империи. Не трогается с места. Ничего, говорит он себе, скоро двор станет говорчивей. Пусть ему предложат пост главы правительства, тогда подумает. Положение двора критическое. 29 октября командиры 20-й и 6-й дивизий предъявляют ультиматум: конституцию! В противном случае они идут на Пекин. Двор собирается бежать из столицы. Регент подает в отставку. И 1 ноября Юань выезжает на фронт инспектировать войска. В тот же день двор назначает его премьер-министром. Юань начинает с того, что велит своим тайным агентам убить командира 6-й дивизии генерала У Лу-чэня, симпатизирующего целям Объединенного союза, и подкупает командира 20-й дивизии генерала Чжан Шао-цзэна. Теперь он спокоен за свой тыл на Севере. Предлагает «мирные переговоры» Ли Юань-хуну. Приостанавливает военные действия. Основа «перемирия» — признание принципа конституционной монархии. Это «залп из всех орудий». Ли согласен, конечно, но боится сказать «да». Интриги продолжаются. Представитель Юаня, дипломат Тан Шао-и прибывает в Шанхай. Там начинаются негласные переговоры о «перемирии». Юань делает еще один жест: освобождает из тюрьмы Ван Цзин-вэя, арестованного в Пекине еще в 1910 году. Правые лидеры союза готовы заключить сделку. Если Юань ликвидирует монархию и объявит республику, ему будет предложен пост президента. К этому плану склоняется и Хуан Син.

Но пока борьба продолжается. Под ударом Ханьян. У Хуан Сина для обороны города имеются три бригады и один полк пехоты, один артиллерийский батальон, один саперный батальон, две бригады хунаньских войск, в общей сложности четырнадцать тысяч человек. Население строит оборонительные сооружения. Хуан Син первый переходит в наступление с целью отбить Ханькоу. Это ему не удается. У противника тридцать тысяч солдат и много артиллерии. Потеряв около тысячи человек, революционные войска отходят за реку Хань, к Ханьяну. Противник на-

чиная наступление 20 ноября. Главный удар наносит 5-я дивизия генерала Фын Го-чжана — десять тысяч человек. Ему удается занять Ханьян.

Учан сражался. Тяжело было революционным мас-сам. Но они не думали о том, чтобы прекратить бой. Они не помышляли о переговорах с врагом. Империя Цинов разваливалась, и никакие временные неудачи революционных войск на каком-нибудь участке фронта уже не могли изменить общего итога борьбы.

Центр революционных событий переместился теперь в район Шанхай — Нанкин. 2 декабря после сильного боя революционные войска провинций Цзянсу, Аньхуэй и Чжецзян при поддержке отрядов из Шанхая и эскадры флота штурмом взяли укрепления Нанкина и выбили из города маньчжурские войска генерала Чжан Сюна, только накануне зверски казнившего четыреста молодых патриотов. Победа, одержанная здесь революционерами, смягчила тяжесть неудачи в Ханькоу и Ханьяне. Древняя столица Китая, столица тайпинов, стала столицей революционных сил, а в будущем должна была стать столицей Китайской Республики. В Нанкине организуется новое правительство. Туда съезжаются представители всех свободных провинций — их уже шестнадцать, чтобы открыть временный парламент — Совещательную палату.

А 21 декабря разносится весть: Сунь Вэнь прибыл в Гонконг и направляется в Шанхай. Ждут его с нетерпением, с надеждой, с верой в то дело, которому Сунь Вэнь посвятил столько лет борьбы.

Не все ему рады. Не все даже в собственной партии.

Сунь Вэнь многого еще не знает о положении в революционном лагере. О многом, правда, догадывается. Его друзья писали ему, конечно, информировали. Кое-какие факты почерпнул из газет. Он знает, что Объединенный союз стал большой силой, его радует, что число членов союза увеличилось за последние годы во много раз. Называют цифру: триста тысяч!

Но все ли новые члены вступили в партию с честными намерениями? Нет ли среди них таких, которые наскоро перекрасились в республиканский цвет, а по настоящему не хотят никаких преобразований? Что-то сильно велико наплынув в союз вчерашних слуг старого режима, монархистов-конституционалистов, бывших сановников, бюрократов, компрадоров. А некоторые руководители союза уже увлечены перспективой получения важных постов, министерских портфелей, они уже готовятся к роли парламентариев, составляют проекты конституций, списывая их с конституций западных стран. Им уже надоела революционная борьба. Они жаждут «мирных решений». И в этом их поддерживают все примазавшиеся к революции личности. Да, шанхайско-чжэцзянская группировка руководства союза во главе с Сун Цзяо-жнем и Чэн Ци-мэем (и Хуан Сином?) считает, что поскольку падение монархии близко, революция уже как бы выполнила свою задачу и пора ее сворачивать, «закончить». А что получил от революции народ? Как же с лозунгом «Равные права на землю»? Об этом правые лидеры молчат! Все поглощены «высокой политикой», а о нуждах тех, кто, собственно, совершил революцию, сражался и будет сражаться за нее, — о крестьянстве, сыны которого в солдатских мундирах дали и выиграли бой на Янцзы, ни слова, ни звука. Ничего хорошего это не сулит отечеству, только-только сбрасывающему с себя рабские цепи!

Теперь толкуют о президентах, о парламентских комбинациях, о министерствах. А нужно ли все это? Нужно совсем другое — диктатура революционной партии, которая поднимет народ и вычистит всю накопившуюся за века грязь монархии, всю дикость и мерзость старого режима и подготовит торжество действительной демократии для народа. Об этом он много раз говорил более шести лет назад, говорил, писал, что его идеи вошли в платформу союза. Но как быстро забыли о них, о программе союза, об обязательствах перед народом! Западная парламентская зараза распространилась с небывалой быстротой.

Сунь Вэнь вовсе не думает умалять роль союза в революции. Без него не победили бы солдаты Учана. Это ясно. Но под солнцем свободы союз стал угрожающе терять свою революционную окраску, усилиями шанхайского Бюро начал превращаться в парламентскую партию западного образца. Этого он опасался больше всего.

Тяжелые думы обступили Сунь Вэня по пути на родину. Они не рассеялись и тогда, когда пароход прибыл в Гонконг и собравшиеся на пристани тысячи китайских патриотов с бурной радостью приветствовали великого борца и неутомимого строителя нового Китая. Среди встречавших — новый военный губернатор Гуандуна Ху Хань-минь. Вместе с ним он едет в Кантон.

Здесь Сунь Вэнь и его молодые товарищи делали первые шаги на революционном поприще. Он не был в Кантоне шестнадцать лет. И вот он опять на родной земле. Но раньше всего он должен отдать долг памяти друзьям, положившим жизнь за счастье народа. Он едет в восточный пригород Кантона, где на «Холме желтых цветов» покоятся прах семидесяти двух героев апрельского восстания.

Тихо кругом. Торжественная тишина. Сунь Вэнь стоит среди могил с обнаженной головой. Ветер шевелит густые черные волосы. Из глаз медленно скатываются слезы. Низко-низко он кланяется три раза. И молча отходит.

Странную речь заводит с ним Ху Хань-минь. Советует не ехать в Нанкин, оставаться в Кантоне.

— К чему вам ехать в Нанкин, учитель? С Юанем иметь дело нельзя. У него сила — послушная армия, все командиры дивизий — его старые приспешники. Пока войска Юаня не разбиты...

Сунь Вэню знакомы эти доводы «от штыка». Он говорит:

— Вы считаете, что все решается только военной силой? В этом ошибка уважаемого Хуан Сина. Войско — это важно, но не все. Не забывайте о народе!

Ху Хань-минь продолжает настаивать.

Сунь Вэнь резко говорит:

— Остаться в Кантоне теперь — значит проявить политическую трусость! Мы не можем увиливать от ответственности перед лицом суровых политических фактов. Что скажут товарищи, как это на них подействует? Об этом вы не подумали! Сейчас главное — покончить с монархией, потом можно будет заняться Юанем. Им придется заняться — в этом не сомневаюсь, ему ни в коем случае нельзя верить. Но всему свой час. Надо ковать железо, пока горячо! Иностранные державы пока не вмешались. Это плюс для нас. Но если неопределенное положение затянется, они вмешаются. Слышали ли вы о японском проекте раздела Китая на два государства: к югу от Янцзы — республика, к северу — монархия! Бесподобно, не правда ли? Надо спешить с низвержением монархии, тогда все станет на место. А с Юанем справимся. Народ сильнее всяких Юаней!..

Вместе с Ху Хань-минем Сунь Вэнь выехал в Шанхай. Там тоже ждали его. 24 декабря торжественно встречали на пристани. С борта парохода увидел среди встречавших знакомые лица Хуан Сина, Ван Цзинвэя, Сун Цзяо-жэня, Чэнь Ци-мэя. Вокруг волновалась огромная толпа. Многие вооружены. Это солдаты революции. Все хотят его увидеть, пожать руку, сказать ему хотя бы несколько слов, услышать, что скажет он... Шумно, жарко, но хорошо, у всех приподнятое настроение.

Кто-то спрашивает его, правда ли, что он привез «массу денег». Отвечает, что привез много революционного духа, что гораздо важнее в данное время.

Удивило Сунь Вэня присутствие на встрече господ в дорогих одеждах, в блестящих цилиндрах и военных в нарядных мундирах. Это тоже члены союза? Откуда такие взялись?

Понемногу выяснились некоторые секреты шанхайского Бюро союза. У него, оказывается, есть готовый план: Хуан Син выдвигается кандидатом на пост президента, Сунь Цзяо-жэнь — на пост премьер-министра, а Сунь Вэнь назначается «чрезвычайным послом

для переговоров с иностранными державами о признании республики». Этот проект негласно вносят Сун Цзяо-жэнь и... примчавшийся из Токио небезызвестный Чжан Бин-цюнь, ярый враг Сунь Вэня. Итак, блок всех правых против него. Но их игру срывает простодушный Хуан Син: он отказывается от предложенного ему поста президента. Все это выясняется уже 25 декабря на совещании об организации революционной власти.

На Сунь Вэня эти недостойные интриги политических спекулянтов не производят никакого впечатления. Ему вовсе не нужен пост президента. Главная забота его — спасти революционную политику союза от растворения в комбинаторстве и беспринципном политиканстве.

Он-то уж, во всяком случае, не намерен стать на такой скользкий и гибельный для революции путь. Берет слово и говорит, что товарищи из руководства не имеют ясного представления о положении. Им кажется, что Юань Ши-кай всемогущ, и совсем упускают из виду, что этот слуга монархии, как бы ни были велики и обширны его вожделения, находится в затруднительном положении. Маневры Юаня, его готовность вести «мирные переговоры» говорят о том, что положение его трудное и даже опасное. Так зачем же делать авансы Юаню, зачем Ван Цзин-вэй ведет тайные переговоры с Юанем и обещает ему пост президента республики, если он свернет шею монархии? И не один Ван готов на это! Не слишком ли дорогой ценой некоторые готовы купить «сотрудничество» Юаня? Не чересчур ли рано они собрались вложить революционный меч в ножны? И уж совсем чудовищно, когда терпят, что какой-то ничтожный полковник Ли Юань-хун в Учане, ставший «чем-то» только благодаря наивности солдат восставшего гарнизона, осмеливается болтать о «приемлемости конституционной монархии»! Нужна твердость в проведении революционной политики! Нужна диктатура революционной партии, чтобы выкорчевывать все корешки многовекового господства монархии, ее идеологию и презрение к народу! Но при чем же тут Юань Ши-

кой? Его надо использовать, если возможно, надо использовать противоречия между его кликой и дворцовой кликой, сшибить их лбами, но ни в коем случае не следует «снаблять» его властью над республикой, ибо, получив ее, он попытается задушить революцию.

— Цели революции еще не достигнуты, поэтому нечего говорить о мирных переговорах, — сказал в заключение Сунь Вэнь. — Республика еще не упрочена, поэтому нечего говорить о парламентской системе. Тем более что при парламентской системе глава государства не имеет реальной власти. Власть у премьер-министра, отвечающего перед парламентом, а парламент не отвечает ни перед кем. В нынешнее чрезвычайное время мы не можем принять парламентскую систему, которая ограничивает власть того, кому мы доверяем. Я прямо заявляю: мне не по пути с теми, кто стоит за такой порядок, который принесет ущерб революционному делу! Не по пути, — раздельно повторил Сунь Вэнь и с силой стукнул кулаком по столу.

Наступило молчание.

Его пытались успокоить. Говорили, что согласны на «президентский кабинет», то есть на правительство, во главе которого стоит сам президент.

— Да разве в форме дело? — язвительно воскликнул Сунь Вэнь. — В нашей программе мы заявили, что после победы революции в республике будет установлено военное правительство — в чрезвычайное время должна быть чрезвычайная власть. Вы уже забыли об этом, вы, значит, отвергаете принцип «Трех ступеней» и революционную власть, так скажите об этом прямо!..

Он понимал, что дело обстояло именно так. Зачем было скрывать от себя, что большинство руководителей и слышать не хотят о «Трех ступенях». Они не желали более следовать его учению. Они считали полезным сохранить его, но лишь для того, чтобы прикрываться его именем. Но и уйти, порвать с ними он также не хочет. Время тяжелое. Опасности велики. Нельзя жертвовать всем, чему отдал столько лет

жизни, чему отдали свои молодые жизни сотни, тысячи бойцов — героев революции.

И он решил сделать уступку: согласился баллотироваться на пост президента, с тем чтобы уйти с этого поста, как только республика будет установлена и монархия уничтожена. Он впоследствии никогда не мог найти убедительных доводов ни в пользу первого решения — принять пост президента, ни в пользу второго — подать в отставку с этого поста. Где-то он тогда допустил ошибку. Много лет спустя он сказал об этом со всей свойственной ему прямотой.

Подумав о своей ответственности, он после двух дней споров и раздумий дал согласие занять пост президента.

28 декабря руководство союза утвердило три кандидатуры в президенты, которые были предложены Совещательной палате, заседавшей в Нанкине: Сунь Вэнь, Хуан Син и Ли Юань-хун. За Сунь Вэня было подано шестнадцать голосов из семнадцати. За Хуан Сина — один голос. За Ли Юаньхуна — ни одного. Его избрали вице-президентом. Это была уступка консервативным элементам.

Утром 1 января 1912 года Сунь Вэнь совершил торжественный въезд в Нанкин — столицу республики. Он ехал в экипаже,escortируемый отрядом войск, приветствуемый народом, стоявшим сплошными шпалерами вдоль всего пути. Первого президента Китайской республики Нанкин встретил артиллерийским салютом.

В Совещательной палате Сунь Ят-сен дал клятву на верность республике и народу.

В притихшем зале был слышен голос президента, громкий, твердый, ясный:

— Я КЛЯНУСЬ СВЕРГНУТЬ МАНЬЧЖУРСКОЕ САМОДЕРЖАВНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, УКРЕПИТЬ КИТАЙСКУЮ РЕСПУБЛИКУ, ЗАБОТИТЬСЯ О СЧАСТЬЕ И БЛАГОДЕНСТВИИ НАРОДА, РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ И ВОЛЕЙ НАРОДА. ОБЯЗУЮСЬ БЫТЬ ПРЕ-

ДАННЫМ ИНТЕРЕСАМ НАРОДА И ВСЕГДА СЛУЖИТЬ НАРОДУ.

КОГДА САМОДЕРЖАВНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО БУДЕТ СВЕРГНУТО, КОГДА ВНУТРИ СТРАНЫ НЕ БУДЕТ БОЛЬШЕ СМУТЫ, КОГДА КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА ЗАЙМЕТ ПОДОБАЮЩЕЕ МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ И БУДЕТ ИМИ ПРИЗНАНА, ТОГДА Я СЛОЖУ С СЕБЯ СВОИ ПОЛНОМОЧИЯ. ТОРЖЕСТВЕННО КЛЯНУСЬ В ЭТОМ.

В этой клятве — благородный, возвышенный, человечный, скромный облик Отца республики.

Глава шестая

ПОСЛЕДНИЕ СУДОРОГИ ДРАКОНА

1. Трудная весна

Теперь можно оглянуться на пройденный путь и подумать. Ему уже сорок шесть лет. Много пережито. Кое-что достигнуто. Немного забавно, что его именуют «Президентом Китайской республики» — «Чжунхуа миньго Цзунли» — и добавляют к этому обязательное «Сяньшэн», «Учитель» или «Достопочтенный». Важно то, что республика создана, хотя она еще не распространила свою власть на всю страну. Часть Хубэя, Хэнань, Чжили, Шаньдун в руках старого режима, который хозяйствует и во всех «внешних территориях», в Маньчжурии, в Монголии, в Жэхэ, Чахаре и Суйюане. Что делается в Тибете, в Кукуноре? Без борьбы нельзя объединить страну. А к борьбе республика не готова. Нет денег, касса правительства пуста. Если иностранные банки не дают займов маньчжурям, то революционерам они и подавно не дадут ни одного фына. Вооруженные силы республики невелики, к тому же они разбросаны по провинциям, единой республиканской армии нет. У маньчжуров меньше территории и во много раз меньше населения в провинциях, где они еще у власти, но армия у них сильная и лучше подготовленная.

Но уже сегодня республика — это сотни миллионов людей, большинство китайского народа и многие некитайские народности. Если взяться как следует, можно создать и армию и собрать необходимые средства. Надо только обратиться к народу,

поднять его, просветить, организовать. Ах, зачем было соглашаться на этот высокий пост — «Цзунли», он связывает свободу действия. Пришлось отказаться от более важного поста председателя революционной партии — Объединенного союза Китая. Президент должен быть вне партий! И приходится еще терпеть вице-президентом этого Ли Юань-хуна. Черт знает, какая это сложная вещь — политика!

Сун Цзяо-жэнь принес составленный специальной комиссией проект временной конституции республики. Пороху этот Сун Цзяо-жэнь не выдумал, а честно позаимствовал основные идеи у американцев и французов. В условиях Китая эти идеи имеют известное прогрессивное значение. Равенство всех граждан независимо от национальной принадлежности, социального положения и религиозных убеждений перед законом; свобода переселения и передвижения, печати, слова, собраний, ассоциаций и религиозных убеждений; право подавать петиции и проследовать по закону любого чиновника. Одного не вводила конституция — всеобщего избирательного права, это право народа ограничено имущественным цензом и цензом оседлости. Тем не менее победа республиканского строя означала уничтожение вековой феодальной монархии, расчистку пути для развития страны. В массы проникли и начали широко распространяться демократические идеи. В сознании народа были посеяны семена демократического государства в форме республики.

Все это кое-что да значит!

Но его беспокоит то, что почти все руководители Объединенного союза отмахиваются от осуществления программы, воплощенной в «Трех народных принципах», особенно же враждебно относятся к третьему принципу — «народному благосостоянию». Об этом и слышать не хотят. Если так, то народ очень скоро разочаруется в республике, и это принесет делу революции непоправимый вред. Левые, и друг Ляо Чжун-кай в их числе, прямо говорят, что в союзе господствует буржуазное крыло — Хуан Син, Сун Цзяо-жэнь, Чэн Ци-мэй, и другие. Сунь

Вэнь и сам знает, что это так. Правые боятся народа. Они мечтают о «мирном» развитии. Крестьянству ничего не обещают, кроме «свобод», а феодалы остаются при своих правах на землю и по-прежнему сосут кровь деревенских тружеников. Можно ли спокойно сидеть в президентском дворце, когда творится такое?

Его горестные размышления прерывает приход министров. Изготовили новую государственную печать. Начали чеканить новую монету. Вот людей новых пока маловато в правительстве.

Фактически в правительстве работали: Сунь Вэнь, Хуан Син, Ван Чун-хой, Цай Юань-пэй да их помощники из опытных чиновников.

Это было, по общему мнению, очень демократическое правительство. Заседало оно в тесной комнате за небольшим столом. Не хватало мест. И часто случалось так, что президент присаживался как-нибудь сбоку.

С первого же дня перед правительством встали две острые проблемы. Во-первых, деньги. Их не было. Хуан Син раздобыл у японских банкиров заем в сумме 300 тысяч иен. Пустяк! Сунь Вэнь также пытался использовать старые токийские знакомства. Пригласил к себе Ямаду Юнсабуро, шанхайского представителя компании «Мицуи»: «Послушайте, Ямада, вы ведь человек Мицуи, достаньте немного денег». Ямада поинтересовался: «Сколько?» — «Чем больше, тем лучше», — ответил Сунь Вэнь. Ямада: «Все-таки сколько нужно?» Сунь Вэнь: «Стол-двести миллионов иен будет как раз!» Мицуи предлагал мелочь: 150 тысяч иен. Согласился дать 300 тысяч иен, потом 12 миллионов иен, но с трудом удалось получить у него только 3 миллиона. И за это Мицуи требовал, чтобы ему отдали под залог ханьелинские заводы.

Внешний мир не скрывал своей враждебности к молодой республике. Западная пресса нападала на Сунь Вэня, пренебрежительно называя его «бес почвенным мечтателем», «пророком», «фантазером». Она откровенно поддерживала маньчжуров.

Была еще одна острая проблема: Юань Ши-кай. Правые, фактически оттеснив от руководства Сунь Вэня, добивались быстрейшего соглашения с ним. Юань был достаточно хитер, чтобы не затруднять переговоры с Нанкином, которые велись тайно, и пока не предпринимал военных операций. Он выжидал, надеясь на обострение борьбы в революционном лагере.

А далеко от Нанкина и Пекина, в старинном польском городе Кракове, великий революционер и мыслитель внимательно и неотступно следил за тем, что происходит в лежащем на другом конце земли Китае. Чтение сообщений о Китае в печати многих стран, внимательнейший подбор фактов, изучение этих фактов отнимало много драгоценных часов, а великий мыслитель находился в Кракове с единственной целью — быть как можно ближе к собственной стране, которая поднималась к новой борьбе после революционных событий 1905—1907 годов, разбудивших также и Азию и Китай в том числе. Китай особенно занимал его, ибо в огромной стране Азии назревали, как он ясно понимал, события исключительной важности, которым суждено было оказать обратное действие на положение в Европе и во всем западном мире.

Китайскую революцию этот великий человек и его соратники приветствовали первыми во всем европейском социалистическом движении. В специальном постановлении, принятом на конференции в Праге в январе 1912 года, они заявили, что признают мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии, и приветствуют революционеров — республиканцев Китая.

Этот великий революционер и мыслитель — В. И. Ленин. Соратники его — большевики. Происходившая в Праге Всероссийская конференция большевистской партии приветствовала революционный народ в Китае от имени героического российского пролетариата, революционных сил России. Сунь Вэнь ничего не знал об этом. Не знал он и о том, что Ленин

заботливо следил за событиями в Китае и за деятельностью его самого. Ленина крайне интересовала и борьба, которую вели китайские революционеры, и успехи молодой Китайской республики. Китай как фактор борьбы мирового пролетариата против мировой буржуазии — вот что привлекало внимание Ленина. Никто не видел особенностей борьбы общественных сил в Китае так ясно, как Ленин.

С точки зрения Ленина, велико было значение уже одного того, что «Четыреста миллионов отсталых азиатов добились свободы, проснулись к политической жизни. Четвертая часть населения земного шара перешла, так сказать, от спячки к свету, движению, борьбе». Главная масса поднявшихся к свету и борьбе людей в Китае — крестьяне, потому что пролетариат был там в то время крайне слаб. Кого повел за собой «известный доктор Сунь Ят-сен»? Кто шел за лозунгами, которые он выдвигал? Ленин говорит: «широкая крестьянская масса». Ленина тревожил вопрос: сумеют ли крестьяне, шедшие в союзе с либеральной буржуазией, не руководимые партией пролетариата, удержать свои завоевания? Либеральная буржуазия — ненадежный союзник крестьянства. Она только ждет удобного момента, чтобы перекинуться направо.

Эту опасность чувствовал и Сунь Вэнь. И оттого так тревожны его думы в эти первые недели января 1912 года, первого года республики.

Указом президента произведена реформа календаря. Отныне год в Китае начинался не где-то в январе или в феврале, в зависимости от причудливого счета лунного календаря, а 1 января. 1912 год стал первым годом Китайской республики. Утвержден новый государственный флаг из пяти полос: красной, желтой, синей, белой, черной, символизирующих собой пять наций, населяющих Китай.

Народ ждал, что обещанные главные преобразования, особенно «уравнение прав на землю», начнут

проводиться в жизнь. Народ терпеливо ждал, ждал чего-то реального и понемногу стал разочаровываться в республиканских лидерах, которые много говорили и мало делали.

Юань Ши-кай был доволен таким ходом событий.

Переговоры с Юанем затягивались. Когда его главный делегат, бывалый дипломат Тан Шао-и заявил: «Мы не можем не иметь республики», он тотчас же оказался отстраненным от ведения переговоров. Но Юань оставил его в Шанхае в качестве своего «личного представителя». Тем временем Тан Шао-и был негласно принят в члены Объединенного союза. Создалось немыслимое положение: член революционной партии ведет переговоры с представителями этой же партии от имени и по поручению главы контрреволюции! Этот факт достаточно ярко говорил о том, насколько быстро шел процесс разложения руководящего ядра Объединенного союза, состоявшего весной 1912 года преимущественно из правых деятелей.

Сунь Вэнь все это отлично видел и всеми силами стремился как можно скорее сложить с себя звание президента, не желая, чтобы его именем прикрывалась такая гибельная для республики политика. Теперь ему уже осталось недолго ждать.

В конце января большая группа генералов и офицеров армии Севера во главе с Дуань Ци-жуем подала Юаню нечто вроде ультиматума, в котором говорилось, что они требуют решения вопроса о монархии, в противном случае не станут препятствовать продвижению республиканских войск на Север. Генералам тоже захотелось приобщиться к власти! Юань был вынужден сообщить в Нанкин, что он принимает условия, выдвинутые нанкинским правительством, — признание республики, обязательство соблюдать конституцию, сохранение столицы в Нанкине, где Юань принесет клятву на верность народу. Что касается династии, то она отречется без всяких условий и без акта «передачи власти», поскольку новая власть уже создана народом.

Конечно, Юань Ши-кай лгал. В действительности разработанный сановниками, много раз переписанный проект эдикта об отречении императора был составлен в таких выражениях, что создавалось впечатление, будто республика создана не в результате тяжелой многолетней борьбы народа, а по... повелению монарха! В эдикте говорилось, что император милостиво соглашается на передачу своей власти и своих суверенных прав народу, а Юань Ши-каю повелевалось «сформировать полномочное временное правительство и договориться с республиканской армией о методах объединения, обеспечив мир народу, спокойствие в империи и создание Великой Китайской республики». Прочитав этот бесподобный документ, Сунь Вэнь пришел в ярость. Немедленно он отправляет ответ Юаню: «Республика не может быть организована какой бы то ни было властью, данной цинским императором. Любое подобное предложение вызовет отпор. Вы должны ясно отказаться признавать императорскую власть».

Пекинский хитрец заюлил, завертелся, пустил в ход лесть и притворство. Прислал длинное послание: «Республиканская форма правительства — наилучшая из всех, это подтверждено опытом всех стран. Цель, которой вы, сударь, отдали столько глубокого ума, достигнута. Вы должны, бесспорно, занять положение, дающее высочайшее удовлетворение, и никогда не позволить, чтобы монархический образ правления мог снова установиться в Китае. Поскольку достижение единства влечет за собой величайшие последствия, я самым серьезным образом желаю отправиться на Юг, чтобы выслушать ваши мудрые советы и вместе с вами выработать план действий».

12 февраля в Пекине был обнародован измененный эдикт. Император отрекался от престола, но сохранял свои дворцы, титул и право на получение крупной пенсии. Династия лишилась каких бы то ни было прав на участие в управлении государством. Царству маньчжуров пришел конец.

14 февраля Сунь Вэнь подал в отставку. Он пи-

сал Государственному совету: «Настоящим вручаю вам свою отставку с поста временного президента Китайской республики и обращаюсь к вам с просьбой избрать достойного и способного человека на пост президента».

15 февраля Совещательная палата избрала Юань Ши-кай временным президентом республики. Он поставил условие: Сунь Вэнь и правительство будут продолжать исполнять свои обязанности до его вступления в должность, что должно было произойти в столице республики — Нанкине, как было договорено. Руководство Объединенного союза считало, что одержана полная победа.

2. Пекинские тайны

Юань Ши-кай и не думает ехать в Нанкин. Вступление в должность, клятва на верность народу — для него это не более как комедия. Власть у него. Нанкинских лидеров он «обыграл». Маньчжуроев — спихнул. Остается придумать какой-нибудь трюк, чтобы остаться в Пекине и сохранить здесь столицу. Если он нужен республиканцам, пусть перебираются сюда, на Север!

18 февраля Юань узнает, что из Нанкина в Пекин выехала специальная делегация Совещательной палаты, которая должна сопровождать нового временного президента в столицу. В составе делегации Сунь Цзяо-жэнь, Ван Цзин-вэй, Цай Юань-пэй и другие деятели.

Делегация прибыла в Пекин, где ее встретили весьма торжественно. Устраивались приемы и обеды. Произносилось много речей о предстоящем торжественном акте вступления Юаня в должность. Все было как нельзя лучше.

Неожиданно все переменилось.

29 февраля господин временный президент о чем-то долго совещался с глазу на глаз с командиром стоящей в Пекине 3-й полевой дивизии, генералом Цао Кунем. Этот Цао Кунь — прелюбопытнейшая личность. Как и многие другие генералы маньчжурской

армии, он начал свою «военную карьеру» атаманом бандитской шайки. Потом поступил на военную службу, стал выдвигаться, был направлен в военную школу и в 1902 году получил звание генерала. Когда Юань Ши-кай приступил к формированию на Севере частей «Новой армии», он привлек Цао Куня и дал ему дивизию. Цао был предан Юаню как собака.

О чем они так долго беседовали в то февральское утро?

В тот же день вспыхнул бунт в частях 3-й дивизии. Солдаты разграбили несколько магазинов, подожгли какие-то дома, устроили дебоши на улицах, стреляли в прохожих... Против них послали другие войска, дав им «строжайший» приказ: «усмирить мятежников». 2 марта беспорядки вспыхнули и в Тяньцзине. Это было как раз то, чего ждал Юань. Он начал доказывать, что не может покинуть Пекин в такое время. Ведь на него пала бы ответственность за продолжение беспорядков в бывшей столице, где остаются все иностранные посольства и миссии, требующие наведения порядка в городе, откуда они вовсе не собираются уезжать. Нет, он никак не может ехать в Нанкин. Очень жаль, но что же делать! А почему нельзя провести церемонию вступления его в должность и принесение клятвы здесь, в Пекине? И не лучше ли вообще перевести сюда из Нанкина все республиканские правительственные учреждения, Совещательную палату?.. Но что скажет этот страшный Сунь Вэнь? Как оказать на него давление? Специальное секретное послание летит в Учан, где сидит вице-президент Ли Юань-хун. Тот, конечно, на стороне Юаня, и он пишет Сунь Вэню, умоляет не возражать, чтобы Юань остался в Пекине и «спас положение». Как бы мимоходом Ли добавляет, что, с его точки зрения, столица должна быть в Пекине, а не в Нанкине. Большинство министров охотно принимают эту точку зрения. Сунь Вэнь доказывает, что Юаня необходимо увезти из старой столицы, центра реакции, ибо «нужно извлечь тигра из его горного логова». Не слушали его. Опять появился Чжан

Бин-линь и совместно с Сун Цзяо-жэнем повел кампанию против сохранения столицы в Нанкине.

Сунь Вэнь страшно возмущен этой кампанией и поражен политической слепотой правительства республики.

Когда в Пекине «навели порядок», временный президент заявил, что готов провести требуемую республиканцами церемонию вступления в должность и принесения клятвы на верность народу. Церемония состоялась 10 марта. В тот же день Совещательная палата утвердила временную конституцию республики, приняла решение об оставлении столицы в Пекине и объявила перерыв в своих занятиях, чтобы возобновить их там 29 марта.

Итак, после шести месяцев борьбы и переговоров республика, наконец, по крайней мере на бумаге установлена во всем Китае.

Но победа не обеспечена. Для Юаня «конституционные гарантии» — пустой звук. Соглашатели из руководства союза скатились на позиции либералов. Для них революция завершена, в то время как в действительности она по-настоящему только начинается.

1 апреля Сунь Вэнь окончательно слагает с себя полномочия временного президента республики.

Кто будет премьер-министром нового правительства? Юань, не зная, что его доверенный на переговорах в Шанхае Тан Шао-и вступил в Объединенный союз, назначил его на этот пост. Тан согласился, и Сунь Вэнь передал ему государственную печать.

В конце марта Совещательная палата утвердила состав правительства. Четверо министров — члены Объединенного союза: министр юстиции — Ван Чунхай, министр народного просвещения Цай Юаньпэй, министр сельского и лесного хозяйства — Сун Цзяо-жэнь, министр торговли и промышленности — Чэн Ци-мэй.

А Сунь Вэнь? Он решил целиком посвятить себя преобразованию страны.

— Я слишком долго пробыл за границей, пора пожить среди народа, — сказал он, покидая Нанкин.

Не доверял Юаню и упрекал лидеров Объединен-

ногого союза в соглашении с Пекином. Сказал в сердцах, прощаясь с ними:

— Нынешнее положение создали вы сами!

Сунь Вэнь издал обращение ко всем последователям, в котором заявлял, что оставляет политическую деятельность, чтобы заняться воспитанием народа и экономическими вопросами, в частности вопросами индустриализации страны. Он горячо убеждал своих товарищей не тратить силы на так называемую «государственную политику», а развернуть широкую деятельность в массах и помочь ему в осуществлении программы экономического преобразования.

В середине апреля Сунь Вэнь прибыл в Шанхай. Его сопровождали некоторые деятели союза и Сун Ай-лин, секретарь для связи. Встретили Сунь Вэня сердечно и торжественно. На большом банкете в его честь он произнес большую речь.

— Все собравшиеся здесь — уважаемые граждане! Республика в Китае установлена. И хотя я сложил с себя обязанности временного президента, это вовсе не значит, что я прекращаю работать в ее интересах.

Он говорил далее о многолетней борьбе китайского народа против маньчжурской тирании, о Тайпинском восстании, о деятельности Объединенного союза и о «Трех народных принципах».

— Маньчжуры свергнуты, и первые два принципа — восстановление независимости Китая и установление демократического строя — осуществлены. Нам остается осуществить третий принцип — принцип «народного благосостояния», для чего необходимо совершить социальную революцию, общественный переворот. Этот вопрос сейчас широко обсуждается, но многие не отдают себе отчета, о чем, собственно, идет речь...

Слова Сунь Вэня наэлектризовали все собрание.

А Сунь Вэнь продолжал:

— Многие полагают, что цель возрождения Китая

состоит в том, чтобы превратить его в великую и могущественную державу, равную великим державам Запада. Но в этом вовсе не заключается цель наших усилий. Кто сегодня богаче Великобритании и Америки? Есть ли более просвещенная страна, чем Франция? И, однако, разрыв между богатыми и бедными в этих странах слишком велик, и поэтому там приходится думать о социальной революции, без чего большинство не имеет возможности наслаждаться радостью и счастьем... В Великобритании и Америке, достигших высокого уровня развития, капиталисты имеют сильные позиции, и там труднее совершить социальную революцию, чем в неразвитом Китае, где еще нет капиталистов, имеющих сильные позиции и интересы. На Западе социальная революция потребует острой борьбы, чтобы народ стал хозяином всех богатств. Если мы не примем теперь, в начале жизни нашей республики, меры к тому, чтобы обеспечить наше будущее, капитализм станет у нас еще более худшим деспотизмом, чем тот, который мы только что сбросили, и нам снова придется пройти через период кровопролитий. Разве это не было бы ужасно?

Сунь Вэнь сделал паузу, оглядел зал. На лицах он ясно читал смешанные чувства: страха и острого интереса. И оратор решил досказать все до конца.

— Я хочу обратить ваше внимание, господа, на один важный вопрос. Что необходимо прежде всего осуществить в настоящее время? Пересмотр всех актов на право владения землей. Это должно явиться естественным следствием революции. Нам нужно осуществить принцип уравнения прав на землю... Кроме того, поскольку промышленность будет развиваться в Китае, торговля будет расти, и в пятьдесят лет мы увидим здесь много Шанхаев. Давайте воспользуемся благоприятными условиями и обеспечим, чтобы увеличение богатства, не созданного трудом, шло на пользу народу, а не частных капиталистов, которые по воле случая оказались владельцами наиболее ценной земли. Как видите, нам предстоит огромный

труд, и мы должны выполнить его, чтобы Китай мог занять место великой державы в мировой семье наций!

Многим теперь стало ясно, что он имел в виду, когда говорил о том, что революция еще только начинается.

Он был верен тем идеям, которые возникли у него в результате многолетнего изучения социальных проблем, и, особенно аграрной проблемы, в такой стране с преобладающим крестьянским населением, как Китай. Если руководители союза не хотели даже и слышать об уравнении прав на землю, то он не думал отказываться от этого коренного требования. Он считал, что в этом требовании заключен принцип социализма.

3. Лицом к лицу

Идеи, которыми Сунь Вэнь поделился с участниками банкета в Шанхае, он изложил в статье «Следующий шаг». Статья эта появилась во многих газетах и журналах в Китае и за границей. Напечатала ее также и бельгийская социалистическая газета «Народ» («Ле Пепль»). Пришла эта газета в Краков, где жил тогда Ленин. Владимир Ильич прочитал статью с большим интересом. И решил написать о ней. И действительно, статья Ленина «Демократия и народничество в Китае» появилась в выходившей в Петербурге легальной большевистской газете «Невская звезда» 15 июля 1912 года. Еще никто не пытался проанализировать взгляды Сунь Вэня; дать им оценку и охарактеризовать самого Суня. Это сделал Ленин. Сделал внимательно, бережно, с чувством уважения к китайскому народу и к первому президенту молодой Китайской Республики.

Ленин, конечно, критикует народнические взгляды Сунь Вэня на возможность для Китая избегнуть капитализма. Напротив, пишет Ленин, вся программа преобразований, защищаемая Сунь Вэнем, если только она будет проведена в жизнь, создаст наилучшие условия для быстрого развития производи-

тельных сил по капиталистическому пути, поскольку исчезнут феодальные препоны. Но Ленин видит не только недостатки, мелкобуржуазный утопизм и даже реакционность во взглядах Сунь Вэня. Он видит в его взглядах величие китайского народа, искренний демократизм и революционную решимость бороться за полное раскрепощение великой страны. Ленин говорит о Сунь Вэне: «Этот европейски образованный представитель боевой и победоносной китайской демократии, которая завоевала себе республику...» Его статью Ленин называет «платформой великой китайской демократии». И дальше он пишет: «Перед нами действительно великая идеология действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями Китая». Во взглядах Сунь Вэня Ленин отчетливо видит идеологию революционного бойца, не допускающего даже мысли «о совместности китайского самодержавия с китайской «социальной реформой», с китайскими конституционными преобразованиями». Ленина восхищает в Сунь Вэне «Цельный демократизм с требованием республики. Прямая постановка вопроса о положении масс, о массовой борьбе, горячее сочувствие к трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту, в их силу». Для Ленина Сунь Вэнь «революционный демократ, полный благородства и героизма, свойственного такому классу, который идет не под гору, а в гору, который не боится будущего, а верит в него и самоотверженно борется за него, — классу, который ненавидит прошлое и умеет сбрасывать его омертвелую и душашую все живое гниль, а не цепляется за сохранение и восстановление прошлого ради охраны своих привилегий».

Ленин целиком одобряет линию Сунь Вэня на развитие «наибольшей самодеятельности, решительности и смелости крестьянских масс в деле политических и аграрных реформ».

Придет время, пророчески предсказывает Ленин, когда в Китае вырастет рабочий класс, и тогда он

создаст партию пролетариата, которая, «критикуя мелкобуржуазные утопии и реакционные взгляды Сунь Ят-сена, будет, наверное, заботливо выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро его политической и аграрной программы».

Сунь Вэнь считал «гвоздем» своей программы «уравнение прав на землю». Такое требование повсюду выставлялось крестьянской демократией, в том числе и в России. Ленин писал: «Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения». Китайский крестьянин, союзник рабочего класса на новом этапе революции — вот что предвидел Ленин, и это предвидение стало осуществляться в Китае впоследствии при прямом и активном участии Сунь Вэня.

Из Шанхая Сунь Вэнь отправился в поездку по долине великой китайской реки — Янцзы. Перед ним открылась его родная страна — грандиозная по своим нетронутым естественным богатствам, обилию трудящегося населения, ждащая приложения организующей воли и современных научно-технических средств. Потом он спустился на юг, в Гуандун, изъездил вдоль и поперек родную сторонку, побывал во многих городах и деревнях и, конечно, в Кантоне.

Сунь Вэнь хотел проверить, кто же последует за ним и откажется от занятия официальных должностей? Таких было очень мало. Большинство видных членов союза, ведших в годы борьбы жизнь, полную лишений и опасностей, пробывших немало лет в тюрьмах и ссылках, познавших горькую нужду, теперь, после установления республики, стремилось вознаградить себя, занять выгодные посты и пожить в свое удовольствие.

А Сунь Вэнь никогда не забывал то, что внушило ему святое чувство борьбы: революционер не ждет

наград, высшая награда для него — сознание исполненного долга перед народом. Ничего другого! Он знал, что в своей среде некоторые «революционеры» называют его «чудаком», человеком «не от мира сего», «одержимым»... Пусть!

Этим «пристроившимся» необходима была и другая партия. Объединенный союз, собственно, не был приспособлен к роли парламентской партии. По своей структуре, по организации и по методам работы он являлся конспиративной организацией. Сун Цзяо-жэнь требовал превращения его в «открытую» партию. Сунь Вэнь возражал против ликвидации союза. Борьба еще не закончена, доказывал он, наверняка предстоит жестокая война с Юанем. Но его не послушали. Сун Цзяо-жэнь ратовал за «открытую» партию, которая объединила бы и другие организации — группы либерального толка. Он начал переговоры с пятью такими группами. Четыре из них согласились объединиться вместе с союзом в Гоминьдан — национальную партию. Союз доживал последние дни. Последние дни доживала и относительно спокойная обстановка в стране.

В середине июня 1912 года внезапно скрылся из Пекина премьер-министр Тан Шао-и. Бежал в Тяньцзинь, где поселился на иностранной концессии, у друзей. Вернуться в Пекин отказался наотрез. Кабинет пал. Тогда-то и появились первые зловещие слухи о том, что Юань замышляет монархический переворот. Им не придали значения.

Правительственный кризис был вызван тем, что Юань принял условия объединенной группы иностранных банкиров — поставил под их контроль соляную монополию и признал за ними исключительное право предоставлять Китаю займы, то есть держать его в финансовой кабале. Но соглашение о займе должно быть утверждено временным парламентом — Совещательной палатой. А депутаты отказались утвердить соглашение с банкирами, понимая, что Юань использует заем для борьбы против республики.

лики. Тан Шао-и был предупрежден, что если он подпишет соглашение на указанных условиях, то будет обвинен в предательстве и наказан смертью. Очутившись меж двух огней, Тан решил бросить все и скрыться.

Юань оказался в трудном положении. Не так просто найти «верного» человека на должность премьера. А банкиры не давали денег, пока не сформировано правительство. Юань задумал спровоцировать еще один военный «бунт», чтобы натравить солдат, не получавших жалованья, на депутатов. Парламентарии сдались и утвердили нового премьера и состав правительства, в котором все министры были из среды старой монархической бюрократии. Все же Совещательная палата отказалась утвердить кабальные условия займа.

25 августа 1912 года в Пекине открылся учредительный конгресс Гоминьдана. Конгресс прошел под лозунгами: «Укрепление республики!», «Обеспечение демократии!» и принял программу из пяти пунктов: 1) осуществление политического единства; 2) поощрение местного самоуправления; 3) содействие слиянию наций; 4) улучшение благосостояния народа; 5) защита всеобщего мира. И ни слова о земле!

Конгрессом руководил Сун Цзяо-жэнь. Большинство делегатов голосовало за его политику «мирного развития» и против «фантазий» Сунь Вэня. Все же для «порядка» его избрали главой («главным директором») новой партии и членом коллегии директоров, куда входили также Хуан Син, Сун Цзяо-жэнь, Ван Чжун-хой и еще пятеро членов. Фактическим главой партии был Сун Цзяо-жэнь, который руководил пекинской партийной организацией и аппаратом Центрального правления Гоминьдана. Вокруг Сунь Вэня сплотились революционные кадры, перешедшие в 1905 году в Объединенный союз из Союза возрождения Китая.

Сунь Вэнь не принимал активного участия в работе конгресса.

Хуан Син также не был на конгрессе, но поддерживал линию Сун Цзяо-жэня, ратовал за «умеренность».

В декабре 1912 года Юань разрешил, наконец, провести выборы в новый, постоянный парламент. Гоминьдану он противопоставил реакционные группы и клики, выступавшие под громкими названиями: «Конституционная партия», где орудовал глава конституционалистов-монархистов Лян Ци-чao, и «Республиканская партия», созданная по совету Юаня вице-президентом Ли Юань-хуном. Была еще «партия» крупных чиновников — «Группа путей сообщения» во главе с долголетним секретарем Юаня, прожженным финансовым комбинатором Лян Ши-и. Все эти «партии» объединились в одну «Прогрессивную партию», ставшую орудием юаньшикаевского режима. Юань обильно снабжал ее деньгами, его агенты фальсифицировали результаты голосования, подкупали избирателей. И все же реакционный блок потерпел поражение. Выборы закончились в феврале 1913 года, и их результат был следующий: в нижнюю палату оказались избранными 586 депутатов, из них по списку Гоминьдана прошло 269 депутатов; в сенат избрали 277 сенаторов, из них 123 по списку Гоминьдана. Остальные мандаты распределелись между другими мелкими партиями. Гоминьдан был сильнейшей партией в парламенте. И, естественно, новый парламент избрал Сун Цзяо-жэня премьером и поручил ему сформировать новое правительство. Предстояло избрать постоянного президента. Руководство Гоминьдана объявило, что президент будет избран *после* утверждения новой (постоянной) конституции и на ее основе, а губернаторы провинций будут впредь избираться провинциальными собраниями, а не назначаться президентом. Власть Юаня повисла на волоске. Юань потребовал, чтобы раньше всего состоялись выборы президента, а потом выработана и утверждена постоянная конституция. Тщетно!

И он решил применить ту меру, которая в его сре-де практикуется всегда и везде: убийство.

4. Новая борьба — «Вторая революция»

Увлеченные победой на выборах, лидеры Гоминьдана едва отдавали себе отчет, с каким разбойником, готовым на любое преступление, они теперь стоят лицом к лицу.

Новый премьер-министр Сун Цзяо-жэнь выехал на короткое время в Шанхай. 20 марта 1913 года он собрался вернуться в Пекин ночным экспрессом. Его провожали на вокзале Хуан Син и Чэн Ци-мэй. Они беззаботны и не принимают никаких мер предосторожности. Сун Цзяо-жэнь и провожающие стоят у вагона и беседуют. Кто-то быстро подходит сбоку. Никто не успевает сообразить, что происходит. Какая-то тень мелькает в воздухе. Слышен треск выстрелов. Кто-то бежит. Смертельно раненный Сун Цзяо-жэнь падает.

Даже и после этого еще не все понято. Умирающий лидер Гоминьдана и премьер-министр поручает Хуан Сину:

— Телеграфируйте Юаню, я надеюсь, что президент будет защищать права человека и что вновь избранный парламент примет новую конституцию.

Сунь Цзяо-жэнь умер 22 марта.

Сунь Вэня в это время не было в Китае. 13 февраля 1913 года он прибыл в Японию, чтобы выяснить возможности получения займа на железнодорожное строительство. В официальных кругах его встретили холодно и сдержанно. Общественные организации, напротив, принимали восторженно. Он ясно видел, что и в Японии имеются демократические силы, сознавающие китайской революции. В его честь устраивались торжественные заседания, все жаждали услышать Отца Китайской республики.

Пребывание в Японии было прервано сообщением об убийстве Сун Цзяо-жэня. Немедленно, 22 марта, Сунь Вэнь выехал в Шанхай.

Его там ждали с нетерпением. На пристани встретила огромная масса народа, кипевшая гневом против душителя революции и требовавшая действий, решительных действий.

Раньше всего Сунь Вэню необходимо обдумать положение, встретиться с товарищами. Он едет к ним.

Тем временем Юань разыгрывает в Пекине пошлую комедию.

Юань, разумеется, «глубоко потрясен» смертью Сунь Цзяо-жэня и приказывает произвести «строжайшее расследование». Но «сильные личности» не знают чести. Тут же, в Пекине, кто-то распространяет «достоверное известие», что Сун Цзяо-жэнь — «жертва распрай внутри руководства Гоминьдана». Нетрудно догадаться, кто распускает эту клевету.

Через несколько дней — катастрофа! Полиция иностранного квартала в Шанхае арестовала 23 марта некоего Ин Гуэй-сина. Кто этот тип? Служащий китайской полиции в Шанхае. Устанавливается, что именно он и есть непосредственный организатор убийства Сун Цзяо-жэня. 24 марта схвачен на территории французской концессии в Шанхае и сам убийца — У Ши-ин. Обыск в квартире Ин Гуэй-сина дал потрясающие результаты. Найдено множество шифрованных телеграмм и писем, которые шли сюда, к Ину, от... предыдущего премьер-министра Чжан Бин-циня и секретаря кабинета министров Хун Шу-цзу. Что же было в этих документах? В них черным по белому сказано, что за убийство Сун Цзяо-жэня убийцам будет заплачено пятьдесят тысяч долларов. Суд международного квартала в Шанхае установил факт убийства и передал дело вместе со всеми найденными у преступников изобличающими материалами и документами китайским властям для суда. Это было в середине апреля. Суд положил дело под сукно. 25 апреля Сунь Вэнь обратился ко всей стране с воззванием, требуя, чтобы убийцы, как исполнители, так и скрывающиеся за кулисами, были привлечены к ответственности. Возбуждение в стране было столь сильным, что суд оказался вынужденным вызвать для допроса премьер-министра Чжан Бин-циня. Премьер, конечно, сказался «больным» и не явился, а Юань опубликовал заявление, в котором утверждал, что Ин Гуэй-син ни в чем не виноват. Неслыханная наглость! Сунь Вэнь считал,

что настало время начать открытую борьбу против Юаня под лозунгом «Вторая революция!». Его не поддержали собственные сторонники. Хуан Син тоже был против.

Расследование, проведенное по поручению парламента Чэн Дэ-цюанем, полностью подтвердило данные следствия.

Время шло. В парламенте болтали. Юань Ши-кай делал что хотел. Парламент выделил комитет для составления проекта новой конституции. Комитет заседал при закрытых дверях в Храме Неба. Принял решение: «Перья, чернильницы и записные книжки членов комитета подлежат вечному хранению». Какая-то детская игра!

Пока шло заседание, Юань закончил переговоры с иностранными банкирами о займе: он принял все их кабальные требования. В одно апрельское утро втайне от всех представители Юаня и банкиров собирались в помещении Гонконг-Шанхайской банковской корпорации на территории иностранного квартала в Пекине, чтобы подписать долгожданное соглашение. Вдруг открывается дверь, входит Ван Чжэн-тин, вице-президент сената, и объявляет, что сделка, которую господа собираются заключить, не будет иметь законной силы ввиду отсутствия представителей парламента. Все равно соглашение подписано. Через два дня сенат и палата депутатов большинством голосов принимают решение, объявляющее поступок правительства незаконным, а соглашение — не имеющим силу. Снова возникает серьезный кризис.

В этот момент появляется воззвание Сунь Вэня к стране и к иностранным державам. Страстный, искренний призыв к спасению китайского народа от новых бедствий. Суровое предостережение по адресу преступной клики Юань Ши-кай и его иностранных покровителей. Сунь Вэнь заявлял:

«Во имя и для блага человечества, я прошу вас использовать все свое влияние, чтобы предотвратить оказание банкирами денежной поддержки пекинскому правительству, которая, несомненно, будет использована для ведения гражданской войны.

В этот критический час я обращаюсь ко всем тем, кому дороги интересы человечества, помочь предотвратить ненужное кровопролитие и защитить моих соотечественников от жестокой судьбы, которую они ничем не заслужили!»

Этот призыв, полный заботы о народе и будущем страны, оказался гласом, вопиющим в пустыне. Империалисты уже приняли решение: усмирить китайскую революцию, ликвидировать ее завоевания, «навести порядок» в Китае. Они уже давно делали ставку на Юань Ши-кая. Пусть он задушит революцию! Ему дадут денег, ему окажут политическую поддержку.

26 апреля 1913 года банкиры пяти стран: Англии, Франции, Германии, Японии и царской России — выдали юаньшикаевскому правительству 25 миллионов фунтов стерлингов. Теперь Юань может начать войну!

Немедленно Ленин откликается статьей, разоблачающей заговор империалистов вкупе с Юанем против китайской революции. Он пишет в «Правде»:

«Новый китайский заем заключен *против* китайской демократии: «Европа» за Юань Ши-кая, готовящего военную диктатуру. Почему она за него? По случаю выгодного дельца. Заем заключен на сумму около 250 миллионов рублей по курсу 84 за 100. Это значит: буржуа «Европа» платят китайцам 210 млн.; а с публики они берут 225 млн. рублей. Вот вам сразу, в несколько недель, чистая прибыль в 15 миллионов рублей! Не правда ли, какая это в самом деле «чистая» прибыль?

А если китайский народ не признает займа? В Китае ведь республика и большинство в парламенте *против* займа?

О, тогда «передовая» Европа закричит о «цивилизации», «порядке», «культуре» и «отечестве»! тогда она двинет пушки и задавит республику «отсталой» Азии в союзе с авантюристом, изменником и другом реакции Юань Ши-каем!»

Ленин писал эту статью в горной деревушке Поронино, затерянной в Карпатах. Он видел далеко —

на много лет вперед. Мысль его неизменно обращалась к судьбам героического народа Азии, и он воспитывал российский пролетариат в духе понимания значения борьбы этого народа, в духе горячего сочувствия к нему.

Все произошло именно так, как предвидел Ленин.

Парламент объявил соглашение о займе незаконным. Со всех концов страны в Пекин летят протесты против новой кабалы, навязанной народу.

Но никто пока ничего не предпринимает. Сунь Вэнь видит, что лидеры Гоминьдана не решаются поставить вопрос ребром: хватит с нас Юань Шикай и его преступлений, долой его! И более других настаивает на «мирном разрешении» кризиса Хуан Син. 13 мая он заявил: «Считаю, что дело об убийстве Суна может быть разрешено только на основе права и что заем должен получить одобрение парламента». Чудовищно! Тем более что Юань вовсе не искал примирения с Гоминьданом, а жаждал его полного разгрома и уничтожения. Он теперь уверен в победе: у него солдаты и деньги!

Юань готов начать войну, его торопят хозяева, те, кто дал деньги.

Во французском официозе «Тан» 13 мая появляется официальное заявление правительства:

«Если, вопреки ожиданию, революционная агитация будет продолжаться и становиться еще более серьезной, Юань Ши-кай должен будет считать, что наступило время действовать. Деньги, данные ему взаймы, не только обеспечили его средствами, но сделали необходимым для него восстановить порядок, поскольку финансовая поддержка оказана только на том условии, что мир и порядок будут энергично сохранены. При данных обстоятельствах это есть самое лучшее, что могло бы произойти не только для занятого тяжелым трудом населения Китая, но и для многочисленных иностранцев, владеющих там собственностью».

Это был приказ действовать!

К 17 июня военные приготовления Юаня были за-

кончены. Он провел тайную мобилизацию и расположил войска на исходных позициях для наступления на Юг. Крепко держал в своих руках важнейшие рельсовые магистрали страны: линии Пекин — Ханькоу и Тяньцзинь — Пукоу и стратегический центральный узел страны Учань. В Южном Шаньдуне сосредоточены войска генерала Чжан Сиона, верного холопа маньчжуротов, а теперь Юаня. Он контролирует линию Тяньцзинь — Пукоу и может в любой момент двинуться на Нанкин. В тылу у него, в Цзинани, стоит готовая к бою 5-я полевая дивизия генерала Фын Гочжана. В Мачане находятся части 4-й полевой дивизии. Войска расположены и в Баодине, на железнодорожной линии Пекин — Ханькоу, в самом Пекине и в Маньчжурии. В резерве у него 1-я и 3-я дивизии. В Учане стоят войска Ли Юань-хуна. На них Юань тоже рассчитывает.

Разведка доносит ему о силах, имеющихся у Юга. Это переведенная в Нанкин 8-я полевая дивизия генерала Бо Вэнь-вэя, военного губернатора провинции Аньхуэй, несколько бригад военного губернатора провинции Цзянси — Ли Ле-цзюня. Слабые силы имеются в Гуандуне. Это все, что есть у Юга.

Юань подкупает командующего Шанхайской эскадры адмирала Цзэна. Теперь отпала опасность, что флот войдет в Янцзы и не даст войскам Юаня переправиться через реку.

С руководством Гоминьдана Юань отказывается разговаривать. Приказывает своему адъютанту: «Передайте этим лидерам, что я уже принял решение. Сунь Ят-сен и Хуан Син стремятся только к беспорядкам. Я не потерплю этого. Я их уничтожу!»

9 июля он наносит первый удар — объявляет о смешении военного губернатора провинции Цзянси Ли Ле-цзюня. Через пять дней новый приказ — увольнение военного губернатора провинции Гуандун Ху Хань-миня и военного губернатора провинции Аньхуэй Бо Вэнь-вэя. Все они члены Гоминьдана.

Руководство Гоминьдана готово пасть перед Юанем на колени и молить о «примирении».

В Шанхае собрались бывшие там гоминьдановские деятели. Сунь Вэнь категорически потребовал объявления Юаня, убийцы и нарушителя конституции, вне закона и организации против него карательной экспедиции, для чего необходимо поднять народ и мобилизовать все имеющиеся революционные вооруженные силы.

Хуан Син высказался против этих предложений. Единственно, что он считал нужным сделать, — это отправить предупреждение товарищам в Хубэй, чтобы они были начеку, но ничего пока не предпринимать. Он сказал:

— У нас нет снаряжения, денег, нас могут разбить. Но нас, вероятно, поддержат массы, и мы сможем разгромить все кругом и сделать невозможным для Юаня удержаться у власти. Я думаю, что это бесцельная и опустошительная борьба. И если мы будем вести ее до конца, она так разрушит и опустошит нашу чудесную страну, что после нашей победы она окажется в состоянии полного банкротства, перед угрозой невыразимого ужаса и раздела ее иностранными державами...

Сунь Вэнь вскочил:

— Значит, вы против восстания?

Не задумываясь, Хуан Син ответил:

— Поймите же, это безумие!

— Молчите! — прервал его Сунь Вэнь. — Вы ли это, Син? Что сделалось с вами? Куда делась ваша смелость? Увы, люди меняются! Я хочу напомнить вам, что еще в марте считал необходимым пойтивойной против негодяя, которого дураки и соглашатели сделали диктатором. Вы были против, Син, именно вы! Вы кричали, что нас разобьют. Но если это и случится, то не потому, что мы слабы, а потому, что среди нас нет единства... Я напомню вам совещание в вашем доме в Шанхае через пять дней после смерти Сун Цзяо-жэня. Вы тогда говорили, что республика создана и не следует пренебрегать законом. Вы были за то, чтобы «проявить хладнокровие», и советовали «добиваться законного решения...». Вы считали, что военная сила Юга недостаточна для ведения войны

против Севера и что, раз война начнется, она приведет нацию к катастрофе. Я и тогда не был согласен с вами, но вы не захотели слушать меня. Чего вы добились вашей тактикой оттяжек? В мае восстали наши товарищи в Сучжоу. Их разбили. А мы молчали. Юань выиграл еще два месяца, добился займа, подготовил свои силы. А что мы делали? Болтали о «праве» и «законности»! Огромное возмущение, охватившее страну в связи со злодейским убийством Сун Цзяо-жэня, постепенно спало. А мы продолжали болтать о «законе» и о «праве», как будто этот кровавый пес Юань боится «закона» и «права»! Не закон прогонит этого преступника, а восстание, немедленное восстание, ибо мы упустили массу времени. А теперь вот что: если вы отказываетесь стать во главе революционных войск, готовых к восстанию в Нанкине и ждущих только приказа, тогда я сам отправлюсь в Нанкин и стану во главе армии. Довольно болтать! Довольно! — Сунь Вэнь хлопнул ладонью по столу. — Нельзя допустить, чтобы революция была опозорена нашим бездействием.

Хуан Син сидел, сжав голову руками. Молчал. Потом встал и глухо проговорил:

— Хорошо, я еду в Нанкин. Сунь Вэню ехать туда нельзя. У него нет военного опыта, военные дела не по его части, и какая-нибудь одна ошибка приведет к ужасным последствиям...

Сунь Вэнь с трудом сдерживал свое негодование. Неслыханно! Син делает ему одолжение! Разве можно верить, что он будет сражаться как следует? Но и раздоры создавать теперь, перед лицом общего врага, не нужно.

— Поезжайте, — сказал Сунь Вэнь — А Ли Лецюню необходимо сейчас же телеграфировать, чтобы объявил войну Юаню.

12 июля восстали части 8-й дивизии в Нанкине. В тот же день военный губернатор провинции Цзянси Ли Лецюнь объявил «карательный поход» против Юань Ши-кая. Цзянси отделилась от Пекина. За ней

последовали провинции Цзянсу, Аньхуэй, Гуандун, Фуцзянь, Хунань и Сычуань. Во всех этих провинциях восстали революционные войска и были созданы органы революционной власти. Революционное восстание вспыхнуло в провинции Шэньси, на Севере, недалеко от Пекина.

«Вторая революция» началась. От имени восставших провинций Сунь Вэнь направил послание Юань Ши-каю с требованием, чтобы тот подал в отставку.

«Только вы один, — писал Сунь Вэнь, — ответственны за случившееся, а отнюдь не народ. Народ теперь питает к вам такую ненависть, что готов пожертвовать тысячи жизней ради вашего падения. Единственный путь для вас — отставка!»

Революционеры не скрывали, что если Юань не уйдет по-доброму, они сделают все возможное, чтобы сбросить его силой.

Из-за границы приходили благоприятные для Юаня вести.

Газета «Нью-Йорк таймс» писала:

«Нынешнее так называемое восстание — это попытка неудовлетворенных политиков и искателей теплых местечек силой завладеть властью. Остальной мир может только приветствовать Юань Ши-кяя. У него тяжелая рука, но в Китае еще не наведен порядок, и он еще не созрел для самоуправления. Поэтому путь Юаня более мудрый и безопасный. В этих условиях победа Юань Ши-кяя желательна в интересах мира во всем мире!»

Пекинский диктатор получил, таким образом, благодарность за службу, и ему намекнули, что он может удушить республику, поскольку Китай для «самоуправления» еще «не созрел».

Юань хорошо понимал, что Запад за него.

12 июля он издал приказ по своим войскам о начале наступления на Юг. Подавив восстание в Шэньси, он с небывалой жестокостью расправился с его участниками. Сотни революционных бойцов были рас-

стреляны, обезглавлены, задушены. Тысячи брошены в застенки.

Главный удар Юань Ши-кай наносит против Цзянси, где находится Ли Ле-цзюнь с наиболее сильной группировкой революционных войск — полторы-две дивизии. Против нее Юань направляет войска вице-президента Ли Юань-хуна из района Учана и свои войска (25 тысяч человек), переброшенные с Севера. В Цзянси почти два месяца шли жестокие бои. Войска Ли Ле-цзюня упорно сражались, но силы неравные, постепенно революционные части оказались оттесненными в горные районы провинции, где и рассеялись. Цзянси была потеряна. Отсюда контрреволюционные банды Юаня проникли в провинцию Хунань и покорили ее. Вскоре в провинцию Гуандун вторглась 20-тысячная армия Юаня под командованием генерала Лу Цзи-гуана, бывшего бандита, прозванного за совершенные им зверства «палачом Кантона». Революционная власть была уничтожена карательми Юаня во всех других восставших провинциях.

Сильные бои шли на подступах к Нанкину. Банды Чжан Сюня предавали все огню и мечу. Солдатня убивала, грабила, жгла. Повторились все ужасы маньчжурских «усмирений». Но Нанкин держался. Вдруг 28 июля внезапно исчез главнокомандующий и верховный комиссар Хуан Син. Это было бегство с поля битвы.

Нанкин пал 2 сентября. Восстание против Юаня повсеместно подавлено с невиданной свирепостью. Захваченные провинции Юань роздал генералам, ставшим полными хозяевами в своих новых вотчинах, а провинциальные собрания разогнал. Сразу после прихода Юаня к власти возрождается в Китае тип милитариста-грабителя, некоронованного властелина с неограниченной властью над жителями одной или нескольких провинций. Юань восстановил наместничества. Теперь они назывались генеральными инспекторствами. Их было девять, как и при маньчжурах. За ними сохранились старые границы.

Феодалы, компрадоры и реакционные слои либералов были за Юаня, обещавшего «порядок» и «за-

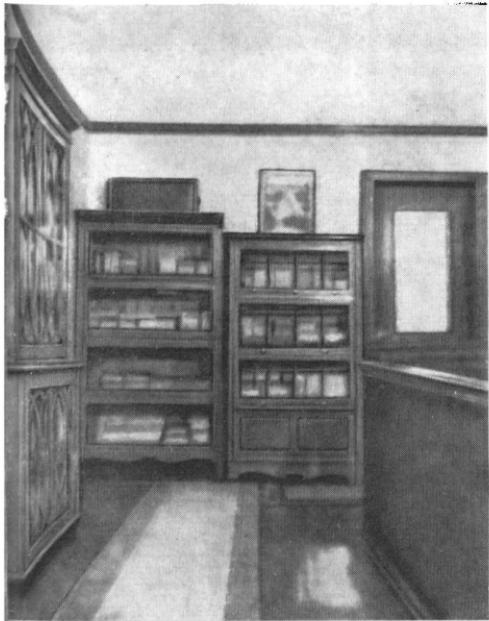
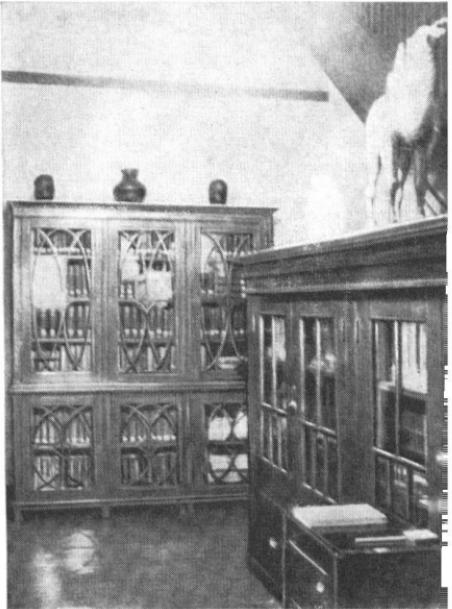
конность». Массы не поднялись. Они были разочарованы Гоминьданом: землю не дали, положение народа не облегчили. Революционная волна пошла на убыль. «Вторая революция» погибла.

В начале августа Сунь Вэню, за которым охотились ищёйки Юаня, пришлось покинуть Китай. Куда ехать? Снова направился в Японию. Не хотели разрешить сойти с парохода. С трудом упросил он японские власти дать ему пристанище. Предоставили, взяв, однако, с него обязательство «сидеть тихо» и «не заниматься политикой». Вместе с Сунь Вэнем прибыла в Японию его бывший секретарь для связи Сун Айлин. Она приехала в Японию по личным делам — выходила замуж за известного китайского финансиста Кун Сян-си. Работать секретарем у Сунь Вэня она больше не могла. «Но, — сказала она, — если вам нужна помощница, то я охотно порекомендую мою сестру. Она вернулась из Америки, где окончила институт, и прекрасно знает английский язык». Сунь Вэн выразил согласие.

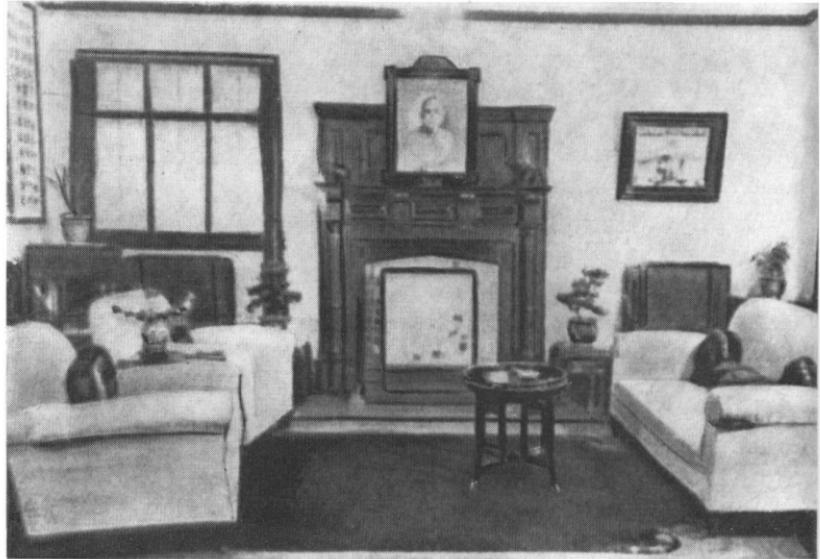
5. Мрак и свет

Никогда еще не было так тяжко, как в эти осенние месяцы 1913 года. Поражение можно объяснить. Пережить его все равно трудно.

Тяжело видеть развал и разброд в революционном лагере! Гоминьдан распался на группы и клики. Когда Юань Ши-кай приказал руководителям партий исключить из ее рядов Сунь Вэня, Хуан Сина и многих других противников диктатора, они безропотно подчинились... Позор! Теперь все подлецы выступили без маски. Этот Чжан Бин-линь сразу же переметнулся на сторону Юаня. А Чжу Чжао-синь и Ван Чжунхай просто продались юаньшикаевскому правительству — получили высокие посты. Холопами Юаня застадались и другие, например Сунь У и Ху Ин из Учана. И еще много случаев предательства и дезертирства можно припомнить. К чему? Самое главное — Гоминьдан оказался партией политикаствующих болтунов, а не партией революционных бойцов.

Библиотека
Сунь Ят-сена.

Гостиная Дома-музея.

Колеблющуюся позицию занимает Хуан Син. Он и сейчас склоняется к политике «мирных решений». В последнем разговоре Хуан Син требовал «смягчения борьбы» против Юаня. Он сказал тогда: «Не прогоняйте тигра, чтобы впустить волка». Волком Хуан Син считал Японию. Выходило, будто Юань борется с Японией и поэтому его не следует слишком критиковать. Глупо! Нет, эти люди положительно не хотят понять, что необходимым условием защиты Китая от иностранных агрессоров является свержение Юаня и всей его камарильи.

Настали трудные времена. Первую эмиграцию с ним делили верные друзья юношеских лет, храбрые, скромные, преданные делу, настоящие товарищи. Сейчас не то. Единственno, кто действительно честен и смел, — это Ляо Чжун-кай. И его милая жена Хэ Сян-нин. Остальные...

Всем живется очень плохо. Нужда среди эмигрантов прямо-таки отчаянная. Многие пытались устроиться в Сингапуре, где имеется многочисленная китайская колония. Английские власти запретили въезд туда. Приходится наниматься в сторожа, перебиваться стиркой белья. Некоторые стали разводить кур.

Пытался Сунь Вэнь восстановить старые связи с китайцами, живущими в странах Юго-Восточной Азии, но безуспешно. Китайское купечество было в массе своей на стороне Юаня. Им нравилось, что тот наводит «порядок» и усмиряет «бунтовщиков». Сунь Вэня встретили холодно. Пришлось ни с чем возвращаться в Токио.

Живет Сунь Вэнь одиноко и тихо. Редко выходит, навещает знакомых японских общественных деятелей, пишет...

Но он не теряет надежды. В этом замечательная черта его характера. Не теряет веру в революцию, в неминуемую ее победу, в народ.

Что его занимает больше всего? Нужна новая революционная партия. Еще до учанского восстания

он, выступая на одном собрании единомышленников китайцев в Америке, говорил о том, что Объединенный союз следует реорганизовать в Революционную партию Китая. Он тогда же набросал проект устава такой партии. В чем должно состоять основное отличие ее от союза? Союз был федерацией разных организаций, объединенных лишь ненавистью к маньчжурской монархии и не признававших общей дисциплины, а Революционная партия должна стать единой партией с железной дисциплиной, единым руководством, которому члены партии должны подчиняться безоговорочно. И вот теперь пришло время такую партию создать.

Из Китая шли горестные известия. Юань заставил парламент избрать его постоянным президентом еще до принятия новой конституции. Вице-президентом остался Ли Юань-хун.

Парламент ему мешал. Придравшись к какому-то выступлению депутатов от Гоминьдана, Юань произвел государственный переворот. 4 ноября 1913 года издал эдикт о роспуске партии Гоминьдан и об аннулировании ее мандатов. Поводом для этого послужило выдуманное обвинение в том, что Гоминьдан «подготовлял заговор».

В этот же день Сунь Вэнь объявил об организации новой партии, названной им Чжунхуа Гэминдан — Революционной партией Китая.

Новая партия резко отличалась от Гоминьдана, бесславно прекратившего свое существование. Она представляла собой строго законспирированную революционную организацию. Основой программы партии были «Три народных принципа» Сунь Вэня и его учение о революционной диктатуре.

Новым уставом вводилась присяга на верность Сунь Вэню. Против этого нововведения запротестовали некоторые его старые соратники. Так как Сунь

Вэнь отказался уступить, то они воздержались от вступления в партию. Но Сунь Вэнь твердо отстаивал новый устав.

Цель, которую Сунь Вэнь хотел достигнуть введением присяги, он объяснил в письме от 18 апреля 1914 года:

«Во время учанского восстания 1911 года и «Второй революции» члены нашей партии не действовали в единении, а выступали независимо друг от друга, вразброда. Недостаток дисциплины был причиной нашей неудачи. Я говорю об этом и потому, что в период нанкинского временного правительства я хотя имел честь быть президентом, но в действительности был лишь марионеткой. Я ничего не мог решать. Когда Юань Ши-кай добивался президентского поста, я решительно выступал против удовлетворения его требования. Но мои товарищи упрекали меня в том, что я препятствую переговорам. Я настаивал, чтобы столица была сохранена в Нанкине и чтобы Юань непременно находился в Нанкине. Моя линия оспаривалась моими товарищами. Когда доказательства в деле убийства Сун Цзяо-жэня были раскрыты, я выступил за войну против Юаня, но Хуан Син не согласился. Из-за оттяжки мы потерпели поражение. Вот почему до тех пор, пока товарищи не обяжутся послушанием мне, революционное дело будет обречено на неудачу...»

Был ли Сунь Вэнь прав? В какой-то мере он, безусловно, был прав, в Гоминьдане действительно царил идейный и организационный разброс. Однако не во всем был он прав. Единство действия и дисциплина в революционной партии не могут основываться на слепом повиновении одному лицу.

Организация Гэминдана шла очень медленно. Учредительное собрание могло состояться в Токио только в июне 1914 года.

Так или иначе, но партия была создана. Партия была небольшая, последователей в Китае у нее было мало, работа ее развертывалась с трудом. Заметного влияния на положение в стране она не оказывала.

Вот в это тяжелое время в личной жизни Сунь Вэня произошла большая перемена.

В Токио приехала сестра Сун Ай-лин.

Сунь Вэнь, открыв однажды дверь и увидев на пороге незнакомую девушку, сразу понял, что это, вероятно, и есть средняя из сестер Сун. Поговорив с Цин-лин, понял, что она хорошо знает, какие трудности ожидают ее в чужом городе, где почти нет знакомых и друзей, на работе, которая требует выдержки, смелости, стойкости, презрения к невзгодам, в том числе к невзгодам жизни.

А жизнь в Токио была для революционных эмигрантов из Китая в то время необычайно трудной. Звезда Юаня стояла высоко. Он не просил, как маньчжуры, он требовал, чтобы китайских «бунтовщиков» всячески ущемляли, ограничивали, выживали из Японии. Они ничего не должны были там издавать, не имели права передвигаться по стране, за ними зорко следила полиция. Агентов-провокаторов Юаня тоже хватало.

Выдержит ли эта девушка трудности эмигрантской жизни?

Она помогала Сунь Вэню. Переводила его послания на английский язык, делала обзоры газет, составляла досье.

Он еще не обмолвился ни одним словом о своих чувствах. Но оба уже понимали, что любят друг друга. Она хотела, чтобы их жизни были связаны на всегда, и первая сказала ему об этом. Но у него же семья: жена и двое взрослых детей! Его старшая девочка умерла. Сын — Сунь Фо и дочь — Сунь Ань жили с матерью. Значит, нужен развод. Лю поняла, что лучше не настаивать на сохранении брака, который давно был фикцией. Она согласилась на развод и вместе с дочерью переехала в Макао. Сунь Фо остался с отцом.

25 октября 1915 года в Токио состоялось бракосочетание Сунь Вэня и Сун Цин-лин.

Страна переживала пору глубоких потрясений. В начале января 1914 года Юань разогнал парламент, вернее, то, что от него еще оставалось, и начал откры-

то подготовлять восстановление монархии и свое вступление на императорский престол. 11 декабря 1915 года, в разгар первой мировой войны, Юань был провозглашен императором, причем девизом годов своего правления этот пройдоха избрал «Хунсянь» — «Эра всеобъемлющего закона». Но занять «Трон дракона» ему не удалось. От самозванного императора отреклись многие виднейшие его приспешники. В конце декабря против узурпатора поднялись провинции Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Гуанси, Фучзянь, Хунань.

Сунь Вэнь был отлично информирован о том, что творилось на родине. И он полон оптимизма. 18 января 1916 года он пишет миссис Кентли в Лондон: «Вопреки всем препятствиям и преградам на нашем пути, я уверен, что мы добьемся успеха в скором времени, гораздо скорее, чем можно предположить». Его уверенность оправдалась быстро и точно. Пришла весть о восстании в Шанхае и о свержении власти Юаня в этом крупнейшем деловом центре Китая. Восставшие обратились к Сунь Вэню с просьбой вернуться в Китай. В апреле он выехал в Шанхай, откуда вскоре раздался его призыв к народу: «Наступило время всеобщей борьбы за спасение родины». Восстание охватило всю страну. Началась, как тогда говорили, «Третья революция». Юань понял, что проиграл. Стал бить отбой. Отказался от престола и назначил «законное правительство» во главе с одним из своих прихвостней — генералом Дуань Ци-жуем. Восставшие провинции не обратили никакого внимания на эти уловки Юаня и образовали в Кантоне отдельное правительство.

Конец Юаня наступил быстро. 25 мая он публично «покаялся» в своих преступлениях, а 6 июня внезапно испустил дух, успев перед смертью назначить своим преемником на посту президента Ли Юань-хуна, а вице-президентом генерала Фын Гочжана. Фактически власть оказалась в руках нескольких клик северных милитаристов — чжилийской, аньфуистской, фынтяньской. Началась «государственная карьера» Дуань Ци-жуя, У Пей-фу, Цао Куня,

Чжан Цзо-линя и других продажных генералов. На Юге орудовали местные милитаристы — гуандунские, гуансийские, юньнаньские. Но там был шире размах народного движения. За шесть лет Юг провел три революционные войны и две из них выиграл. В основном Юг решил судьбу маньчжуротов и сверг Юаня.

После смерти Юаня в Пекине наступает длительная министерская и президентская чехарда. Вначале правит Ли Юань-хун. 1 августа 1916 года он созвал парламент, избранный в 1913 году и разогнанный Юанем. Южное правительство объявляет о своем самороспуске. Китай名义上 снова единая республика. Сунь Вэнь понимал, что все это именно только名义上, ибо различные милитаристские клики, действующие в интересах борющихся между собой империалистических держав, будут противодействовать объединению Китая.

Сунь Вэнь жил в Шанхае. Отсюда он внимательно следил за ходом событий в стране и за ее границами. Здесь он узнал о том, что 31 октября 1916 года в Кантоне внезапно скончался от внутреннего кровоизлияния Хуан Син. Сунь Вэнь в обращении к общественности отметил заслуги покойного перед китайским народом.

...Прошла осень, проходит душная шанхайская зима. Тяжко. В стране тяжко. Вспоминается столь же душный осенний день в Кантоне накануне организации Союза возрождения Китая. Приходится все начинать сначала.

Наступает весна 1917 года. Неожиданно потрясающая весть из России. Революция! Свергнута монархия. Среди шанхайских демократов ликовение. Собираются, обсуждают. Изменится ли теперь политика России на Дальнем Востоке?

Демократические организации в Шанхае послали приветствие Временному правительству. Ответа не последовало. Милюков, князь Львов, Керенский не собирались менять курс дальневосточной политики

России. На Временное правительство и партии, которые его поддерживали, китайские демократы не могли рассчитывать. Отсюда нельзя было ждать помощи.

А тут еще в Пекине начинается сложная интрига с целью втянуть Китай в войну на стороне Антанты. Правительство Дуань Ци-жуя оптом закупается японцами и по поручению из Токио порывает отношения с Германией и Австро-Венгрией. Парламент не желает дать согласия на объявление им войны. Тогда милитаристы устраивают бунт, и перетрусивший президент Ли Юань-хун разгоняет парламент. Наступает хаос, чем пользуется генерал Чжан Сюн и, введя в Пекин свои войска, объявляет о реставрации Цинской династии и о восстановлении Пу И на престоле! Фантасмагория эта проваливается тут же. С президентского кресла слетает также и Ли Юань-хун. Его место занимает вице-президент генерал Фын Го-чжан. Совместно с Дуанем он на скорую руку «исправляет» конституцию и созывает «свой» парламент, который послушно утверждает решение о вступлении Китая в войну. А южные провинции — Гуандун, Гуанси, Юньнань, отделившиеся от Пекина еще при жизни Юань Ши-кая, ведут независимую политику. Они образовали Федерацию автономных провинций Южного Китая и пригласили Суня в Кантон.

«Единая республика» оказалась фикцией.

6. На Юг!

В Шанхае собрались многие депутаты парламента 1913 года, разогнанного в начале 1914 года Юань Ши-каем, созванного в августе 1916 года, после смерти диктатора, и вновь разогнанного 10 июня 1917 года Ли Юань-хуном по требованию северных милитаристов. Шанхай был тогда важным центром демократических сил Китая. Здесь находились революционно-демократическая группа Сунь Вэня и его товарищей, Центральная студенческая федерация, рабочие союзы и социалистические кружки молодежи. Депутаты разогнанного парламента собирались на совещания,

обсуждали создавшееся положение. Из Кантон прибыли в Шанхай представители тамошних политических группировок. Совещались, но ничего не могли решить.

Для Сунь Вэня опять настала пора решительных действий. Он заявил депутатам, что совещания в Шанхае бесполезны. Необходимо собраться в Кантоне, созвать там Чрезвычайный парламент и избрать правительство — «военное правительство», подчеркнул он, которое начнет борьбу за восстановление конституции и укрепление республики.

Но нельзя ехать в Кантон «с пустыми руками». Нужны военные силы. Где их взять? Север был в руках милитаристских клик. Долина Янцзы в значительной мере контролировалась ими же. Революционных войск в Китае тогда фактически не существовало. Только среди матросов экипажей кораблей Шанхайской эскадры флота еще сохранились революционные группы, связанные с массой рядовых моряков. Нельзя ли привлечь флот к походу в Кантон? Эта идея понравилась Сунь Вэню. Тем более что бывший морской министр адмирал Чэнь Би-гуан (член Гоминьдана) прислал телеграмму, обещая полную поддержку. Когда Чэнь Би-гуан прибыл в Шанхай и вступил в командование эскадрой, он сообщил Сунь Вэню, что ждет его приказаний. Сунь Вэнь дал указание готовить эскадру к походу в Кантон.

...21 июля 1917 года. Чуть брезжит рассвет над рекой Хуанпу. Шанхай еще спит. На кораблях китайской эскадры заметно движение. Из труб поднимается дым. Разводят пары. От берега мчится катер под флагом командующего. Подходит к флагманскому кораблю — эсминцу «Хай Цзи». На борт корабля вместе с адмиралом поднимается кто-то еще в гражданском платье. Это Сунь Вэнь. С ним несколько друзей. Когда начинается прилив, с мостика «Хай Цзи» передается сигнал: «С якоря сниматься, следовать за мной!» Корабли трогаются с места и медлен-

но вытягиваются в кильватер друг другу. На стоящих невдалеке на якоре иностранных военных кораблях тоже заметно оживление, они обмениваются сигналами, потом запрашивают китайцев: куда те держат путь? Ответ китайского адмирала не отличается ясностью: «В море».

Корабли китайской эскадры несколько увеличивают ход. В кильватер эсминцу «Хай Цзи» идут еще два эсминца, два миноносца и три мореходные канонерские лодки. Это лучшие корабли китайского флота. Эскадра проходит мимо фортов Усуня и вступает в устье Янцзы. Это уже почти море — ширина реки достигает здесь около сорока километров, но глубина фарватера незначительная, поэтому штурманам приходится «глядеть в оба». Войдя в правый рукав — ширина его 10—25 километров, — эскадра поворачивает на юг, выходит в океан и ложится на новый курс. Скорость увеличивается. Корабли идут кильватерной колонной, гордо неся флаг республики — пятицветный флаг Китая.

Они идут на юг. В Кантон.

Часть III. ПЛАМЕНЕЮЩИЙ ГОРИЗОНТ

ГлавА СЕДЬМАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГУАНДУН

1. Еще один урок

Переход из Шанхая в Кантон продолжался четверо суток. 25 июля эскадра адмирала Чэнь Би-гуана подошла к входу в устье Жемчужной реки и, осторожно лавируя по фарватеру, занесенному песком и илом, поднялась к внешнему порту Кантона у острова Вампу, где стала на якорь. Сунь Вэнь и товарищи, сопровождавшие его, перешли на канонерскую лодку «Юн Фын», которая тотчас же двинулась дальше, вверх по реке, и пришвартовалась в центре города, недалеко от Восточного вокзала, среди сотен сампанов. Прибывших встречали представители местных властей, военного командования и большая толпа народа.

Вот они снова в Кантоне. Город не изменился. Те же узкие улицы-коридоры тесно застроенных кварталов Старого города. Как и раньше, над ним возвышаются мрачные четырехугольные башни без окон. Не тюрьма и не крепость — старинный ломбард. Окраины по-прежнему утопают в зелени и в грязи. Лучшая часть городской территории — остров Шамян — захвачена иностранцами. Здесь их концессия. Сады, просторные улицы, богатые особняки, рослые полицейские, гарнизон из моряков. Это, говорят иностранцы, не Китай, а Запад.

Кантон — город особенный. Город революции. Город надежды. Сунь Вэня всегда влекло к нему. И сейчас, отправляясь в Кантон, он полон ожиданий. Сюда прибывают депутаты парламента, облеченные доверием народа, который их выбирал. То, что прислужник милитаристов, Ли Юань-хун, бывший самозванный президент, распустил законно избранный парламент и отнял у депутатов возможность выполнять обязанности в Пекине, вовсе не лишило их прав. Они могли заседать где угодно. Они будут заседать в Кантоне!

Депутаты собрались на распорядительное заседание. Выяснилось, что кворума нет. Тогда и постановили объявить съехавшихся парламентариев Чрезвычайным парламентом, созванным для «восстановления и защиты конституции». Губернаторы южных провинций — Гуандуна, Гуанси, Гуйчжоу и Юньнани — опубликовали заявление о непризнании ими правительства аньфуистов — японских ставленников в Пекине. 25 августа открылась чрезвычайная сессия парламента и по предложению Сунь Вэня избрала независимое от Пекина военное правительство «для защиты конституции». 1 сентября сессия утвердила Сунь Вэня генералиссимусом — главнокомандующим всех военно-морских и сухопутных военных сил Китайской Республики. Сун Вэнь не стал откладывать борьбу с северными милитаристами. 7 октября он призвал народ к восстанию против предательской политики Дуань Ци-жуя — лакея японских империалистов, и объявил «президента» Фын Го-чжана изменником. В тот же день начался Северный поход — война Юга против Севера.

Южные армии успешно вели наступление в провинциях Хунань и Фуцзянь — в Центре и на Востоке. Войска северных милитаристов терпели поражения. Операции южных армий вызвали переполох в Пекине. Там заговорили о «перемирии». Немедленно Сунь Вэнь, как верховный руководитель Южного правительства, разослал по телеграфу обращение к стране о необходимости восстановления временной конституции 1912 года и парламента, избранного

в 1913 году, чтобы создать правовую базу для мирных переговоров между Югом и Севером.

Однако скоро Сунь Вэнь понял, что возглавляемое им правительство служит лишь ширмой для южных милитаристов, не имеющих серьезных намерений бороться в защиту конституции. Реальная власть на Юге находилась в руках генерала Лу Юн-тина, командующего войсками Гуандуна и Гуанси и его клики. Сунь Вэнь располагал только эскадрой адмирала Чэн Би-гуана. Других военных сил у него не было. Правда, он мог рассчитывать на поддержку масс, части интеллигенции и прессы. К сожалению, массы оставались вне поля его зрения. Положение Сунь Вэня затруднялось тем, что в правительстве не было единства. Лу Юн-тин и его приспешники сотрудничали с Сунь Вэнем по очень простой причине: они враждовали с Дуань Ци-жуем. Во всем остальном они были типичными милитаристами, грабили местное население, посадили в государственный аппарат своих людей — взяточников и вымогателей¹. С целью упрочить свое положение Лу Юн-тин подкупил председателя Чрезвычайного парламента У Цзин-ляня. В парламенте образовалась «фракция Лу», начавшая борьбу против Суня.

Положение Сунь Вэня в Кантоне стало неустойчивым. Вместе с ним находились на Юге Ляо Чжункай, Чжу Чжи-синь, а также Ван Цзин-вэй и Ху Ханьминь. Ляо занимался финансами, Чжу — пропагандой и организацией революционных войсковых частей (Добровольческий корпус). Ван Цзин-вэй и Ху Ханьминь формировали Гуандунскую армию, командующим которой был назначен Чэн Цзюн-мин, ничем не отличавшийся от обычного милитариста. В заместители ему дали Дэн Гэна и Сюй Чун-чжи. Как показали последующие события, действительно верными

¹ Политическим лидером гуандунских и гуансицких милитаристов был генерал Чэн Чунь-сюань, бывший императорский наместник Лянгуана. К южным милитаристам принадлежали, помимо Лу Юн-тина, Моу Жун-синь, Вэнь Цзун-яо и другие. Их армии рекрутировались из бандитов, бродяг, уголовников. Самая сильная армия была у Лу Юн-тина.

сторонниками революции и последователями Сунь Вэня были тогда лишь Ляо Чжун-кай и Чжу Чжи-синь.

Пока шла война с северными милитаристами, генерал Лу завязал тайные переговоры с пекинским «президентом» Фын Го-чжаном из проамериканской чжилийской военной клики, которого Лу был готов признать главой государства, если тот заплатит. Интересы Фына и южных милитаристов сходились в одном пункте — ненависть к Дуань Ци-жую — ставленнику японцев. Фын Го-чжан был готов заплатить южным милитаристам, но выставил свое условие: разрыв с Сунь Вэнем. Южные генералы согласились. При посредстве «своего» председателя парламента, заседавшего в Кантоне, они в мае 1918 года внесли на утверждение проект «реорганизации»: упразднение поста генералиссимуса и превращение правительства в Государственный совет — своеобразную директорию в составе семи «директоров» — четырех милитаристов и трех гражданских лиц. Одновременно генерал Лу Юн-тин, чтобы обезглавить революционную эскадру, велел своим наемникам убить адмирала Чэнь Би-гуана, преданного Сунь Вэню. Это преступление окончательно сделало невозможным какое бы то ни было сотрудничество с южными милитаристами. Сунь Вэнь порвал с ними и в июле 1918 года покинул Кантон. Вместе с ним уехали Ляо Чжун-кай, Чжу Чжи-синь, Ван Цзин-вэй и Ху Ханьминь. Чэнь Цзюн-мин и Сюй Чун-чи остались в Гуандуне. Сформированные по приказу Сунь Вэня южнокитайские части поступили под их командование.

Сунь Вэнь покинул Юг и возвратился в Шанхай. Он хорошо понимал, что потерпел еще одну неудачу. Южные милитаристы и кантонские купцы, связанные с английским капиталом и его форпостом в Южном Китае — гонконгскими банками и фирмами, — сумели выжить его из Кантона. Уезжал он в подавленном настроении. Знал, что в Шанхае у него не будет спокойного пристанища. Английские власти

в Шанхае не разрешили ему поселиться на территории Международного сettльмента (квартала), жить в китайской части Шанхая было опасно: друзья предупредили, что северные милитаристы намерены расправиться с ним при помощи наемных убийц. Положениеказалось безвыходным. Но Сунь Вэнь решил, что ни в коем случае из Китая не уедет: будь что будет! Друзья установили собственную охрану в доме (на французской концессии), где поселился Сунь Вэнь.

Вот тогда и поползли слухи о том, что Сунь Вэнь «потерял надежду».

2. Вести из России

Знал ли Сунь Вэнь о том, что еще восемь месяцев назад в России победила социалистическая революция? Знал ли о том, что русские рабочие, крестьяне и солдаты под руководством партии большевиков свергли буржуазное Временное правительство? Знал ли о том, что Второй съезд Советов избрал рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров и что во главе нового правительства стоит Ленин?

Китайские газеты сообщили о победе Октября в России 10 ноября 1917 года. Правда, сведения, поступавшие из Петрограда, были отрывочные, смутные, профильтрованные буржуазными агентствами, и по этим сведениям, вероятно, было очень трудно представить себе, что же именно произошло в России. Буржуазная пресса вопила на весь мир о том, что большевики установили в России режим «красного террора» и конфискуют имущество частных лиц.

В это время Сунь Вэнь находился в походе. Он вел войска на Север. Едва ли ему доставлялись газеты в те захолустные деревушки, через которые проходила армия. Фактически он был отрезан от источников информации.

Но как только Сунь вернулся в Шанхай, он накинулся на газеты, и из многочисленных сообщений, пусть даже пропитанных враждой к Советской рес-

публике, мог все же составить представление о грандиозном повороте в ходе мировой истории.

Сунь Вэнь узнал об историческом документе, в котором были выражены принципы мирной политики Социалистической Советской Республики: Декрете о мире, принятом Вторым съездом Советов 8 ноября 1917 года. В этом документе провозглашалось, что советская власть предлагает всем народам мира — «мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций». Для всех народов, а особенно для угнетенных империализмом народов Востока, призыв к справедливому миру и освобождению от чужеземного гнета прозвучал как предвестник избавления от цепей империалистического рабства.

Сунь Вэнь прочитал о революционных событиях в Харбине и в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, где работало много русских, о том, что 12 декабря 1917 года Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов взял в свои руки управление дорогой и власть в полосе отчуждения и прогнал самозванного управляющего, белогвардейского генерала Хорвата и его бандитов. Иностранные консулы потребовали вмешательства китайских властей. Военный губернатор Гиринской провинции занял своими войсками Харбин и КВЖД, разоружил Красную гвардию и распустил Совет. Но Харбин продолжал бурлить. Вдоль всей магистрали империалисты расставили свои войска, оккупировав северную часть Маньчжурии. Начались репрессии и против китайских рабочих. Фактически складывался общий боевой фронт русских и китайских трудящихся.

4 июля 1918 года на Пятом съезде Советов народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин выступил с докладом о внешней политике Советской Республики. И в этом докладе много места отведено Китаю. Г. В. Чичерин сказал:

«Мы уведомили Китай, что отказываемся от захватов царского правительства в Маньчжурии и восстанавливаем суверенные права Китая на той тер-

ритории, по которой пролегает важнейшая торговая артерия, — Восточно-Китайская железная дорога, собственность китайского и русского народов, поглотившая многие миллионы народных денег и потому принадлежащая только этим народам и никому более. И даже дальше, мы полагаем, что если часть вложенных на постройку этой дороги денег русского народа будет ему возмещена Китаем, Китай может ее выкупить, не дожидаясь сроков, обусловленных навязанным ему силой контракта. Мы отзовали из Китая все военные охраны при консульствах, посланные туда царским правительством и правительством Керенского для поддержания самочинств и произвола старых русских чиновников. Мы согласны отказаться от прав внеземельности¹ наших граждан в Китае, Монголии, Персии. Мы готовы отказаться от тех контрибуций, которые под разными предлогами были наложены на народы Китая, Монголии и Персии прежним русским правительством. Мы бы только хотели, чтобы эти миллионы народных денег пошли на культурное развитие народных масс и на дело сближения восточных демократий с российской».

И далее Г. В. Чicherin говорил о влиянии, оказанном Октябрьской революцией на народы Востока.

«Понятно, — сказал он, — какое впечатление произвела на народные массы Востока Октябрьская революция. События в России прежде всего нашли回 звук у наших азиатских соседей. Великий переворот пробудил в них стремление к новой, свободной жизни. И этого не могли скрыть от нас даже официальные представители капиталистического правительства. Та партия, которая совершила переворот в России, именуется в Китае партией широкого гуманизма (Гуанидан)... В Южном Китае с населением более сознательным бушует уже открытая революция, и мы еще на днях слышали признание руководителей этого движения, что один факт существова-

¹ Так называемое «право экстерриториальности» — особые права иностранных подданных в Китае.

вания в России в течение восьми месяцев социалистической республики дает народам Востока уверенность в возможности установления на Востоке подобного же нового, прочного строя. И там, на Дальнем Востоке, идет та же борьба против навязанных народу тайных договоров. Открытое заявление Южного Китая о непризнании им недавнего союза с соседней державой¹, союза, лишившего китайский народ права решать свою судьбу, союза, который непреодолимо влечет китайский народ в кровавую бойню, — это открытое заявление вручено нам и всем демократиям мира представителями революционного Китая».

Враги народов Советской России и Китая не дремали. Заправилы империализма были в ужасе от одной мысли, что обе великие страны поведут рука об руку борьбу за национальную свободу и социальный прогресс. Империалистическая дипломатия решила построить между Китаем и РСФСР стену из штыков. Началась вооруженная интервенция Японии, США, Великобритании, Франции и некоторых более мелких государств на Советском Дальнем Востоке.

5 апреля 1918 года японцы высадили десант во Владивостоке. Туда же прибыли английские и американские войска. Японское военное командование постепенно довело численность своей оккупационной армии до ста пятидесяти тысяч человек, расставило свои гарнизоны по всему Советскому Дальнему Востоку; совместными усилиями интервенты захватили контроль над полосой отчуждения КВЖД, а также над Сибирской магистралью, приступили к организации белогвардейских банд. Между интервентами шла грызня, но это нисколько не влияло на их общее стремление задушить Советы в Приморье, в Забайкалье, в Сибири — везде, по всей России.

Дуань Ци-жуй оказался весьма любезным другом русских белогвардейцев. Весной 1918 года в Пекин съехались белые генералы. Туда из США прибыл

¹ Имеется в виду антисоветский сговор Японии и Дуань Ци-жуя 16 мая 1918 года об участии в интервенции китайских войск.

адмирал Колчак. И 16 апреля было объявлено о сформировании самозванного «Дальневосточного правительства» с премьер-министром Хорватом и военным министром Колчаком. Сибирская контрреволюция организовалась. Японцы имели своих «собственных» наемников — атамана Семенова, барона Унгерна и других, но сильнейшим из наемников всего блока империалистических интервентов был все же Колчак, присвоивший себе через некоторое время титул «верховного правителя всей России». Ему империалисты оказывали наибольшую помощь деньгами, вооружением, снаряжением, продовольствием, подвижным составом. За эту помощь Колчак расплачивался интересами России, которыми он беззастенчиво торговал. Под командованием Колчака, возглавившего контрреволюционные силы в Сибири, находилась белогвардейская армия численностью в триста тысяч человек.

В Китае было известно, и, по-видимому, Сунь Вэнь тоже об этом знал, что в Советской России сформированы китайские воинские части, сражавшиеся в рядах Красной Армии плечом к плечу с русскими товарищами против интервентов. В китайских частях Красной Армии насчитывалось до сорока тысяч человек, проявивших в боях храбрость и стойкость. Китайские красноармейцы пользовались уважением советских людей. На Советском Дальнем Востоке немало китайских рабочих и кули участвовали в боевых действиях партизан: вместе с русскими товарищами они били интервентов, особенно японцев и солдат Дуань Ци-жуя. Многие китайские красные бойцы потом вернулись в Китай и там продолжали свою революционную борьбу как солдаты и командиры революционных войск.

3. «Великая надежда»

Когда Сунь Вэнь внимательно ознакомился с материалами прессы, он постиг громадное значение для будущего Китая того, что произошло в далекой России, сразу ставшей близкой и родной китайским

революционерам-патриотам. Тогда-то он с волнением воскликнул: «Революция в России породила у всего человечества великую надежду!»

Из Шанхая Сунь Вэнь отправил телеграмму Ленину — Советскому правительству. Он писал, что китайская и русская революции имеют общие цели и что эти цели приведут к освобождению народов. Сунь Вэнь заявляет в этой телеграмме, что сочувствует Октябрьской революции, желает правительству Советской России успехов и призывает его продолжать свою борьбу. «Революционная партия Китая, — говорилось в телеграмме Сунь Вэня Ленину, — выражает глубокое восхищение тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия Вашей страны, и выражает надежду, что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы». Прежде чем попасть в Москву, телеграмма Сунь Вэня очутилась в Канаде, у китайских революционных эмигрантов, и уже от них пошла дальше в Европу окольными путями, но все-таки достигла столицы Советской республики и была вручена адресату — В. И. Ленину.

Как ни занят был Ленин в те трудные для молодой Республики Советов дни лета 1918 года, он нашел время для того, чтобы обсудить с народным комиссаром иностранных дел Г. В. Чичериным проект ответа Сунь Ят-сену. Ответ этот был отослан в начале августа 1918 года.

«Москва, 1 августа 1918 г.

Дорогой д-р Сунь Ят-сен! Совет Народных Комиссаров дал нам почетное задание благодарить Вас, уважаемый Учитель, за приветствие, присланное несколько месяцев назад Рабоче-Крестьянскому правительству от имени Южно-китайского парламента, и приветствовать Вас, как вождя Китайской революции и как человека, который с 1911 года в особенно трудных условиях продолжает идти во главе китайских трудящихся масс против поработителей — северной китайской и иностранной буржуазии и империалистических правительств.

Вы, уважаемый Учитель, некоторое время назад в приветствии Рабоче-Крестьянскому правительству России указали, что у русской и китайской революции одни и те же цели и что они клонятся к освобождению рабочих и крестьян и к установлению прочного мира, основывающегося на признании общих интересов двух великих пролетариатов — русского и китайского.

Эта великая задача, понимаемая нами как установление всеобщего мира в результате всеобщего братства трудящихся классов этих наций, была основой всей деятельности Рабоче-Крестьянского правительства с момента, когда власть перешла из рук буржуазного правительства в руки народа. Эта наша программа выражена в Декрете о мире, который, уважаемый Учитель, известен Вам, и она повторена в нашей Декларации относительно народов Востока, зачитанной на Пятом Всероссийском съезде Советов.

Мы тоже, как и Вы, сами сталкиваемся с беспримерными трудностями на нашем пути. Окруженные стальным кольцом штыков империалистических правительств, наемников буржуазии, — чехословацких орд и русской буржуазии, стремящейся восстановить монархию в России, мы отрезаны от наших друзей, южно-китайского пролетариата. В течение двух месяцев связь с Вами была прервана. На Дальнем Востоке распространяются лживые слухи нашими общими врагами через прессу, развращенную банками и капиталистами, слухи, цель которых — скрыть от китайского народа правду, что Рабоче-Крестьянское правительство живет и ведет мощную и неустанную борьбу, теперь, как и прежде, неся знамя победы пролетариата над мировой буржуазией и европейскими ворами и грабителями.

Наша участь горька, и борьба неравная. В этот час испытания, когда империалистические правительства протягивают свои жадные руки с Востока и Запада, с Севера и Юга, чтобы сокрушить русскую революцию и отнять у русских крестьян и рабочих то, что они завоевали для себя такой революцией,

которую мир никогда раньше не видел, когда к этим грабителям готово присоединиться правительство Пекина, созданное там иностранными банкирами, в этот момент русские трудящиеся классы обращаются к их китайским братьям и призывают их к совместной борьбе.

Ибо наш успех есть ваш успех, наше уничтожение есть ваше уничтожение.

Сомкнем теснее наши ряды в великой борьбе за общие интересы пролетариата всего мира.

Да здравствует трудящийся китайский крестьянин! Да здравствует китайский рабочий! Да здравствует союз между русским и китайским пролетариатом!

С нашими самыми искренними пожеланиями счастья и процветания китайским трудящимся классам и их уважаемому Учителю д-ру Сунь Ят-сену,—

*Г. Чичерин, Народный Комиссар
Иностранных дел Российской Феде-
ративной и Социалистической Рес-
публики Советов».*

Это письмо, направленное по поручению Ленина Г. В. Чичериным Сунь Вэню, до него не дошло. Непосредственная связь между Советской Россией и Китаем была уже прервана вмешательством интервентов. Но документ этот служит ярким показателем уважения, с каким руководство большевистской партии и Советского правительства неизменно относилось к китайскому народу и его учителю д-ру Сунь Ят-сену.

Для идей Октября не было преград. Они не признавали никаких кордонов, заграждений, границ. Китай жаждал обновления. Уже были в это время в Китае силы, способные вести борьбу по-новому. Лучшие люди Китая искали истину, которая открыла бы им пути к возрождению страны и спасению народа. На политическую арену выходил молодой китайский пролетариат.

Только реакция и милитаристские клики ничего не видели и не понимали: в их среде все оставалось по-старому.

Давно назревавший конфликт между «президентом» Фын Го-чжаном и «премьером» Дуань Ци-жуем достиг как раз в это время большой остроты. Но до войны дело не дошло. Фын счел за лучшее подать в отставку: 4 сентября 1918 года Дуань «устроил выборы» в новый «парламент», составленный целиком из сторонников аньфуистской военной клики, и по его приказу этот «парламент», прозванный «болотным», 9 октября «избрал» президентом Сюй Ши-чана. Пост вице-президента занял другой милитарист с темным прошлым — Цао Кунь. Немедленно началась комедия «примирения» северных и южных милитаристов. Инициативу проявил новый президент. А Дуань, чтобы показать, какой он «патриот», 10 октября подал в отставку с поста премьера. После этого начинаются мирные переговоры. 17 октября объявлено перемирие. Прекращение войны между Севером и Югом дало возможность отправить в Париж единую делегацию от Китая для участия в Версальской мирной конференции.

Китайские делегаты надеялись, что смогут добиться возвращения Китаю провинции Шаньдун, захваченной еще в 1914 году Японией. Но... Япония сказала «нет!», и никто не собирался принуждать ее говорить «да». Китайская делегация отказалась подписать Версальский мирный договор и вернулась домой. Китайские патриоты еще раз убедились в том, что Запад по-прежнему враждебен Китаю.

И в эти же недели в Китае стало известно о том, что 2 декабря 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов принял постановление об отказе Советской республики от русской доли в «боксерской контрибуции», наложенной иностранными империалистами на Китай после подавления восстания ихтуаней в 1900 году. Советское правительство выразило пожелание, чтобы эти деньги пошли на развитие народного просвещения. Это был еще один дружественный акт новой России по отношению к китайскому народу.

В феврале 1919 года в Шанхае возобновились мирные переговоры между Севером и Югом. Они

не привели к положительным результатам. Ни одна милитаристская клика не желала уступать другой. Стало ясно, что назревает новая война между милитаристами.

...А страна жила совсем другими интересами, тревогами и думами. Те, кто обладал способностью понимать происходящее, видели, что в развитии Китая наступил новый, исключительно важный исторический рубеж.

События в великой соседней стране побудили передовых людей Китая переосмыслить свой собственный опыт. Октябрь в России был для них уроком жизненного значения.

4. Раздумья

Сунь Вэнь именно в это время стал все больше задумываться над вопросом о роли иностранного империализма в Китае. Раньше, в годы подготовки к первой революции, когда передовые китайцы, и он сам в их числе, пытались найти истину, они также искали ее на Западе. И республику они тоже хотели построить по западным образцам. И вот теперь, в свете того, что происходит в России, не может быть сомнений, что от Запада ждать китайцам нечего, ибо империализм — самый главный и опасный враг китайской революции.

Раньше революционеры считали, что главная задача революции — свержение маньчжуртов, завоевание республики и обеспечение народного благосостояния. Маньчжуры свергнуты. Республика устояла против гнусного заговора Юаня и его иностранных покровителей. Но разве Китай стал после этого действительно независимым государством?

Китай по-прежнему слаб, он полуколония империалистических держав. Такова горькая правда.

Отсюда следует, что нужна новая ориентировка, необходимо дополнить учение о революции и генеральном направлении политики партии. И еще: необ

ходимо заняться проблемами массовой работы, изучением положения масс в стране.

Был у Сунь Вэня важный разговор с Ляо Чжункаем еще год назад в Японии. И теперь он вспомнил о нем. Он спросил тогда Ляо Чжун-кай, хорошо ли тот посвящен в условия жизни крестьян и рабочих в Китае. Ляо удивился: рабочих? Разве в Китае существует рабочий вопрос? Да, в Китае уже существовал рабочий вопрос. Промышленное развитие Китая ускорилось в годы войны. Иностранные державы, которые до войны наводняли китайский внутренний рынок своими товарами, были по горло заняты войной и их промышленность елеправлялась с военными заказами. Им было не до Китая. Этим воспользовались китайские предприниматели. Пошло вверх производство тканей, цемента, спичек, намного увеличилась добыча угля и выплавка металла. Росла промышленность — стало больше промышленных рабочих: в 1913 году их было во всем Китае шестьсот пятьдесят тысяч, в 1916 году — уже около двух миллионов. А живется им хуже даже, чем крестьянам. В цехах полно женщин, подростков и просто девишек пяти-семи лет от роду. Так что в Китае есть рабочий вопрос.

Появился современный китайский национальный капиталист, такой же эксплуататор, как и иностранные капиталисты, но выступающий с требованием ограничения прав иностранных предпринимателей-конкурентов.

Увеличилось число японских предприятий. Там тоже заняты сотни тысяч китайских рабочих и работниц.

И начались первые стачки.

Надо изучать проблемы рабочей и крестьянской жизни. Это важная задача революционера в настоящее время. Ляо Чжун-кай был согласен с Сунь Вэнем, хотя не представлял себе, с чего начать.

Ответ на этот вопрос дали китайские марксисты-ленинцы.

5. Идет молодой Китай!

Одним из первых китайских марксистов был Ли Да-чжао — ученый, учитель и друг молодежи, народный герой. В 1918 году ему исполнилось 30 лет. Все-го только девять лет продолжалась после этого кипучая, бесстрашная деятельность этого пролетарского революционера. Он был зверски убит в застенках пекинской тюрьмы. Но эти девять лет имели громадное значение для китайской революции и ее молодого авангарда — рабочего класса.

Слегка сутулую фигуру Ли Да-чжао в темно-сером халате часто видели в стенах пекинских учебных заведений, и всегда спокойное выражение его широко-го лица, чуть смеющиеся глаза за стеклами очков пре-образались, когда он начинал говорить, и горячность его слова передавалась слушателям.

Когда до Пекина дошла весть о победе россий- ского пролетариата, Ли Да-чжао воскликнул: «Весна возвращается! И возродится Китай!»

В журнале «Еженедельное обозрение» («Мэйчжоу пинлунь») 5 января 1919 года появилась статья Ли Да-чжао «Новая эра»: «Во мраке Китая, в могильной тишине Пекина словно блеснул луч зари. Это было подобно тому, как в глубоком мраке ночи крошечная звездочка освещает путь появившемуся на свет человечку. Мы должны идти по этому пути...»

Он глубоко понимал взаимосвязь между судьба-ми Китая и мировым революционным движением. Для Китая, говорил Ли Да-чжао, нет пути вперед вне свя-зи с революционными силами мира.

Студенческая и учащаяся молодежь столицы видела в нем своего наставника. Он стал властителем ее пылких дум о грядущем революционном обновле-нии мира и собственной страны. Студенты жадно слу-шали его лекции и речи, они добились, чтобы Ли чи-тал им курс экономической науки. Он читал им науку Маркса.

В Пекинском университете Ли Да-чжао работал не- сколько лет. Читал курс и заведовал обширной уни-верситетской библиотекой. И очень скоро в ее залах,

на книжных стеллажах, на столах стали попадаться книги и брошюры, которые читались и перечитывались, за которыми засиживались допоздна, о которых говорили горячим шепотом, с блеском в глазах, с волнением в голосе. Благодаря заботам Ли Да-чжао библиотека стала рассадником марксизма.

В это же время на русском факультете слушал курс двадцатилетний вольнослушатель Цюй Цю-бо, впоследствии коммунист, один из видных деятелей революции.

На литературном факультете учился двадцатидвухлетний Дэн Чжун-ся. Он все время отдавал не классикам эпохи Конфуция, а классикам марксизма. Он также стал коммунистом, бесстрашным солдатом революционной армии.

В Тяньцзине на юридическом факультете университета учился Чжан Тай-лэй, позднее — один из организаторов китайского комсомола, герой Кантонской коммуны 1927 года.

Были и другие зачинатели коммунистического движения в Китае.

Распространение марксизма в Китае происходило под влиянием победы Октября в России и быстрого роста китайского пролетариата. На очереди была новая историческая задача — соединение марксизма с массовым рабочим движением.

В 1919 году было уже в Китае более двух миллионов промышленных рабочих. К ним надо прибавить двенадцать миллионов рабочих мелкой и кустарной промышленности, десятки миллионов сельских пролетариев и полупролетариев — бедняков. Вместе они составляли половину населения страны.

В полуколониальном Китае легальное «мирное» развитие рабочего движения было исключено. Любое предприятие немедленно становилось полем битвы, как только рабочие объявляли забастовку. Рабочих не убеждали — их расстреливали. Опыт классовой борьбы приобретался ценой крови. Но рабочим еще не хватало боевого руководителя — партии пролетариата. Для ее возникновения быстро созревали исторические предпосылки.

Пришла весна, памятная всему Китаю, весна 1919 года. Уже чувствовалось приближение революционной бури. Молодые силы, бродившие в народе, искали выхода. Время споров за глухими стенами внутренних двориков, в тесных каморках студенческих общежитий; время взволнованных дум одиночек прошло. На очередь стало действие. *По примеру русских: массовое открытое действие.* Пекинские студенты, учащиеся, молодые рабочие — все те, кто честен и смел, рвались в бой. А таких было много той весной.

Ли Да-чжоу и его товарищи много сил отдавали подготовке студенческой демонстрации, послужившей исходной точкой Движения 4 мая, первого ручья, из которого возник мощный революционный поток.

В то утро 4 мая 1919 года Ли Да-чжоу и его друзья повели молодых патриотов на площадь, в открытый бой.

Поводом для демонстрации было решение западных империалистов, заседавших в Версале и решавших судьбы народов, передать Японии захваченные ею китайские земли в Шаньдуне. Это возмутительное решение вызвало бурю негодования во всем Китае. Зародилась она в Пекине. 4 мая 1919 года тысячи студентов и учащихся собрались на площади. У стен старого дворца звучала страстная молодая речь. Ее подхватили тысячи звонких голосов: «Отказаться от подписания мирного договора!», «Долой неравноправные договоры!», «Клянемся своей жизнью отобрать у японцев Циндао!», «Бойкотировать японские товары!» Вся площадь в кипении. Власти угрожают репрессиями? Долой милитаристов! Тысячи дают клятву бороться. А потом — вперед! Поток вырывается на улицы. Дорогу! Идет молодой Китай! В демонстрации против империалистов и их слуг приняли участие шестнадцать тысяч человек.

Аресты среди студентов. Схвачена тысяча молодых патриотов. Ах, так? Всеобщая забастовка! Пустуют аудитории и классы. Забастовка перекидывается на другие города. Бастуют рабочие, студенты, служащие, торговцы, купцы. Дело принимает серьезный оборот. Власти бьют отбой — арестованных выпуска-

ют на свободу. Поздно! Движение идет вширь и вглубь. В воздухе носится ощущение грозы.

И в это горячее время, 25 июля 1919 года, раздается прямой призыв из Москвы к китайскому народу. Колчак разгромлен. Красная Армия уже за Уралом. Она идет на Восток. Под ее ударами рушится не только царство российской контрреволюции в Сибири, но и кольцо интервенции. Советское правительство говорит китайцам, что рабоче-крестьянская Россия отказалась от всех завоеваний, которые сделала свергнутое народом царское правительство, и объявляет не имеющими силы все соглашения и договоры царского и Временного правительства, наносящие ущерб суверенитету китайского народа. Обращение призывает китайских патриотов: «Идите с нами, объединяйтесь под знаменем борьбы против империализма. Поймите, ваш единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия».

Журнал «Новая молодежь» напечатал привет русским друзьям: «Рассвет приходит из России, бросающей свои лучи на темный Восток. Дружеская рука протягивается к нам. Протянем же и мы ей без колебаний руку!»

...Октябрь 1919 года. Приближается восьмая годовщина китайской революции. О чем думает в этой связи Сунь Вэнь? О необходимости новой революции. Об этом он говорит на собрании членов Союза молодежи в Шанхае.

Тема его выступления: «Первый шаг в переустройстве Китая». Почему нужно такое переустройство? «Потому, что политическая система современного Китая насовсего прогнила», — отвечает Сунь Вэнь. С чего же начать? Одни говорят, что необходимо начать с образования, другие говорят, что спасение — в развитии торговли и промышленности, третья утверждают, что прежде всего нужно привить народу навыки самоуправления. Все это важно, но не может быть первым шагом в переустройстве Китая. «Я полагаю, —

говорит Сунь Вэнь, — что этим первым шагом может быть лишь революция».

Прежде чем перестраивать, нужно расчистить строительную площадку от старого грунта — от старой бюрократии, от милитаристов и политиков, связанных с военщиной и феодальными эксплуататорами народа. Одним словом, необходима антифеодальная революция!

Мысль правильная.

6. Пережитое, постигнутое...

От Шанхая до Кантона — путь не короткий. У Сунь Вэня постоянная связь с городом его юности. Следит за тем, что происходит в Кантоне и во всей провинции Гуандун. Созданные в 1917 году по указаниям Суня воинские части — Добровольческий корпус и Гуандунская армия сосредоточены севернее и восточнее Кантона. Но они бездействуют. Этот Чэнь Цзюн-мин, видимо, не собирается что-либо предпринимать. А шайка Лу Юнтина продолжает грабить кантонцев, мошенничать. Ищет, кому бы продаться, благо Гонконг рядом. А в Гонконге, помимо английских банкиров, обосновался крупнейший китайский финансовый воротила — главный компрадор Хо Дун, которому король Георг V пожаловал за верную службу дворянство. Его именуют теперь сэр Роберт Ходун. Это опасный, непримиримый враг китайской революции. Агенты Хо Дуна очень активны в Кантоне, особенно среди купечества. С ними еще предстоит жестокая борьба.

А пока Сунь Вэнь занят мыслями о прошлом и настоящем.

Беседует с Ляо Чжун-каем. Оба находятся под сильным впечатлением майских демонстраций студентов в Пекине, забастовок в столице и других городах. Действуют массы. Новые ветры задули над Китаем. А не объясняется ли неудача, постигшая его, Суня, в Кантоне, тем именно, что хорошо задуманный план не опирался на организованную силу народных масс?

Сунь Вэнь сказал:

— Друзей у нас мало, дорогой брат. Надо собирать новых людей, молодых, смелых...

Сунь Вэнь много думал в эти месяцы о необходимости просвещения народных масс, о распространении в народе передовых идей, конечно, как он их понимал. Он писал, что основная беда китайской нации в том, что силы ее разрознены и «400-миллионный народ Китая подобен морю ничем не связанных с собой песчинок» и что это результат «угнетения его чужеплеменниками». Что же может объединить народ? Сунь Вэнь отвечал: коллективность действия. Он посвятил этому третью часть своего большого труда «Программа строительства страны» — «Социальное строительство». Первую часть — «Духовное строительство», или «Учение Сунь Вэня» он написал с определенной целью: опровергнуть и развенчать теорию древних философов: «Познание легко, действие трудно». Теория эта создана, писал Сунь Вэнь, Фу Юэ, советником У Дина, правителя эпохи Инь (XVIII—XVII века до нашей эры), и на протяжении тысячелетий морально разоружала передовых людей, стремившихся к облегчению страданий народа. Сунь Вэнь, напротив, считал, что действие легко, познание трудно, онставил на первое место практику как основу опыта, знаний. Он писал: «Китайцы стали забывать, что все знания, переданные им далекими предками, были добыты благодаря дерзанию и энергичному движению вперед — от действия без всякого познания к действию с последующим познанием и далее — к действию, обусловленному познанием». Сунь Вэнь стоит здесь на пороге материалистического понимания истории развития человечества, защищая положение «знания — результат практики». И притом практики не гениев, а масс. «Развитие событий в стране, — продолжает он, — определяется настроениями миллионных масс». Под «настроением» здесь тоже надо понимать действие в виде активного настроения, ибо пассивное отношение к событиям не может оказать на них какого-либо влияния. Сунь Вэнь стал яснее понимать

роль народа в революции и роль передовых идей в политическом просвещении народа.

Однако в его воззрениях глубокие и правильные положения причудливо переплетаются с ненаучными, порой утопическими, даже иллюзорными. Наиболее ясно это проявилось в его надеждах, что ему, быть может, все же удастся убедить иностранные державы проявить благородство и в своих же интересах помочь Китаю стать высокоразвитой промышленной страной. С этой целью он написал специальное исследование «Материальное строительство», или «Промышленный план», составившее вторую часть большого труда «Программа строительства страны».

К работе над этой частью Сунь Вэнь приступил в 1919 году. И как раз в том году произошла важная перемена в условиях его жизни. Китайцы, проживающие в Канаде, узнав о мытарствах Отца Китайской республики, решили купить ему дом, чтобы у него был свой собственный кров. На собранные ими деньги они в конце 1919 года приобрели небольшой двухэтажный дом на территории французской концессии в Шанхае и подарили его Сунь Вэню¹. В январе 1920 года Сунь Вэнь и Сун Цин-лин перебрались туда. В доме пять комнат, во дворе небольшой сад. Сунь Вэнь прожил в этом доме (с перерывами) немногим больше четырех лет. Написал тут несколько известных больших трудов. В этом доме Сунь Вэнь проводил важнейшие совещания с партийными товарищами; здесь происходили встречи и переговоры Сунь Вэня с представителями Советского Союза, Коммунистического Интернационала, Коммунистической партии Китая, с различными общественными деятелями. В доме есть библиотека Сунь Вэня — около трех тысяч книг на китайском и иностранных языках, главным образом по истории, географии, политике, экономике, юриспруденции, по военным вопросам; хранятся комплекты газет и жур-

¹ В настоящее время — Дом-музей Сунь Ят-сена на улице Сяншань, № 7 в Шанхае. В годы японской оккупации дом был разграблен. После победы народной революции в Китае Дом-музей Сунь Ят-сена был полностью восстановлен.

налов, набор карт, вырезки, материалы по разным вопросам и странам, рукописи.

В новом доме Сунь Вэнь закончил «Промышленный план», труд, показывающий, что автор его обладал большими экономическими познаниями и хорошо понимал, в чем именно заключаются экономические проблемы, стоявшие перед Китаем.

Этот большой труд состоит из шести разделов — программ индустриализации Китая. Первая программа посвящена развитию производительных сил Северного Китая. Вторая программа — задачам экономического развития Центрального Китая. Третья программа предусматривала большое строительство в Южном Китае. Особую программу Сунь Вэнь разработал для железнодорожного строительства — всего он намечал 52 железнодорожные линии протяженностью около двухсот тысяч километров. Пятая программа обнимала задачи организации крупного фабричного производства предметов первой необходимости, средств связи и механического транспорта, а также строительство шоссейных дорог. Шестая программа перечисляла то, что необходимо для широкого развития горной промышленности.

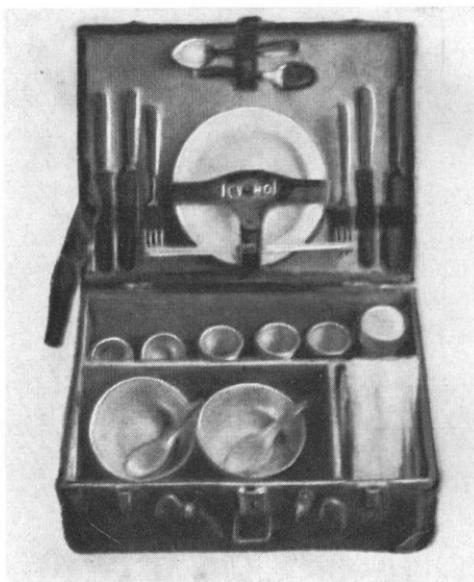
Немедленно возникал вопрос: а кто будет осуществлять эти грандиозные программы индустриализации? Где взять потребные для этого громадные средства? Сунь Вэнь понимал, что Китай не имеет таких капиталов. Нет их и у китайских промышленников и финансистов. Остается, значит, искать средства за границей? Допустимо ли это? Допустимо, отвечает Сунь Вэнь, ибо строительство будет находиться в руках государства. Если Китай сможет получить займы за границей и привлечь к строительству иностранных специалистов, то все равно общее руководство и контроль останутся в руках китайского правительства. Все новые предприятия с самого начала будут предприятиями национализированными. Частным предпринимателям программы оставляют лишь те отрасли промышленности (мелкие предприятия в основном), которые государству невыгодно взять в свое ведение.

Президент Сунь Ят-сен.

Книжный шкаф
Сунь Ят сена.

Хирургические
инструменты
Сунь Ят-сена.

Походный несессер
Сунь Ят-сена.

«Не частные, а общественные интересы» — этот принцип Сунь Вэнь положил в основу своего экономического исследования. Он доказывал, что экономическое развитие Китая создает условия для его освобождения от иностранной зависимости.

Ни один государственный или общественный деятель Китая не мог бы предложить вниманию нации что-либо даже отдаленно похожее на тщательно разработанную Сунь Вэнем грандиозную программу экономического преобразования страны. Некоторые деятели посмеивались над этой работой Сунь Вэня, называли ее «фантастической». На самом деле в ней нет ничего фантастического. Если она составлена в «большом масштабе», то ведь и потребности Китая были огромные! «Промышленный план» — революционная программа коренных преобразований экономики Китая, полной ликвидации пережитков феодальных отношений и индустриализации страны. Творческий, созидательный дух революции живет в каждом пункте программы. В своем собственном революционном развитии Сунь Вэнь сделал большой скачок вперед.

Однако и в этом труде Сунь Вэнь в некоторой степени остался утопистом. Он понимал, что «тенденции современной экономики», то есть капиталистической экономики эпохи империализма, «устремлены к концентрации» производства. Концентрация, резонно полагал Сунь Вэнь, влечет за собой выгоды — снижение издержек производства и возможность удешевления товаров; но с концентрацией, трестирированием связаны и опасности — монополия и произвольное повышение цен. Промышленное развитие Китая неизбежно приведет к концентрации производства и к возникновению этой опасности. Как ее устранить? Сунь Вэнь отвечает: «В своем плане развития промышленности Китая усилиями многих стран я предлагаю обратить все отрасли национальной промышленности в один большой трест — общественную собственность китайского народа, финансируемую для взаимной выгоды международным капиталом». Он уточняет свою мысль: «Итак, моя идея со-

стоит в желании использовать иностранный капитализм для создания социализма в Китае».

Мысли эти прекрасные, и они показывают, что Сунь Вэнь был деятель большого масштаба. Но эти мысли уносили его в нереальный мир, в чем он убедился тотчас же, как только попробовал реализовать свои идеи.

Напротив, все пережитое Китаем за годы, прошедшие после войны, подводило к важнейшему выводу: Китай завоюет независимость и возможность экономического, политического и культурного переустройства только в том случае, если из страны будут изгнаны империалисты и уничтожены их позиции: особые «права», концессии, сеттльменты, кабальные договоры и соглашения, навязанные силой.

В мировоззрение Сунь Вэня входили новые элементы. Время и опыт вносили изменения в привычные представления о Западе и западных учениках, в которых не было места народным массам. Между тем в Китае уже появились люди с мировоззрением, в основе которого лежит примат сознательного организованного действия народных масс как главного условия победы революции над империализмом и пережитками феодализма.

Приходилось многое пересматривать, переосмысливать, постигать.

7. Большие перемены

Этот 1920 год внес много нового в его жизнь, в его мышление.

И вот еще новое в жизни Китая: первые коммунистические группы и кружки, возникшие как раз в 1920 году. Раньше всего они появились в Шанхае, в Пекине, в Чанша, в Тяньцзине, в Ханчжоу, в Хубэе, в Хунани. В Шанхае в кружке было семь человек, в Кантоне — десять человек, в Пекине — восемь человек. Коммунистические кружки образовались среди китайских студентов, учившихся в Париже, в Токио, в Берлине. Тогда же появились первые кружки будущих китайских комсомольцев. Кружки издавали

небольшие газеты для рабочих, листовки, брошюры. Печатались и распространялись отдельные произведения Маркса, Энгельса, Ленина.

И в том же 1920 году рабочие впервые в истории Китая, праздновали 1 Мая. Праздновали пока только в одном пролетарском центре — в Шанхае. Начало было положено.

И в том же году по почину кантонских журналистов была отправлена в Россию делегация представителей китайской прессы, телеграфных агентств, издательств. Возглавлял ее коммунист литератор Цюй Цю-бо, впоследствии автор нескольких книг о Республике Советов. В Китае в то время издавалось восемьсот различных газет. Должна же правда о великих событиях в России проникнуть на их страницы! Народ хотел знать, что происходит в России. Он жаждал знать правду, ибо понимал, что Советская Россия — это верный союзник китайского народа в его тяжелой борьбе с угнетателями.

Сунь Вэнь готовился вернуться в Кантон. Нужно было сорвать маску с милитаристской клики Лу Юнтина, прикрывавшейся именем «Южного военного правительства». 3 июня в китайских левых газетах появилось совместное заявление Сунь Вэня, а также трех членов Южного правительства, вышедших из его состава, о непризнании полномочий этого правительства. После этого Сунь Вэнь дал указание Чэн Цзюн-мину и Сюй Чун-чжи привести войска в боевую готовность.

В июле произошло событие, которое ускорило осуществление замысла Сунь Вэня. Началась война между крупнейшими милитаристскими группировками. 18 июля соединенные армии чжилийской группы (Цао Кунь и У Пей-фу) и фынтяньской группы (Чжан Цзо-линь) нанесли полное поражение аньфуистам (Дуань Ци-жую) около Баодина. Дуань потерял почти всю свою армию и бежал в провинцию Чжэцзян, где военным губернатором был генерал-аньфуист. Многолетнее господство аньфуистов, ставленников

Японии, на Севере и в Пекине и их контроль над пекинским правительством, которое признавалось иностранными державами, кончилось. «Болотный» парламент был распущен. Дуань обратился к Сунь Вэню с мольбой о помощи, каялся в своих прежних преступлениях и ошибках, заверял, что впредь будет бороться за «справедливость». Сунь Вэнь решил использовать Дуаня для борьбы против наиболее сильной и опасной чжилийской группы милитаристов, утвердившейся в Пекине.

Поражение Дуаня на Севере привело к переменам на Юге. Милитарист-грабитель Лу Юн-тин решил упрочить свое положение в Гуандуне и с этой целью напал на Гуандунскую армию и Добровольческий корпус. Сунь Вэнь дал приказ: контратаковать милитаристов и изгнать их из Кантонга. С таким приказом помчался в Гуандун Чжу Чжи-синь. Гуандунская армия (тридцать тысяч бойцов) и Добровольческий корпус перешли в наступление. В 20-х числах октября они заняли Вэйчжоу, недалеко от Кантонга. Части под командованием Чжу Чжи-сина штурмом взяли Тигровые ворота, главное укрепление, прикрывавшее подступы к Кантону, тем самым предрешив освобождение города. В день победы случилось несчастье: Чжу Чжи-синь погиб от руки бандита, подосланного, вероятно, Лу Юн-тином, а возможно, Цэнь Цзюн-мином, уже тогда подумывавшим о захвате Гуандуна и превращении его в свою вотчину. Тайна гибели Чжу Чжи-сина так и осталась не раскрыта до конца.

31 октября 1920 года Кантон был полностью очищен от войск гуансийских и юньнаньских милитаристов.

Поражение южных генералов под Кантоном привело к тому, что их «правительство» распалось. Цэнь Чунь-сюань бежал в Шанхай, Вэнь Цзун-яо — в Гонконг, Лу Юн-тин — в Гуанси; его армия сильно поредела. Моу Жун-синь скрылся.

Когда весть о победе над южными милитаристами достигла Шанхая, Сунь Вэнь выехал в Кантон.

Это было в ноябре. 8 декабря в Кантоне образовалось новое правительство Сунь Вэня.

Предстояло сейчас же начать карательную экспедицию против Лу Юнтина, чтобы добить его армию и распространить власть кантонского правительства на провинцию Гуанси. Сунь Вэнь особенно сильно почувствовал тяжесть потери — смерть Чжу Чжисиня.

Наступил 1921 год. Сунь Вэнь обратился к депутатам парламента 1913 года, приглашая их вновь собраться в освобожденном Кантоне. На его призыв откликнулись депутаты Чрезвычайного парламента, временно обосновавшегося в городе Чунцине, в провинции Сычуань. Сессия Чрезвычайного парламента открылась в Кантоне в начале апреля. 7 апреля на торжественном заседании парламент единогласно избрал доктора Сунь Ят-сена президентом Китайской республики.

Глава восьмая

ДРУЗЬЯ ПРИХОДЯТ ВОВРЕМЯ

1. Гость из Москвы

Прямые пути из России в Китай были в те годы закрыты. Но, даже добравшись до Пекина, не всегда удавалось проехать дальше на Юг, например в Шанхай. О Кантоне и мечтать не приходилось. Разве только через Японию или Гонконг. Опасное и долгое путешествие. Настоящих революционеров опасности не останавливали; расстояния не пугали. Но стена есть стена. Пока Забайкалье и Приморье оставались под властью белогвардейцев и иностранных оккупантов, особенно японских, китайская граница была недосягаема. Положение несколько изменилось после разгрома Колчака и изгнания белогвардейских банд из Забайкалья и Приморья. Еще лучше стало после освобождения Монголии от разбойничьих шаек белогвардейского авантюриста барона Унгерна. До того времени приходилось пользоваться окольными путями и совершать кругосветные путешествия, чтобы попасть в Китай.

Но для призывов Москвы не существовало преград. 27 сентября 1920 года Московская радиостанция передала еще одно обращение Советского правительства к китайскому народу. Москва снова объявила потерявшими всякую силу все договоры, заключенные прежним царским правительством России с Китаем и подтвердила свой отказ от всех захватов китайской территории, от всех русских концессий в Китае и готовность возвратить безвозмездно и на вечные

времена все, что было хищнически у него захвачено царским правительством и русской буржуазией.

Через несколько дней этот важный политический документ стал известен в Китае и напечатан в китайских газетах. Впечатление было громадное. Советская Россия обращалась к Китаю на языке дружбы и равноправия.

Сунь Вэнь был искренне удивлен, когда однажды, в душный осенний день 1920 года, его посетил в Шанхае человек, прибывший из далекой Москвы. Из Москвы! Невероятно! Более двух лет он безрезультатно ждал ответа на свою телеграмму, посланную летом 1918 года в Москву, Ленину. И вдруг гость именно оттуда. Внешность у этого гостя совсем не московская, вполне западная — сразу видно: москвики понимают толк в конспирации. В том, что гость — москвич, сомневаться не приходится. Знает о телеграмме. Ему известно, что был дан подробный ответ — письмом. Это был Г. Войтинский, работник Коминтерна, посланный в Китай для установления связи с Сунь Вэнем.

Беседа с гостем состоялась долгая, в высшей степени интересная. Он много рассказал о Советской России, об успехах Красной Армии. Гражданская война фактически закончилась полной победой революционных сил. Гость очень интересовался положением в Китае, особенно деятельностью Гоминьдана, и высказал такое мнение, что до тех пор, пока Гоминьдан не привлечет к себе широкие массы, он не добьется серьезных успехов. В России партия большевиков смогла привлечь к себе основные массы крестьян — бедняков и середняков именно потому, что среди ее лозунгов на первом месте стоял лозунг о безвозмездной передаче земли крестьянам.

Однако, думает Сунь, этот москвич, видимо, не представляет себе всей сложности аграрных отношений в Китае и необходимости соблюдения крайней осторожности в решении вопроса о земле. Так думает Сунь Вэнь про себя. Гостю он говорит, что аграрные вопросы в Китае более сложны, чем в России.

Что же касается лозунгов, то, разумеется, пока Гоминьдан не получит активной поддержки крестьян, он победы не одержит.

Мнение московского гостя по другим вопросам совпало с его мнением.

Потом беседа перешла на боковые темы. Сунь Вэнь высказал сожаление, что международные условия препятствуют более тесному контакту с Россией. Московский гость ответил, что с образованием демократической Дальневосточной республики и изгнанием белых и интервентов из Забайкалья связь с Китаем улучшится.

Сунь Вэнь спросил, не может ли Советское правительство или правительство ДВР оборудовать мощную радиостанцию где-нибудь поблизости от границ Китая, чтобы установить прямую радиосвязь с Кантоном, куда он собирается в скором времени переехать. Добавил, что это, конечно, только для сведения гостя. Сказал, что надеется на развитие революционного движения в центральных и северных провинциях. Признался, что стал понимать необоснованность надежд на помощь Запада и думает о том, сможет ли Россия оказать помощь китайской революции. Помощь очень нужна, особенно оружием, деньгами, всякой техникой и советами. Нельзя ли обо всем этом рассказать кому следует в Москве? Гость обещал. После этого они расстались.

Как он доберется до Москвы, этот отчаянный смельчак? Он добрался, правда, не скоро, но прошел через все преграды и кордоны. Узнал об этом Сунь Вэнь спустя много месяцев после отъезда того москвича из Шанхая. Да, эти большевики серьезные, деловые люди.

Потом Сунь Вэнь уехал в Кантон. Парламент избрал его президентом. Надвинулись новые заботы: организация похода против северных милитаристов. В своем обращении к народу после избрания на пост президента он сказал: «Основа внешней политики правительства — добиться равноправия для Ки-

тая в международных отношениях и сохранение прочного мира на Дальнем Востоке... Китайский народ отвергает войну — организованный грабеж в большом масштабе... Основа внутренней политики правительства — поднятие престижа китайского народа, объединение всех народов, населяющих Китай, и образование единого китайского национального государства. Борьба за объединение Китая — одна из важнейших задач нового правительства...» Сунь Вэнь многое не договаривал по соображениям тактики. Не сказал прямо, что эти две главные задачи революции не могут быть решены без непримиримой борьбы против империализма и феодальных отношений, препятствующих объединению страны и завоеванию ею равноправного положения в мире. Но дал понять, что это именно так. Мысль его работала в правильном направлении. Жизнь, опыт борьбы подводили к этому.

2. Тыл: дальний и ближний

Но раньше всего нужно навести порядок в собственном доме, здесь, на Юге. Номинально власть Южного правительства распространяется на провинции Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань и часть провинции Хунань. Фактически только в Гуандуне власть Южного правительства признавалась в некоторых округах и уездах. В Гуанси еще правил милитарист Лу Юн-тин, снова собравший вокруг себя бандитскую «армию». В других «союзных» провинциях власть была в руках местных милитаристов, которые мало считались с кантонским правительством. В Гуандуне тоже не было недостатка в «своих» милитаристах.

В августе Сунь Вэнь снарядил экспедицию в Гуанси. Бандиты Лу Юн-тина были разбиты и рассеяны. Теперь можно было взяться за наведение порядка и в самом Гуандуне. Хозяйничанье гуансиjsких и гуандунских милитаристов оставило тяжелое наследие, разруху, финансовый хаос, дезорганизацию общественной жизни. Бандитизм принял громадные разме-

ры. В Кантоне и других городах развелось множество притонов, игорных домов и опиумокурилен — отсюда в карманы Лу Юн-тина и его дружков поступали главные доходы. Новая власть запретила все эти дома и повела решительную борьбу против бандитизма.

В очень плохом состоянии находилась гуандунская организация Гоминьдана. Собственно, партии не было. Каждый, кто хотел, мог объявить себя «последователем доктора Сунь Ят-сена», и этого было достаточно, чтобы его считали членом партии. Фактически у Гоминьдана не было ни новой программы, ни разработанного устава. Партия не вела никакой массовой работы.

Много забот причиняла Сунь Вэню так называемая Гуандунская армия, которой непосредственно командовал Чэнь Цзюн-мин. Армия состояла из гуандунцев и многих гуансийцев — бывших солдат Лу Юн-тина, привыкших грабить и обирать население. Стараниями Чэнь Цзюн-мина и его ставленников Гуандунская армия понемногу становилась «личной» армией командующего, типичного милитариста. Начальник генштаба Юга, генерал Ли Ле-цзюнь, человек правых взглядов, фактически был с ним заодно.

Сунь Вэнь провел реорганизацию Добровольческого корпуса. Из его частей была сформирована 2-я Гуандунская армия (армия Чэнь Цзюн-мина стала именоваться 1-й Гуандунской). Командующим 2-й Гуандунской армией Сунь Вэнь назначил члена Гоминьдана генерала Сюй Чун-чжи. В этой армии большинство офицеров не принадлежало к Гоминьдану; это были обычные службисты, нанявшиеся за деньги. В Гуандуне еще существовали мелкие воинские части разных маленьких милитаристов, подчинявшихся Чэнь Цзюн-мину. Вдруг тот потребовал, чтобы ему была подчинена и 2-я Гуандунская армия. Сунь Вэнь категорически отклонил это требование. Поведение Чэня показалось ему подозрительным. Сунь поручил начальнику штаба 1-й армии и командиру ее 1-й дивизии — лучшей в армии — Дэн Гэну,

верному человеку, следить за Чэнем, не спускать с него глаз и в случае малейшей попытки бунтовать — принять решительные меры.

Но и Чэнь не сидел сложа руки. Он тайно вел переговоры с генералами юньнаньских, сычуаньских, гуйчжоуских и хунъаньских войск о создании «Федеративного правительства автономных провинций» в противовес правительству Сунь Вэня в Кантоне. Когда эти переговоры окончились ничем, Чэнь вступил в сговор с У Пей-фу. Чэнь Цзюн-мин превратился в опасного врага, и опасность эта была тем более велика, что у него было немало своих людей в руководящем партийном и правительственном аппарате, а в Кантоне стоял подчиненный ему гарнизон. Конфликт назревал неумолимо. После длительных переговоров была выработана «формула примирения»: во всех делах центральной администрации последнее слово остается за президентом, а делами провинции Гуандун целиком распоряжается Чэнь. Это была опасная уступка милитаристу, замышлявшему измену, ибо Гуандун являлся базой и опорой Южного правительства и переход провинции целиком под контроль Чэня мог в любое время поставить правительство и самого президента республики в критическое положение. Так оно и случилось впоследствии.

Среди всех этих тяжких забот — радость: письмо из Москвы, от Чичерина. Дошло все же! Значит, связь установлена. Это важнее всего. Москва — главная опора, на других надеяться нечего. Письмо Г. В. Чичерина от 31 октября 1920 года — первая весточка, присланная ему, Сунь Вэню, из далекой, но близкой Москвы, — дружеское приветствие от Народного Комиссара иностранных дел РСФСР и выражение уверенности в том, что между Китаем и Советской Россией устанавливаются тесные отношения. В письме далее говорилось: «Ваша страна теперь твердо продвигается вперед, ваш народ сознательно вступает на пути борьбы против режима гнета международного империализма. Торговые отношения между нами

должны быть установлены непосредственно. Позвольте надеяться, что Китай вступит на путь дружеских отношений с нами».

Сунь Вэнь читает и перечитывает послание из Москвы. Кто привез это письмо? Где он? Повидать бы его, многое надо расспросить. Но посланца нет. Досада! Надо отвечать до отъезда на фронт в Гуанси. Он садится и пишет ответ Чичерину:

«28 августа 1921 г.

Дорогой Чичерин!

Я получил Ваше письмо из Москвы, датированное 31 октября 1920 года. Оно прибыло ко мне 14 июня 1921 года. Я задержал ответ потому, что хотел видеть посланца, получившего письмо от Вас, причем он должен был препроводить мне его из Харбина. Так как последний не смог до настоящего времени прибыть в Кантон, чтобы посетить меня, я решил ответить на Ваши братские приветствия и предложение относительно возобновления торговых отношений между Россией и Китаем.

Прежде всего я должен информировать Вас, что это первое и единственное письмо, полученное мною от Вас или от кого-либо из Советской России. В течение последних двух лет в капиталистической прессе было несколько сообщений, утверждавших о якобы сделанных мне формальных предложениях из Москвы. Никакие такие предложения не были сообщены мне письмом или иным способом. В случае, если кто-либо из Ваших коллег посыпал прежде или посыпает теперь письма ко мне, то соблаговолите узнать, что я не получил ни одного письма.

Я должен вкратце изложить Вам, какова ситуация в Китае. Вернусь назад к 1911—1912 годам, когда мое политическое дело нашло свое решающее выражение в революции, начавшейся в октябре 1911 года и быстро распространившейся по стране. Революция привела к ниспровержению маньчжурской династии и к установлению Китайской республики. Я был избран президентом. После исполнения обязанностей

в течение краткого времени я отказался от поста в пользу Юань Ши-кая, так как мои друзья, которым я полностью доверял и которые тогда обладали более точным знанием китайских внутренних отношений, чем я, убеждали меня, что Юань Ши-кай способен объединить страну и обеспечить устойчивость Республики, располагая доверием со стороны иностранных держав. Мои друзья теперь признают, что моя отставка была большой политической ошибкой, имевшей в точности такие же политические последствия, которые имели бы место в России, если бы на смену Ленину в Москве пришел Колчак, или Юденич, или Врангель. Юань немедленно или вскоре начал работу по реставрации монархии со своей персональной в качестве нового императора. Как Вам известно, мы нанесли ему поражение.

После его смерти тем не менее великие державы поддерживали политически и в финансовом отношении ряд псевдокромвелей и наполеонов. Один из них — экс-атаман шайки разбойников, по имени Чжан Цзолинь. Официально он является командующим войсками или военным губернатором Маньчжурии, но на деле он хозяин, которому повинуется пекинское «правительство». И, в свою очередь, он повинуется Токио во всех существенных делах, имеющих отношение к Японии. Ввиду этого правильно будет утверждать, что Пекин на деле является орудием Токио во всех вопросах высокой политики, касающихся жизненных японских интересов. Москва должна хорошо учитывать это обстоятельство во всех своих официальных отношениях с Пекином. И не ранее, чем в столице будет произведена основательная чистка, — а это произойдет, когда я войду туда, — Советская Россия может надеяться на возобновление благоприятных отношений с Китаем.

Со времени написания Вашего письма я был избран президентом Национального правительства, созданного в Кантоне. Это правительство является правительством de jure потому, что: а) оно имеет источником своих полномочий Временную Конституцию, принятую первым Учредительным собранием, состояв-

шимся в Нанкине в 1912 году, и единственно существующий Органический закон Китайской республики и б) оно было создано во исполнение решений правомочной власти, облечено полномочиями согласно Конституции в законном Китайском парламенте, сессия которого сейчас происходит в Кантоне. Мое правительство является также правительством *de facto*, полномочия которого признаются большой группой провинций на Юго-Западе Китая и в других провинциях, на которых распространяется его юрисдикция.

В настоящее время для меня по географическим условиям невозможно вступить в эффективные торговые отношения с Вами. Если Вы взглянете на карту Китая, Вы увидите, что территория, находящаяся под юрисдикцией моего правительства, лежит к югу от реки Янцзы и что между этой территорией и маньчжурскими и монгольскими «Воротами», через которые только и возможны торговые отношения, стоят поперек дороги Чжан Цзо-линь и его союзники. Не существует и не может существовать никаких «ворот» *via* китайский Туркестан, пока когда-нибудь не будет построена большая железнодорожная магистраль, включенная в проектируемую мною систему железнодорожных сообщений Китая.

Москва должна подождать, пока я не покончу с реакционерами и контрреволюционерами, которые появляются во всякой стране на другой день после созидательной революции. Ваш собственный опыт в течение последних трех-четырех лет даст Вам возможность понять, какой труд предстоит мне. Я занят этим в течение последних девяти-десяти лет. Я надеюсь закончить это дело в короткий срок, если не произойдет в какой-либо форме активная иностранная интервенция. Это маловероятно, поскольку это касается западных великих держав. Они, по-видимому, сыты Пекином.

Тем временем я хотел бы вступить в личный контакт с Вами и другими друзьями в Москве. Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образова-

ния. Я хотел бы знать все, что Вы и другие можете сообщить мне об этих вещах, в особенности об образовании. Подобно Москве, я хотел бы заложить основы Китайской республики глубоко в умах молодого поколения — тружеников завтрашнего дня.

С лучшими пожеланиями Вам и моему другу Ленину и всем, кто так много совершил для дела человеческой свободы,—

искренне Ваш Сунь Ят-сен.

P. S. Это письмо посылается Вам via Лондон, через посредство Советской торговой миссии, находящейся там. Если оно прибудет к Вам в целости и без лишней задержки, прошу известить меня, чтобы я мог впредь сообщаться с Вами через того же посредника. Я установил связи для получения сообщений из Москвы тем же путем, если они будут направлены Вашей миссии в Лондоне».

И это послание Сунь Вэня друзьям в Москву шло сложным окольным путем. Но оно дошло! Во многих отношениях это замечательный документ. Мысль Сунь Вэня ясна, он не скрывает, что соглашение с Юань Ши-каем и уступка ему поста президента были большой политической ошибкой. Государственную власть в республике — наследие революции нельзя было отдавать главному лидеру контрреволюции, за которыми стояли все черные силы Китая и иностранные империалисты. Но Сунь Вэнь смотрел вперед. В его послании чувствуется глубокое убеждение в неминуемой победе народа. Испытания не сломили его гордый дух борца. Он полон энергии и предвидит, что революция восторжествует во всей стране и покончит с последышами Юаня — милитаристами, продажными генералами — и уничтожит позиции иностранных угнетателей в Китае. Он надеется на поддержку друзей в Москве, знает, что Москва — на стороне китайского народа. Он готов учиться на опыте Москвы, хочет знать побольше о Советах, о новой армии — Красной Армии, о советской

системе образования — о воспитании молодого поколения... Шлет лучшие пожелания «другу Ленину», приветствует всех, «кто так много совершил для дела человеческой свободы». И в этих словах выражено то, о чем писать прямо не было необходимости: Сунь Вэнь считал себя прочно связанным с великим освободительным движением угнетенных всего мира. Вот почему Москва была для него источником света и надежды, Москва, ставшая светочем всего человечества, была и для него путеводным маяком.

И он думал в эти дни о том, что Гоминьдану следовало бы послать своих представителей в столицу Советской республики, где творил Ленин. Он сам поехал бы туда с превеликой радостью. Увы! Ему надо было собираться на фронт в Гуанси. Заботы, дела не отпускали его.

К исходу сентября все приготовления к походу были закончены. В начале октября по приказанию генералиссимуса Китайской республики Сунь Ят-сена 2-я Гуандунская армия выступила в поход. Он повел ее сам в район Гуйлиня, в провинции Гуанси, в четырехстах километрах к северо-западу от Кантонта. Ставку свою Сунь Вэнь расположил в Гуйлине.

В Кантоне остался Чэнь Цзюн-мин.

В Гуйлине Сунь Вэнь деятельно готовил армию к походу на Север. Провел там несколько военных совещаний. Прочитал цикл лекций для командного состава армии. Он говорил: «Революционный дух рождает революционные дела. Если нет в войсках революционного духа, не будет и успеха, а при наличии революционного духа успех обеспечен». В последующие годы он еще глубже понял решающее значение политического просвещения в революционных войсках и поручил своим товарищам широко применять в революционных войсках Китая опыт политической работы в Красной Армии.

Здесь же в ноябре — декабре у него состоялись встречи с представителем Коммунистического Интернационала, приехавшим из Москвы. У того было пись-

мо от Ли Да-чжао. Беседы происходили по-английски с глазу на глаз. Сунь Вэнь узнал подробности о состоявшемся в июле первом съезде Коммунистической партии Китая. Сунь поинтересовался: а много ли коммунистов в Китае? Ответ гласил: пока еще немного, но с ними важно установить сотрудничество в целях объединения всех прогрессивных сил страны, готовых совместно бороться за освобождение Китая от ига империализма и гнета феодалов.

Сунь подробно расспрашивал о жизни в Советской России, о политике Коммунистической партии в отношении крестьянства. С большим вниманием выслушал он рассказ о новой экономической политике, предложенной Лениным.

3. Измена

А тем временем Чэнь Цзюн-мин, оставшись единственным хозяином в Кантоне, лихорадочно готовился поднять мятеж. Начал он с того, что велел своим бандитам убить начальника штаба армии и командира 1-й дивизии Дэн Гэна. Погиб честный патриот, преданный революции и республике. Это было в марте 1922 года. Одновременно Чэнь приказал гуандунскому казначейству не выдавать больше ни одного доллара на содержание 2-й Гуандунской армии, находившейся в походе.

Сунь Вэнь без труда понял, что все это значит. В конце апреля он вернулся в Кантон, оставил вместе с собой в Гуанчжоу Сюй Чун-чжи. Он отстранил Чэнь Цзюн-мина от всех постов. Чэнь подчинился и отбыл на «родину», в район Вэйчжоу, стянув туда своих отборных головорезов и сохранив связь с частями кантонского гарнизона, входившими в его армию.

В Кантоне наступило внешнее спокойствие. 1 мая там открылся первый Конгресс профсоюзов Китая — большое событие в жизни молодого китайского рабочего класса. В этот же день был торжественно отпразднован Первомай — праздник труда и международной пролетарской солидарности. Кантон алел ку-

мачом, пел, трещал хлопушками, гремел оркестрами. Тысячи людей участвовали в демонстрации.

Через несколько дней Сунь Вэнь перевел свою ставку в Шаогуань, в провинции Гуандун, в двухстах километрах к северу от Кантона. Сунь Вэнь решил быть ближе к столице Юга. Сюда перешла и 2-я Гуандунская армия. Войска были приведены к присяге на верность народу и республике. Сунь Вэнь потребовал, чтобы части 1-й армии также выступили на фронт. Чэнь отверг это требование и склонил командиров частей к неподчинению приказу президента. Правые гоминьдановцы были на стороне Чэня, они считали, что Сунь Вэнь должен отказаться от активной деятельности, так как «не способен руководить» и «всем надоел».

Чэнь Цзюн-мин выжидал, пока выяснится обстановка на Севере. Ждать пришлось недолго.

3 мая 1922 года войска Цао-У — так в Китае тогда называли союз Цао Куня и У Пей-фу — нанесли поражение войскам Чжан Цзо-линя под Чжансиньдянем на Пекин-Ханькоуской железной дороге. Чжан Цзо-линь увел свою армию в Маньчжурию, объявив ее «независимой» от Пекина. Через месяц, 4 июня, войска У Пей-фу вступили в столицу. Первым делом новый хозяин Пекина выгнал «президента» — Сюй Ши-чана. Победитель решил, что пока будет править без президента, без столицы и без правительства. Со временем, заявил он корреспондентам, как-нибудь создастся новый и правильный тип правительства, но до этого он оставляет власть в своих руках, а народу придется удовлетвориться местными органами управления.

У Пей-фу старательно разыгрывал роль «сильной личности», «патриота» и даже... «демократа»! По сути дела, он хотел бы сыграть роль нового Юань Ши-кая. Кто только не примерялся в те годы к «Трону дракона»!

Хозяева У Пей-фу — те, кто платил американским dólaresами, — указали ему, что для поддержания отношений с иностранными державами необходимо

димо иметь столицу и правительство. Этого требуют интересы и удобства иностранных держав.

— Хорошо, — сказал У Пей-фу, — будет вам столица, и президент, и кабинет.

Разыскали и привезли в Пекин старого Ли Юаньхуна, во второй раз посадили его в президентское кресло. Это было 11 июня. 13 июня Ли созвал парламент, избранный в 1913 году и им же, Ли, разогнанный в 1917 году. Другого парламента в Китае в это время не было: «болотный» парламент аньфуистов, «избранный» в 1918 году, был распущен в 1920 году, после поражения Дуань Ци-жуя в войне против чжилийских милитаристов. Большинство уцелевших депутатов парламента 1913 года, в том числе и те, кто заседал в Кантоне, послушно вернулись в Пекин, тем более что им была обещана выплата содержания за все годы «вынужденного прогула». Депутаты охотно утвердили назначение Ли Юаньхуна президентом. Кантонский парламент перестал существовать. Это было на руку Чэню. В довершение всего группа правых гоминьдановских деятелей — членов парламента во главе с ректором Пекинского университета Цай Юань-пэем, противником Суня, обратилась по телеграфу к Сунь Вэню в Кантоне с предложением, чтобы он отказался от поста президента республики, поскольку-де «парламент восстановлен». Эта телеграмма была отправлена из Пекина 14 июня. Чэнь Цзюн-мин усмотрел в ней сигнал к мятежу. У Пей-фу благословил Чэня. Кантонские купцы тоже. Гонконг санкционировал и торопил, посоветовав «действовать решительно». Сэр Роберт Ходун считал, что давно пора раз и навсегда раздавить «мятежника Суня». И все обещали щедро заплатить.

Очень им хотелось покончить с красным Кантоном. С тех пор как в Кантоне образовалось правительство Сунь Вэня, там не прекращались массовые стачки. Всюду стали появляться профсоюзы; это, конечно, дело коммунистов, а кантонское правительство их терпит! До того осмелили рабочие-китайцы, что объявили забастовку в самом Гонконге — всеобщую забастовку моряков, а потом и всех транспортников.

В марте 1922 года правительство Сунь Вэня приняло закон о свободе стачек. Потом это правительство разрешило созвать в Кантоне конгресс профсоюзов, праздновать Первое мая, — черт знает что делается! Нет, пора обуздить красных. Свинец — вот что им нужно дать, хорошую порцию свинца! Гонконгские газеты так примерно и писали тогда.

Для Чэня — это директива.

Чэнь решил действовать по методу Юань Ши-кая, который был испытан при «устранении» Дэн Гэна: он подослал к Сунь Вэню убийцу. Убить президента поручили молодой женщине, по имени Хуан Би-хунь. К Сунь Вэню приходили многие граждане. Приносили жалобы или передавали горячие приветы. Хуан — агент Чэня — явилась в резиденцию главы республики возле Гуаньиньшаня, северного предместья Кантона, по «срочному делу», как она заявила охране. По какому? Не могла толком объяснить. Была очень взволнована. Несла какую-то околосицу. Начальник караула, человек бывалый, приказал обыскать странную посетительницу. При ней оказался заряженный пистолет. Тут же учили допрос. Она призналась, что должна была добиться приема у президента и застрелить его.

Сунь Вэнь не придал большого значения этому случаю. Отдал приказ Сюй Чун-чжи двинуть войска Северного похода в Цзянси, поскольку военный губернатор Хунани, сговорившись с Чэнь Цзюн-мином, заявил, что не пропустит 2-ю Гуандунскую армию через «свою» провинцию. Сунь Вэнь решил идти прямо на Север, через провинцию Цзянси, где у Гоминьдана было много сторонников. Наступление увенчалось успехом. Пересядя южную границу Цзянси, армия почти без боев продвинулась на север на двести километров и достигла окружного центра Ганьчжоу. Отсюда шла хорошая дорога к району среднего течения Янцзы. Для военных перевозок можно было использовать полноводную реку Гань, приток Янцзы. Река текла вдоль дороги Ганьчжоу — Наньчан (столица Цзянси). Перспективы открывались благоприятные, многообещающие.

Вот в этот момент Чэнь решил нанести удар, уничтожить президента Сунь Ят-сена и свергнуть Южное правительство.

Из своего убежища в Вэйчжоу он дал приказ своим войскам в Кантоне атаковать в ночь с 15 на 16 июня 1922 года резиденцию президента, разрушить и сжечь ее дотла, а президента и всех тех, кто будет с ним, убить.

Глубокой, по-южному темной ночью вооруженные банды Чэня стали занимать район Гуанъиньшаня. По всему городу Чэнь расставил свои патрули. Он решил взять Кантон внезапным ударом.

В доме Сунь Вэня стояла небольшая охрана. В городе почти не было войск, верных республике, — все войска в походе. В его распоряжении была эскадра, стоявшая возле Вампу. И все. Сунь Вэнь еще не ложился. Он работал. В Кантоне он почти закончил большой теоретический труд — собственно, главный труд его жизни — «Три народных принципа», разработанный на основе огромного материала, накопленного за много лет. В президентской резиденции он собрал богатейшую библиотеку, сюда же перевез обширный архив — выписки из сотен трудов по самым различным проблемам, подготовительные работы для главного труда.

Он был погружен в свои мысли и не обратил внимания на какой-то шум, доносившийся извне.

Друзья, рискуя жизнью, пробрались сквозь цепи мятежников и сообщили президенту о грозившей ему опасности. Сунь Вэнь понял, что нельзя медлить ни секунды.

Сунь Вэнь, переодетый, ушел в ночь, в мрак, в неизвестность. С ним были два товарища. Город они знали отлично. Да и Сунь тоже хорошо ориентировался в запутанных переулках Кантона. Куда идти? Перебрали все возможные варианты. Ни один не подходил. Сунь Вэнь вовсе не собирался искать убежища, чтобы там спрятаться, нет, нет! Нужно идти туда, где имеются верные республике бойцы. Нужно дать бой этому негодяю Чэню! На эскадру, вот куда

он пойдет, к морякам. Шли много часов, сквозь оцепления мятежных войск. И добрались до Вампу, где обычно эскадра стояла на якоре. Эскадры не оказалось. У Вампу на якоре стояла лишь одна канонерская лодка «Юн Фын», на которой Сунь в 1917 году прибыл в Кантон. Выяснилось, что эскадра снялась вчера и ушла на юг, к входу в устье Жемчужной реки, где должна ждать новых указаний от командования. «Юн Фын» случайно задержалась у Вампу. Удача!

Сунь Вэнь собрал экипаж корабля и откровенно все рассказал морякам. Потом он отправил человека к командующему эскадрой с приказом: следовать к Вампу в распоряжение президента республики. С прибытием остальных кораблей Сунь Вэнь мог начать вооруженную борьбу против Чэня, захватившего Кантон.

Борьба неравная. У Чэня под ружьем не менее пятидесяти тысяч головорезов. Они заняли Кантон и все подступы к нему. Овладев городом и подавив сопротивление небольших сухопутных отрядов Сунь Вэня, мятежники стали заходить в тыл острова Вампу, перетаскивать сюда свою артиллерию, чтобы заставить корабли уйти. Сунь Вэнь рассчитывал затянуть борьбу и тем временем вернуть из Цзянси 2-ю Гуандунскую армию. Северный поход все равно сорван мятежом Чэня. Сюй Чун-чжи послан приказ: немедленно и быстро идти на Кантон и вышибить Чэня из города.

Но Сюй потерпел неудачу в нескольких боях. Сообщил Суню, что не в состоянии выполнить приказ об изгнании Чэня из Кантона, и вернулся в Цзянси, откуда двинулся в соседнюю провинцию Фуцзянь.

Сунь Вэнь понял, что пока больше не на кого надеяться. Флот не мог разбить сухопутную армию противника. Он распрощался с моряками и 10 августа выехал через Гонконг в Шанхай. Когда 13 августа 1922 года Сунь Вэнь вошел в свой дом в Шанхае, он понял, что закончена еще одна страница книги его жизни и истории борьбы за счастье народа.

4. Учиться у русских!

Краснеть за прожитые годы ему не придется. Пусть так. Но уроки извлекать надо. И пора сделать выводы. Как-то он сказал о себе: «Я прожил много лет и допустил много ошибок; если поживу еще, совершу еще больше ошибок, безошибочных действий не бывает». Надо изучить причины ошибок, дабы можно было уберечь себя от их повторения.

Вернувшись в Шанхай, Сунь Вэнь сказал своим друзьям:

— Мы должны выработать план и выполнить его до конца или сойти с политической арены. Если мы хотим добиться чего-то, то должны искать новые пути. У нас не было образца, которому мы могли бы следовать. Но теперь такой образец есть: Россия. Надо учиться у нее. И начать нужно с реорганизации партии... Нужен тесный деловой контакт с русскими. Русские совершили революцию и выдержали четырехлетнюю гражданскую войну. В Россию вторглось больше иностранных войск, чем когда-либо находилось в Китае. И все-таки русские победили! Потому что у них была народная армия, новая армия, созданная в ходе революции, и эту армию вели в бой партийные люди, революционеры. Эту армию поддерживали рабочие и крестьяне — народ.

Плачевно выглядела тактика опоры на одних милитаристов для борьбы против других. Сунь Вэнь не мог не признавать, что если бороться за победу революции «по-китайски», то результаты всегда будут отрицательные, ибо милитаристы будут сильнее и всегда сумеют перекупить тех военных, с которыми гоминьдановские лидеры блокируются. Надо бороться «по-русски», применяя опыт Советской России, опыт организации Красной Армии, чтобы стать независимыми от милитаристских группировок. Надо учиться у русских.

А не привлечь ли китайских коммунистов к работе в Гоминьдане?..

Коммунисты не стали ждать, пока Сунь Вэнь пригласит их к себе. Они сами пришли к нему. Коммуни-

сты считали, что рабочий класс нуждается в союзниках и такими союзниками в полуколониальной и полуфеодальной стране могут быть крестьянские массы, городская мелкая буржуазия и национальная буржуазия. Сунь Вэнь тоже приходил к выводу, что Гоминьдану нужны союзники — крестьянские и рабочие массы. Иначе ему одержать победу не удастся.

Коммунисты высказывались за реорганизацию Гоминьдана в боевой союз всех революционных сил, борющихся против империалистического гнeta, феодальной эксплуатации и засилья милитаристов. Точки зрения обеих партий сближались.

В Шанхае Сунь Вэня посетил один из выдающихся вождей Коммунистической партии Китая, Ли Да-чжао. Их познакомил профессор Пекинского университета Чжан Цзи. Ли откровенно сказал Сунь Вэню, в чем, по мнению коммунистов, слабость Гоминьдана: в том, что это партия без масс, без ясной программы и цели, без четкой организационной структуры. Сунь Вэнь ответил, что Гоминьдан имеет более ста пятидесяти тысяч членов, а Коммунистическая партия — несколько сот членов. На это Ли возразил, что большинство членов Гоминьдана не революционеры, а попутчики революции, ловцы постов, меньше всего их интересуют судьбы народа. Сколько в Гоминьдане представителей старой интеллигенции, чиновников, политиков, военных, смахивающих на милитаристов, и сколько раз они уже изменяли своей партии и ее вождю!

В душе Сунь Вэнь соглашался со многим из того, о чем говорил Ли.

Перед тем как попрощаться, Ли Да-чжао сказал, что хотя он коммунист, вернее именно потому, что он коммунист, он хотел бы вступить в Гоминьдан, чтобы помочь в реорганизации партии. Сунь Вэнь выразил согласие и дал Ли рекомендацию. Ли был первым коммунистом, принятым в Гоминьдан. Первый шаг к сотрудничеству был сделан. За такое сотрудни-

чество обеих партий высказывались Ляо Чжун-кай и Чэнь Ю-жэнь, ближайшие соратники Суня. Правые гоминьдановцы были против. Но Сунь Вэнь им не уступил.

4 сентября 1922 года Сунь Вэнь созвал в своем доме в Шанхае специальное совещание. Присутствовало более пятидесяти гоминьдановских партийных деятелей и представителей Коммунистической партии Китая. Было решено создать специальный комитет из девяти членов для выработки плана реорганизации проекта программы и устава. В состав комитета был избран один коммунист.

Китай переживал осенью 1922 года то особенное и неповторимое состояние быстро нарастающего революционного подъема, когда активность масс принимает самые различные формы и проявления и порой опережает деятельность политических партий. В честь десятилетия славного восстания в Учане в 1911 году, положившего начало китайской революции, в Пекине состоялась небывало мощная демонстрация — пятьдесят тысяч жителей столицы вышли на улицу. Это было 10 октября. А 7 ноября во многих городах Китая с большим подъемом праздновали пятую годовщину Октябрьской революции в России. Решения Вашингтонской конференции — новой попытки сговора империалистических держав за счет Китая — вызвали в Китае новый подъем антиимпериалистического движения. Волна массовых стачек поднималась вверх, появлялись новые печатные издания, призывавшие к решительной борьбе за спасение родины, звучали новые песни и лозунги. Рабочий класс, простые труженики становились ведущей силой в общественном движении. Дыхание революционных событий во всем мире, а особенно в России, рядом с Китаем, победы Красной Армии над интервентами и белогвардейцами, освобождение Советского Дальнего Востока — все это ощущалось на китайской земле с могучей силой. Той осенью Китай переживал бурную весну. Честный революционер не мог не поддаться этому воздействию народного порыва. Сунь Вэнь был честный революционер, боец, преданный народу. Его возмущало равнодушие

дущие многих гоминьдановских лидеров к народному движению. Он видел, что с ними ему не по пути, что приходит время, когда разрыв с ними станет неизбежным, неотвратимым. Тем лучше, думал он, тем лучше!

В это время — во второй половине ноября 1922 года — Сунь Вэню сообщили, что его желал бы посетить находящийся в Пекине глава дипломатической миссии Советской России А. А. Иоффе. Сунь Вэнь с радостью согласился принять у себя высокого гостя. Он сразу понял, что приезд Иоффе в Шанхай не акт вежливости дипломата, а связан с важными политическими целями.

Стояла жаркая и влажная шанхайская осень. В такое время все, у кого есть возможность, уезжают в места более прохладные, хотя бы на озеро Си, в Ханчжоу. Сунь Вэнь никуда не уезжал. В его шанхайском доме шли важные беседы. Советский дипломат подробно информировал Сунь Вэня о том, как произошла Октябрьская революция и установилась советская власть во всей России, о ходе гражданской войны и условиях, обеспечивших победу Красной Армии. Он разъяснил решающую роль партии большевиков и Ленина в переводе России на новые, социалистические пути развития.

А. А. Иоффе ознакомил Сунь Вэня с заявлением народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина от 25 октября 1922 года о положении на Дальнем Востоке, особенно с той частью, которая касается Китая. Позиции Советской России на Дальнем Востоке укрепляются изо дня в день, интервенты и белогвардейцы разгромлены и вышвырнуты с советской земли. Это способствует дальнейшему и быстрому развитию дружественных отношений между Россией и Китаем. Г. В. Чичерин от имени Советского правительства заявил:

«Советская Россия и Китай — естественные союзники, и этой дружественной политике между ними принадлежит будущее. Китайская общественность прекрасно понимает, что Советская Россия чужда каких бы то ни было намерений, не согласуемых с полнейшей политической и экономической независи-

мостью Китая и его самостоятельным развитием. Советская Россия — единственное крупное государство, готовое всячески поддерживать полную независимость Китая во всех отношениях и полный расцвет его самостоятельного развития. Она с величайшей симпатией следит за борьбой китайского народа против иностранного гнета, иностранного вмешательства и против деспотических генерал-губернаторов, пользовавшихся до сих пор фактически абсолютной властью в отдельных провинциях и раздиравших Китай междусобиями.

Китайская общественность знает, — сказал в заключение Чичерин, — что Советская Россия питает величайшую симпатию к стремлениям китайского народа к созданию объединенного демократического Китая...»

Сунь Вэнь с неослабным вниманием выслушал эту часть заявления народного комиссара иностранных дел Советской республики. Он хорошо понимал, что в словах Чичерина отражена точка зрения самого Ленина. Иоффе рассказал Сунь Вэню, какое большое внимание Ленин уделяет внешней политике и как велик его интерес ко всему, что связано с советско-китайскими отношениями.

Затем советский дипломат в откровенной дружеской беседе высказался о внутренних проблемах Китая и проблемах китайской революции. Самое главное, по его мнению, — реорганизовать, а по существу, создать партию революции. Следует также уточнить «Три народных принципа», особенно в отношении таких важнейших пунктов, как борьба с империализмом, сотрудничество с коммунистами и Советской Россией и опора на рабочие и крестьянские массы. Сунь Вэнь рассказал А. А. Иоффе о планах реорганизации Гоминьдана и о намерении послать специальную военно-политическую делегацию в Москву для того, чтобы ознакомиться с организацией и деятельностью советских правительственные и партийных органов и договориться о неотложной помощи китайскому революционному лагерю.

Сунь Вэнь больше слушал, что-то записывал, пе-

рекидывался словами с присутствовавшими при беседах Ляо Чжун-каем и Чэнь Ю-жэнем, потом сказал, что, по всей вероятности, было бы очень полезно, если бы Москва направила к нему советников по военным и политическим вопросам. Иоффе обещал подробно информировать Москву о содержании их беседы. Договорились опубликовать Совместное заявление о переговорах. Совместное заявление было подписано А. А. Иоффе и Сунь Ят-сепом 26 января и опубликовано в китайской и советской печати 28 января 1923 года. Это был первый государственный акт о дружбе и сотрудничестве между Советской страной и революционными силами Китая.

Сунь Вэн испытывал небывалый душевный подъем. Все сомнения и неясности исчезли: если китайская революция победит, то только в союзе и в тесном сотрудничестве с революционной Россией. Он понимал, что Москва протянула китайскому народу братскую руку — верную руку настоящего, бескорыстного друга.

После окончания переговоров с Иоффе Сунь Вэн писал одному своему стороннику: «По известному Вам делу недавно было доставлено специальным представителем письмо, в котором выражается интерес к проблемам положения на Дальнем Востоке и говорится о путях их разрешения. На все затронутые вопросы я ответил. С тех пор между нами установилась переписка, и мы имеем возможность советоваться во всех случаях. Этого представителя сопровождает военный работник, я попросил направить его в первую очередь в Шанхай, чтобы подробнее узнать о военной ситуации. Думаю, что он скоро прибудет».

Все это происходило в исключительно ответственное время. На Юге наметились важные перемены. Чэнь доживал в Кантоне последние дни. Сунь Вэню снова предстояла дорога в город революции, в город, куда всегда стремилась его беспокойная, пламенная душа.

Глава девятая

ЧЕЛОВЕК ВЕЛИКОГО ДЕЛА

1. Кантон — Москва

В октябре 1922 года Сунь Вэнь уже точно знал, что предатель Чэнь Цзюн-мин не в ладах со своими союзниками — гуансийскими генералами Лю Чжэньхуанем и Шэн Хун-ином и юньнаньским генералом Ян Си-мином. Вражда между ними вспыхнула на почве грабежа. Лю, Шэн и Ян сговорились выбить Чэня из Кантона. Сунь Вэнь решил воспользоваться дракой между милитаристами и освободить столицу Южного Китая. Какими силами располагал Сунь Вэнь? Номинально ему подчинялась 2-я Гуандунская армия, которой командовал гоминьдановский генерал Сюй Чунчжи. Где была эта армия в начале 1923 года? Напомним, что она осталась в юго-западных районах провинции Фуцзянь, куда ушла после неудачных боев с восставшими войсками Чэня в августе 1922 года. В октябре 1922 года она заняла важный порт Фучжоу, где и расположилась на отдых. Узнав об этом, Сунь Вэнь отдал Сюй Чунчжи приказ: пополнить армию людьми, вооружением и боеприпасами и идти в Гуандун — освобождать Кантон. Чэнь не захочет ввязаться в серьезные бои, ибо в его тылу враждующие с ним гуансийцы и юньнаньцы.

Сюй, однако, не спешил выполнять полученный приказ. Этим воспользовались гуансийцы и юньнаньцы и двинулись на Кантон. Войска Чэня, занимавшие важную позицию у Чжаоцзина на Западной реке, перешли на их сторону. Узнав об этом, Чэнь покинул Кантон и ушел в Вэйчжоу, к востоку от города. Так

случилось, что 26 января 1923 года гуансицы снова оказались на улицах Кантоне. Сунь Вэнь послал туда Ху Хань-мина, которого назначил гражданским губернатором Гуандуна. Хозяевами в Кантоне оставались гуансицкие милитаристы. Их «главнокомандующий» генерал Шэн Хун-ин и не думал подчиняться Сунь Вэню.

Сунь Вэнь поспешил в Кантон. Он прибыл туда 21 февраля. Рабочие организации, патриоты Юга с радостью встретили своего великого земляка. Сунь Вэнь приступил к наведению порядка. 3 марта он вновь занял пост генералиссимуса и сформировал отряд. Под командованием Сунь Вэня этот отряд разбил армию Шэна и заставил его покинуть Гуандун. Шэн ушел в провинцию Гуанси. Теперь в Кантоне оставались войска другого гуансицкого генерала, Лю Чжэнь-хуаня, и юньнаньского генерала Ян Си-мина. А 2-я Гуандунская армия, на которую Сунь Вэнь возлагал столь большие надежды, все еще была далеко. Ее командующий, Сюй Чун-чжи, жаловался, что не в силах пробиться через район, занятый войсками изменника Чэн Цзюн-мина.

Невозможно было навести порядок и в самом Кантоне. Власти менялись в столице Гуандуна чуть ли не каждую неделю. Чехарда! Но реальная власть оставалась в руках все тех же двух генералов — Лю и Яна. Их «политика» была проста: побольше награбить. Гуандунцы ненавидели обоих. Сунь Вэнь понимал, что ненависть может распространиться на него и Гоминьдан.

Будучи в Кантоне, Сунь Вэнь не переставал поднимать свой голос в защиту кровных интересов Китая, обличая происки империалистов и выступая с продуманными предложениями, как облегчить положение народа. Сунь Вэнь отнюдь не был сторонником «политики силы». Он неоднократно высказывался за мирное объединение страны. В январе 1923 года он снова обратился с посланием к лидерам различных военных группировок с предложением стать на путь мирного объединения государства и с этой целью приступить к сокращению численности вооружен-

ных сил враждующих групп милитаристов. Иначе мирное объединение Китая невозможно. Он предостерег военных лидеров, что если они будут этому противиться, то «узнают, как грозен голос народа. Им придется либо самим сложить оружие, либо пожар разожженной ими войны проглотит их самих».

В это тяжелое время Сунь Вэнь пришел к окончательному выводу, что практика союзов с различными милитаристами должна быть оставлена и что необходимо приступить к организации революционной армии и созданию революционных командных кадров.

Сунь Вэнь понимал, что без самого тесного сотрудничества с Советской Россией и Коммунистической партией Китая невозможно решить эти задачи, а без решения этих задач китайская революция победить не сможет. Тут одно связано с другим. Реакция в Китае вооружена до зубов. А революция так и не имеет преданных ей вооруженных сил. Вот поэтому революция и терпит поражения. Революционная армия — это вооруженный народ! Пока народ не на стороне революционной партии, невозможно сформировать настоящую революционную армию.

Нужен революционный, преданный народу офицерский корпус, нужна, следовательно, своя революционная военная школа. Кто в состоянии помочь в создании такой школы? Тут и спора быть не может: только Советская Россия. На нее все надежды.

Он говорил об этом громко, чтобы все слышали: надежда только на новую Россию!

В день китайского Нового года, обращаясь к народу, Сунь Вэнь сказал:

— Отныне мы больше не смотрим на западные страны. Наши взоры устремлены на Россию... Отныне, если не следовать примеру России, революция не сможет быть успешной... Мы должны учиться у русских. Если наша партия не будет учиться у русских, она не добьется победы...

Ясно. Никаких сомнений. Твердо.

У русских прежде всего надо учиться устанавливать связи с массами.

У русских, далее, следует учиться организации союза революционных сил.

У русских еще следует учиться борьбе на два фронта, что в условиях Китая означает: против империализма и против пережитков феодализма.

У русских, наконец, следует учиться созданию революционной армии и ведению революционной войны на фронте и в тылу.

И учиться надо быстро, не откладывая. Учиться у русских, значит также действовать по-русски.

Уже много раз он думал обо всем этом. Настало время претворить эти правильные мысли в дело.

Одно важное дело он уже сделал: отправил в Москву военно-политическую миссию. В состав миссии по просьбе коммунистов включил их молодого, боевого активиста Чжан Тай-лэя. Послал письма Ленину и другим руководящим советским деятелям. Задачу миссии Сунь Вэнь сформулировал так: «Обсудить, чем и как наши друзья в Москве могут помочь мне в моих трудах в Китае».

Связь с Советской Россией установлена прочная, надежная. И с Пекином тоже налажена связь — с нужными людьми и с дипломатической миссией СССР. Приехал новый глава миссии — Лев Каракан. Сунь получил письмо, от которого стало светло на душе.

«8 сентября 1923 года.

Д-ру Сунь Ят-сену, Кантон.

Прошу принять сердечные приветствия и уверения в моей глубокой признательности Вам за дружбу, проявленную Вами в тяжелые дни борьбы России за независимость и свободу. В Вашу страну меня прислал Союз Советских Социалистических Республик, искренне желая осуществления общих интересов двух наших стран и их оформления на твердой, незыблевой основе. Как бы ни мешали империалисты нашей дружбе, которой они враждебны, она станет фактом. Мы глубоко убеждены, что Союз Советских Социа-

листических Республик и Китай должны крепко взять друг друга за руки, чтобы заставить империалистов отказаться рассматривать нас как страны, годные лишь для порабощения и ростовщической эксплуатации. Я знаю, что на этом пути лежат препятствия, но то единодушное и повсеместное проявление глубоких симпатий со стороны Ваших соотечественников и оказанный мне сердечный прием в Китае внушают мне чувство большой надежды.

Дорогой д-р Сунь Ят-сен, Вы — старый друг Новой России, и на Вашу поддержку в своей ответственной работе по тесному сближению наших двух народов я рассчитываю. Дружба двух великих стран будет лучшим залогом их свободного и мирного развития.

Л. Каракан».

Сунь Вэнь отоспал ответ:

«16 сентября 1923 года
Л. Каракану, Пекин.

Я глубоко тронут Вашей великодушной оценкой моей постоянной дружбы к Новой России, и я утверждаю, что никакая критика идеологии, которую Вы защищаете, не может помешать и не помешает вместе с Вами считать, что истинные интересы наших стран требуют выработки общей политики, которая даст нам возможность жить на условиях равенства с другими державами и освободит нас от политического и экономического рабства, навязанного международной системой, опирающейся на силу и действующей методами экономического империализма.

Вы правы в том, что вновь чувствуете уверенность перед лицом проявлений симпатии и гостеприимства, которые Вам оказали по прибытии в Китай. Мои сограждане, я убежден, искренне желают успеха Вашей миссии, особенно в вопросе о формальном признании Советского правительства. Но Ваше самое значительное затруднение состоит в ведении переговоров с политической группой, которая, кроме того, что она аб-

согутно не представляет китайский народ, перестала иметь даже видимость национального правительства, и ее дипломатия в действительности руководствуется скорее желаниями и указаниями определенных иностранных держав, чем жизненными интересами Китая как независимого и суверенного государства.

Вы уже имели яркий пример этого китайского прислужничества чужеземным интересам на приеме, который был дан в Вашу честь пекинским делегатом, назначенным для ведения переговоров с Вами. Он предложил Вам сформулировать советскую политику по образцу американской, и Вы должным образом ответили ему, заявив, что «Россия никогда не будет следовать примеру Америки и не поставит своей подписи под таким документом, как Линьчэнскаяnota¹. Россия никогда не будет требовать экстерриториальности и капитуляций, а также не будет учреждать судов или административных органов на китайской территории. Россия отказывается от всех концессий и привилегий, нарушающих суверенитет или интересы китайского народа. Россия устанавливает в своих отношениях с Китаем принцип полного и абсолютного равенства».

От имени китайского народа я должен приветствовать и благодарить Вас за этот памятный урок политического реализма, преподанный этому покорному слуге теперешних хозяев Пекина.

Сунь Ят-сен».

Уже после того, как это письмо было отправлено, от Л. Карабана поступила в Кантон телеграмма, содержащая крайне важное сообщение. Сунь Вэня не было в Кантоне в день получения телеграммы. Но, прочитав ее, он немедленно ответил по телеграфу же. В добавление к телеграмме отправил Л. Карабану

---

¹ Коллективнаяnota империалистических держав Китаю с новыми требованиями, в частности — передачи им контроля над китайскими железными дорогами в связи с нападением бандитов на поезд на станции Линьчэн в мае 1923 года. Нота вызвала огромное возмущение в Китае.

письмо, дополняющее предыдущее послание, от 16 сентября 1923 года.

*«Китайская республика. Ставка правительства.
Кантон.*

17 сентября 1923 года

Дорогой товарищ Каракан!

Я должен подтвердить получение Вашего наиценнейшего сообщения, которое было переслано мне во время моего пребывания на фронте с целью проведения совещания с моими военными руководителями. Этим объясняется небольшая задержка в отправке моей ответной телеграммы...

Едва ли мне необходимо говорить, что Вы можете рассчитывать на меня в смысле помощи, которую я смогу оказать, чтобы двинуть вперед дело Вашей настоящей миссии в Китае. Вы, однако, найдете чрезвычайно трудными переговоры с пекинской группой, которая в своих отношениях с Россией фактически выполняет *mot d'ordre* (приказ. — Ред.) посольского квартала (то есть иностранных дипломатов в Пекине. — Ред.). Пожелание Ван Чжэнь-тина¹, чтобы Вы последовали примеру Америки, является ясным указателем источника влияния, которое будет руководить им в его переговорах с Вами.

Я не сомневаюсь в том, что Пекин будет стараться связать с формальным признанием Советского правительства условия, которые Америка и другие капиталистические державы определят как своего рода *qui pro quo* (услуга за услугу. — Ред.) за признание этими державами любой новой администрации, возглавляемой Цао Кунем.

В случае, если Вы найдете безнадежными переговоры с Пекином на условиях, которые, не ущемляя суверенных прав китайского народа, поставили бы новую Россию в положение международного равенства с другими иностранными державами, Вам, может

¹ Ван Чжэнь-тин — китайский государственный деятель и дипломат, главный делегат по переговорам с Л. Караканом о восстановлении дипломатических отношений между Китаем и СССР.

быть, придется рассмотреть целесообразность приезда в Кантон и переговоров с моим новым правительством, в настоящее время формирующимся, вместо того чтобы возвращаться в Москву с пустыми руками. Капиталистические державы будут пытаться на нести через Пекин и посредством Пекина новое дипломатическое поражение Советской России. Но всегда имейте в виду, что я готов и имею теперь возможность раздавить всякую такую попытку унизить Вас и Ваше правительство.

Совершенно искренне Ваш

Сунь Ят-сен».

«Ниценнейшее сообщение», так взволновавшее Сунь Вэня, касалось добровольцев-советников, которых он с нетерпением ждал. Вскоре Сунь узнал от том, что в Кантон выехали первые советники и среди них видный политический деятель М. М. Бородин.

Сунь Вэнь чувствовал, что силы его удешевились. Нет, теперь уж никто не сможет заставить его уйти из Кантона. Не те времена! Теперь у китайской революции могущественный союзник и друг.

2. Год перелома

Эти осенние дни 1923 года были лучшими в трудной, полной испытаний, опасностей и тревог жизни Сунь Вэня. Каждый из этих дней приносил что-нибудь новое, и он все явственнее ощущал, что в развитии революции, которой он себя посвятил с юношеских лет, наступил глубокий поворот — поворот к победе над врагом, куда более могущественным, чем маньчжурское самодержавие.

...Теперь нужно укреплять и расширять политическую и территориальную базу китайской революции в Кантоне и вообще на Юге. Но в первую очередь — завершить реорганизацию Гоминьдана.

Что уже сделано?

Назначенный 6 сентября 1922 года «Комитет 9-ти»

представил 1 января 1923 года проект программы и устава. Идеи программы отражены в выпущенном тогда же манифесте о необходимости демократических преобразований. Манифест выдвигал принцип: «Стремиться к изменению договоров и восстановлению свободного и равноправного положения нашей страны на международной арене». В те же дни появилось совместное заявление Сунь Ят-сена — А. А. Иоффе, в котором этот принцип нашел полное признание Советского Союза.

В этих документах ощущается прогрессивное развитие взглядов Сунь Вэня на проблемы борьбы против империализма. Антиимпериалистический и антифеодальный курс начинает все яснее проступать в политике руководства Гоминьдана. Закладываются основы новой ориентировки — знаменитые «три политические установки»: союз с СССР, союз с Коммунистической партией Китая, союз с рабочими и крестьянами, забота об их нуждах.

Проект нового устава впервые в истории Гоминьдана вводит регулярные съезды партии и заседания руководящего комитета (ЦК), намечает создание местных организаций во всех частях Китая.

Проекты, разработанные «Комитетом 9-ти», известны под названием «Первой реорганизации». Так было положено начало большому делу.

В октябре 1923 года в Кантон прибыл М. М. Бородин. В первой же беседе с Сунь Вэнем он сказал:

— Я приехал сюда, чтобы отдать себя в распоряжение китайской национальной революции. Ваша цель — борьба против иностранного империализма, что является также и нашей целью...

Еще он сказал, что Гоминьдан страдает от серьезных недостатков: 1. Слаба дисциплина. 2. В партии много чуждых людей — продажных чиновников и авантюристов. 3. Партия не имеет массовой базы. Без устранения этих недостатков Гоминьдан не сможет стать действенной силой.

Через пять дней после приезда Бородин сделал большой доклад на заседании Гуандунского провин-

циального комитета Коммунистической партии Китая об основных чертах плана реорганизации Гоминьдана, чтобы превратить его в сильную, дисциплинированную партию, способную вести за собой массы.

13 октября предложения Бородина были одобрены Сунь Вэнем и его ближайшими соратниками.

25 октября Сунь Вэнь назначил Временный Центральный Исполнительный Комитет Гоминьдана в составе девяти человек, в том числе одного коммуниста, для окончательной разработки плана реорганизации, а также проекта программы и устава. Эта работа заняла три месяца.

Обо всем этом Сунь Вэнь довел до сведения всей партии и народа специальным «Манифестом о реорганизации Гоминьдана» (ноябрь 1923 г.). В манифесте кратко изложены основные этапы в развитии партии и перечислены задачи и цель реорганизации: превратить Гоминьдан в хорошо организованную и обученную политическую партию, которая в соответствии со своей исторической миссией должна учить чаяния народных масс и вести их на борьбу за достижение своих политических целей. Далее говорилось о том, что после завершения подготовительной работы будет созван Всекитайский съезд Гоминьдана, который утвердит новую программу и устав. В манифесте также говорилось: «Надо провести чистку рядов партии, освободившись от недостойных и сохранив лучших ее членов».

13 декабря М. М. Бородин был официально назначен политическим советником Кантонского правительства и Гоминьдана. Сообщая об этом Бородину, Сунь Вэнь сказал: «Мы знаем, кто наши друзья, кто — враги». Бородин, конечно, понимал, что его авторитет, доверие Сунь Вэня к нему — это выражение братских чувств, которые трудящиеся Китая и руководители революционного движения питали к Советскому Союзу — великому другу китайского народа. В одном из своих выступлений Бородин правильно сказал: «В чем секрет симпатий к русским в Китае? Русские — единственный народ, который смотрит на китайцев, как на равноправную нацию, и обращаются

с ними, как с равными». Не «московское золото», о чем шумела реакционная капиталистическая печать и вслед за ней — реакционная китайская печать, а московская дружба завоевала сердца китайских патриотов.

А в Пекине в это время разыгрывался позорнейший фарс — «избрание» бывшего бандита Цао Куня на пост президента. Так было угодно американскому империализму. Депутаты парламента (многострадального парламента, избранного еще в 1913 году!) не хотели голосовать за Цао. Многие из них разъехались по провинциям. С 13 июня в Пекине не было «главы государства». (Ли Юань-хун повздорил с У Пей-фу и был прогнан им.) Депутатов это мало заботило — они привыкли ко всему. Но Цао не терпелось занять кресло президента. С июня депутатов стали силой сгонять в столицу. Других соблазняли деньгами. Но все же нашлись депутаты и сенаторы, которые не пожелали участвовать в этой гнусной сделке. Они пробовали уехать из Пекина. Не тут-то было! Их бесцеремонно вытаскивали из вагонов. Не явившихся на заседание депутатов и сенаторов выволакивали из квартир и под конвоем приводили в парламент. «Демократия» торжествовала!

5 октября 1923 года Цао стал президентом. А через пять дней тот же парламент утвердил в третьем чтении «постоянную» конституцию, выработанную еще в 1913 году и тогда же принятую в первом чтении (второе чтение состоялось в 1917 году). Потребовалось десять лет для утверждения конституции! А когда ее, наконец, утвердили, оказалось, что новая конституция мертва, ибо никто — ни один милитарист (в это время они были хозяевами в большинстве провинций и в Пекине) — не намеревался с нею считаться.

Китай как суверенное государство агонизировал. Единственная его надежда заключалась в развитии национально-освободительного движения. Главная база этого движения находилась на Юге, в Кантоне.

Мировой империализм сделал еще одну попытку уничтожить ее. В конце 1923 года Чэнь Цзюн-мин — цепной пес гонконгских хозяев — бросил свои банды на Кантон, и почти одновременно соединенная эскадра в составе семнадцати английских, американских и японских военных кораблей вошла в Жемчужную реку, угрожая резиденции правительства Сунь Ятсена. Но вооруженные рабочие отряды, моряки и солдаты отразили нападение Чэня. Соединенная эскадра империалистических держав постояла у Кантона и... ушла.

Не те времена! — мог повторить Сунь Вэнь.

Да, этот год был особенный — великий переломный год в развитии революции. Престиж Сунь Вэня стоял необычайно высоко. Широкая патриотическая пропаганда, рост организованных сил рабочего класса и крестьянства изменили положение в стране. Единый национально-революционный фронт становился реальностью и оказывал решающее влияние на политическую жизнь.

Переломным был он и для самого Сунь Вэня. Он многому научился. Многое по-новому понял.

Сунь Вэню было в это время пятьдесят семь лет. Он сохранил умственную свежесть и гибкость и был готов усваивать науку революции, учиться и, если нужно, еще и еще раз переучиваться. Он шел к дружбе с Советским Союзом не потому только, что мог получить от него материальную поддержку, а потому прежде всего, что дружба и сотрудничество с Советской страной и тесные отношения с партией Ленина, которого Сунь Вэнь глубоко уважал, перед которым преклонялся, духовно обогащали, идеино вооружали революционный лагерь в Китае. Сунь Вэнь был передовой мыслитель, он с готовностью воспринимал революционные идеи, особенно революционную тактику борьбы против империализма и феодальных пережитков. Поэтому он внимательно прислушивался к советам Москвы и боролся за их претворение в жизнь.

В конце 1923 года Сунь Вэнь был по своим взглядам не тем, каким он был, когда началась его революционная деятельность, когда создавал Объединенный союз или когда в 1911 году занимал пост временного президента. Теперь Сунь Вэнь сотрудничал с партией пролетариата — с Коммунистической партией Китая, он шел на тесный союз со страной пролетарской диктатуры — Советским Союзом и был готов учиться не у столпов буржуазной демократии, а у Ленина. Времена изменились. Сунь Вэнь не стоял на месте. Он тоже развивался. Он развивался как революционный демократ. Выражалось это в сближении его с мировым рабочим движением, в том, что при участии Сунь Вэня китайская революция становилась частью мировой революции пролетариата и угнетенных народов мира против империализма.

Дружба с Советским Союзом в обстановке острой борьбы против вековых угнетателей китайского народа не могла мотивироваться и ограничиваться лишь соображениями взаимной выгоды. Эта дружба возникла в борьбе против общего врага в движении масс. А массы, с восторгом воспринимая дружбу с советским народом, вместе с тем учились у него, впитывая в себя победоносную пролетарскую идеологию, утвердившуюся в нашей стране. Престиж социалистического государства — Советского Союза, авторитет, которым он пользовался у народных масс Китая, доверие этих масс к советскому народу, к советским рабочим и крестьянам, к партии Ленина, уважение к В. И. Ленину, восхищение Красной Армией, разгромившей белогвардейцев и интервентов, — вот могучие политические и идеологические факторы, которые сближали трудящихся Китая и лучших представителей его интеллигенции с идеями коммунизма. Известно, что немало передовых людей Китая, и не только Китая, пришли к марксизму-ленинизму именно через дружбу с Советским Союзом.

Развитие революционного демократизма Сунь Вэня отражено в его выступлениях по важнейшим проблемам политики и тактики. Прежде всего это отно-

сится к защите и обосновании им дружбы с Советским Союзом.

11 ноября 1923 года он писал Инукаи Цуёси: «Советская Россия является спасителем угнетенных народов Европы и главным противником угнетателей... Китай и Индия также будут полагаться только на Россию».

В речи, произнесенной 1 декабря 1923 года, он говорил:

«Мы должны учиться у России ее методам, ее организаций, ее подготовке членов партии, только тогда мы сможем надеяться на победу... Русские — люди большого размаха, обширных познаний, поэтому они сумели выработать правильные методы. Если мы хотим успешно завершить революцию, нам необходимо учиться у них».

Об этом же Сунь Вэнь говорил своим товарищам по партии в связи с подготовкой к реорганизации Гоминьдана. При этом он высказывает мысль, имеющую большое значение и в настоящее время, сорок лет спустя. Сунь Вэнь предостерегал против чрезмерного увлечения вооруженным насилием в ущерб идейной борьбе и распространению революционных идей в массах.

«Несведущие люди, — указывал Сунь Вэнь, — считают, что победить с помощью армии — это значит добиться успеха в революции, но они глубоко ошибаются. Революция — это спасение людей, война — их истребление». Сунь Вэнь, разумеется, не отвергал вооруженной борьбы, всю жизнь он провел в походах революционных армий. Но, по его мнению, окончательная победа зависит от умения революционной партии просветить народные массы, или, как он говорит, «от того, как будет организована пропаганда». Как вести пропаганду? «Армия ведет пропаганду, полагаясь на силу оружия, мы же, члены партии, — на силу своих идей. И те и другие участвуют в революции, однако результаты их борьбы разные. Успеха в революции можно достигнуть не истреблением людей, а их спасением. Нужно, чтобы народ

был в состоянии сам спасти себя; для этого ему необходимо понять, как следует жить».

Эту мысль Сунь Вэнь считал крайне важной, и он разъяснил ее в речи от 30 декабря 1923 года. «При выборе методов борьбы основной упор должен быть сделан на пропаганду, а не на военную деятельность» — таков лейтмотив этого замечательного выступления Отца китайской революции в пору ее бурного подъема. «В наше время, — продолжал он, — когда политическое сознание людей достигло высокого развития, когда идеи демократии получили широкое распространение, тем более нельзя полагаться на одну лишь военную силу. Необходимо добиваться, чтобы каждый человек был готов добровольно подчиниться нам, чтобы все одобряли идеи нашей партии. Только тогда будет легко добиться успеха. Для скорейшего достижения победы революции надо, чтобы девять десятых нашей борьбы приходились на пропаганду и лишь одна десятая — на военную силу». Сунь Вэнь призывал своих товарищ «вести борьбу, опираясь на разум и силу масс... отныне вы должны придать особое значение пропагандистской работе и отказаться от чрезмерного увлечения военной силой».

В мышлении Сунь Вэня происходил глубокий процесс переоценки ценностей и переориентировки — вот важнейший факт, характеризующий его личность в это время. И процесс этот давал о себе знать с большой силой именно в памятном 1923 году.

3. Народ, революция, партия

25 ноября 1923 года в Кантоне состоялось Чрезвычайное собрание Гоминьдана, посвященное реорганизации партии. Сунь Вэнь понимал, что реорганизация — главное звено в цепи мер, намеченных совместно с советскими товарищами и китайскими коммунистами, для возрождения (а по существу, создания заново) революционной партии. Роль партии — руководителя и вождя народа в революции Сунь Вэнь оценивал очень высоко. От реорганизации

он ожидал прежде всего установления и упрочения связи с массами. На этом собрании Сунь Вэнь выступил с докладом о предстоящем первом Всекитайском съезде реорганизованного Гоминьдана. Он произнес тогда веющие слова:

«До сих пор наша партия имела основу почти исключительно среди китайских эмигрантов за границей, так как большинство членов находилось в других странах. В Китае же наши силы были очень слабы. Поэтому в своей борьбе в самом Китае мы опирались на вооруженные силы. Если побеждали вооруженные силы, побеждала и наша партия, если терпели поражения вооруженные силы, терпела поражение и наша партия. Следовательно, основная цель реорганизации партии заключается в том, чтобы впредь мы опирались на силы нашей партии. Собственные силы партии — это чувства и силы народа. Отныне наша партия должна превращать силы народа в силы партии, использовать силы народа для борьбы».

Об этом же он говорил на собрании 1 декабря, также посвященном реорганизации партии. В прошлом, напомнил Сунь Вэнь, у Гоминьдана не было образца, которому он мог бы следовать. Теперь такой образец есть. «Мы хотим сделать партию ядром революционных сил». И, повернувшись к сидевшему тут же М. М. Бородину, сказал: «Я попросил господина Бородина, который имеет большой опыт партийной работы, стать инструктором нашей партии, помочь нашим товарищам изучить русские методы борьбы. Я надеюсь, что члены нашей партии отрешатся от предвзятых мнений и будут искренне учиться у него».

Этой позиции Сунь Вэнь твердо держался и в последующее время. Он был ей верен до конца своей жизни. А жить ему осталось немного — всего пятнадцать месяцев...

Провести реорганизацию было трудно. В Гоминьдане далеко не все были за нее. Многие старые сподвижники Сунь Вэня всеми силами противились цент-

рализации руководства и установлению железной дисциплины в партии. Еще больше «ветеранов» категорически отвергало политику союза с Коммунистической партией Китая и тесного сотрудничества с Советским Союзом. В борьбе против реорганизации и курса Сунь Вэня на сотрудничество с СССР и китайскими коммунистами объединились все правые группы и реакционные клики.

Через четыре дня после собрания одиннадцать членов гуандунской организации Гоминьдана подали Сунь Вэню петицию против сотрудничества с коммунистами. Они утверждали: коммунисты стараются «проникнуть» в Гоминьдан, чтобы «использовать его в своих интересах». Сунь Вэнь разъяснил петиционерам, что Гоминьдан терпел неудачи потому, что его члены не понимают сути «Трех народных принципов». Суть же их в том, что по заложенным в них идеям они «идентичны идеям коммунизма». Иностранные державы помогают врагам Гоминьдана, продолжал Сунь Вэнь. «Дружба с СССР — это совсем другое дело. Только от СССР можно ждать помощи, да еще от угнетенных народов». На правых эти разумные и убедительные доводы не оказали никакого действия. Наиболее злобную травлю Сунь Вэня вела группа, возглавлявшаяся замаскированным контрреволюционером Фэн Цзы-ю. В нее входили и другие агенты врага — Чжан Цзи, Цзоу Лу и Се Чжи. Что возмущало этих господ? Они даже не находили нужным скрывать, что возмущены активной работой коммунистов в деревне, где организуют массовое крестьянское движение. Помещичьи страхи и злоба сквозили в каждом слове их петиции. Этую группу тайно поддерживали многие, в том числе Чан Кай-ши, Ху Хань-минь, Дай Цзи-тао и другие. Открыто выступать они пока не смели.

Но Сунь Вэнь тверд в своих взглядах и в своей тактической линии. Еще раз он убеждается в своей правоте, читая письмо, полученное из Москвы, в котором Г. В. Чicherin излагал свое мнение относительно генерального курса в деятельности Гоминьдана.

«4 декабря 1923 года.

Дорогой товарищ!

Глубоко благодарю за Ваше любезное письмо и добрые чувства, переданные через Ваших делегатов (то есть членов военно-политической миссии, посланной Сунь Вэнем в Москву. — И. Е.)... Мы думаем, что основная задача Гоминьдана — организовать могучее движение китайского народа, и поэтому организационная и пропагандистская работа во всекитайском масштабе необходимы прежде всего. Наш пример показателен: наши военные успехи — результат многолетней организационной работы и политической подготовки наших сторонников, что привело к созданию во всей стране партии, способной победить всех противников. Вся китайская нация должна ясно видеть разницу между Гоминьданом, народной массовой партией, с одной стороны, и милитаристской диктатурой в различных частях Китая, с другой. Братские народы, как, например, монгольский, тибетский, и различные народности Западного Китая должны ясно увидеть, что Гоминьдан поддерживает их право на самоопределение... Таковы некоторые идеи, которые я выдвигаю в связи с этим вопросом. Мы должны и дальше продолжать обмен идеями и мнениями...»

Сунь Вэнь читал и улыбался. Русские всегда смотрят в корень вещей.

Как поступить с правыми? Попытаться переубедить. Не откажутся от своих взглядов — придется исключить из партии.

С коммунистами он рвать не будет. Цели коммунистов прекрасны.

В разговоре с Фэн Цзы-ю и его дружками Сунь Вэнь спросил: будут ли они поддерживать сотрудничество с коммунистами? Те ответили отрицательно. Сунь Вэнь поставил вопрос ребром. «Если вы не будете сотрудничать с коммунистами, если члены Гоминьдана будут выступать против такого сотрудничества, тогда я распущу Гоминьдан и сам вступлю в коммунистическую партию».

Сунь Вэнь был крайне раздражен происками пра-

вых и их требованием разорвать сотрудничество с коммунистами. Но он считал Коммунистическую партию Китая наиболее активной революционной силой в стране. Сунь Вэнь однажды сказал:

— Гоминьдан умирает от разложения, и необходима свежая кровь для того, чтобы его возродить...

Ему же принадлежат слова: «Гоминьдан состоит из лучших и худших людей Китая. Лучшие вдохновлены моими идеалами и стремлениями, а худшие присоединились к нам, чтобы занять теплые местечки. Если мы не сумеем освободиться от этих паразитов, тогда что же хорошего можно будет ожидать от Гоминьдана?!»

Сунь Вэнь стоял на своем. Знал, что и враги его также будут стоять на своем. Примирение невозмож но. Борьба предстоит жестокая. Он хорошо понимал, что в Китае, где в правящих кругах давно уже прибегали к убийствам противников как к средству политической борьбы, его оппоненты в конце концов тоже станут на этот путь.

Конечно, лучшая гарантия против заговорщиков и террористов — развертывание массового рабочего и крестьянского движения в стране, а пока хотя бы здесь, в Гуандуне. Коммунисты сделают все, что нужно, не надо только им мешать, напротив, надо их всячески поддерживать. Правые встревожены подъемом рабочего и крестьянского движения, а его, Сунь Вэня, это только радует. Из присланного ему отчета видно, что в одном Гуандуне в крестьянских союзах состоят миллионы крестьян, ведущих борьбу с реакционерами, грабителями — помещиками и их прихлебателями, которых в китайской деревне развелось, что червей в гробу; профсоюзы только в Кантоне объединяют около трехсот тысяч рабочих. Пока Гоминьдан разговаривал об организации масс, коммунисты успели провести замечательную работу среди рабочих и крестьян. Вот настоящие люди из народа!

Сунь Вэнь был только рад узнать о том, что организующиеся массы вооружаются и формируют отряды охраны порядка и самообороны. В одном случае Сунь Вэнь приказал послать на помощь крестьянам уезда

Гуаннин команду бронепоезда и отряд своей личной охраны, чтобы подавить бесчинства помещиков.

Готов новый устав Гоминьдана. Написал его Сунь Вэнь после бесед с Бородиным. В основу организационного строения партии кладется принцип демократического централизма. Фундамент партии — система низовых парторганизаций — ячеек; пять членов партии — ячейка. Высшая инстанция для данной организации — общее собрание. И так — доверху, до Всекитайского партийного съезда. Руководящие инстанции — выборные комитеты всех ступеней: местные, городские, районные, уездные, окружные, провинциальные. Верховный орган партии между съездами — ЦИК и ЦКК. Устав устанавливал точные сроки созыва собраний и конференций, съездов, пленумов комитетов всех ступеней до ЦИК включительно.

Это была революция в Гоминьдане. До сих пор все решения принимал один Сунь Вэнь, коллективное обсуждение было редкостью, решения не ставились на голосование. А отныне вводился новый порядок, который совмещал принцип демократии с необходимой действенной централизацией руководства. Это была структура новой организации, куда более спаянной, чем Объединенный союз. Временный ЦИК Гоминьдана проделал всю подготовительную работу по созыву первого Всекитайского съезда, установил норму представительства и порядок выборов делегатов от местных организаций. Часть делегатов была назначена от тех организаций партии, которые работали в условиях подполья на территории, занятой милитаристами.

Всего на съезд прибыло 199 делегатов от партийных организаций 18 провинций Внутреннего Китая, Северо-Востока (Маньчжурии), Внутренней Монголии, Тибета, Синьцзяна и отделов Гоминьдана за границей — из Сиднея (Австралия) и Нью-Йорка. Среди делегатов были также и коммунисты — члены Гоминьдана. Коммунисты деятельно помогали Сунь Вэню в разработке основного политического документа,

принятого конгрессом, — программы, вошедшей в историю под названием «Манифеста первого съезда Гоминьдана».

Исторический съезд открылся вечером 20 января 1924 года в Кантоне. Вступительную речь произнес Сунь Вэнь.

— Первый съезд Гоминьдана, — сказал он, — открывает собой новую эпоху. До этого, в 1911 году, когда династия была свергнута революционной волной, старые реакционеры, приставшие к движению с целью монополизировать его успехи, говорили: «Теперь, когда возникают революционные армии, революционная партия должна быть распущена». Это заявление слепо повторялось многими, и в результате народ видел войска, но не видел партии. Милитаристы убили революционный дух. И с поражением партии потерпела поражение и революция. Ибо революция не может победить, если ею не руководит революционная партия, чья задача — добиться коренного преобразования страны... Современный Китай находится в более тяжелом положении, чем когда бы то ни было. Тем не менее все еще есть основание для надежды на успешное преобразование. В течение тридцати лет революционная партия, не взирая ни на что, трудилась для революции. Когда революция победила, мы оказались в затруднении относительно того, как выполнить работу по реконструкции. Вот теперь мы нашли методы, как этого достичнуть, и этот съезд создан для того, чтобы поставить их на ваше решение. Задачи съезда: во-первых, реорганизовать Гоминьдан так, чтобы превратить его в мощную и организованную политическую партию, и, во-вторых, разработать программу национальной реконструкции.

Я хотел бы привлечь ваше внимание еще к одному вопросу. В минувшие дни наши неудачи объяснялись не тем, что враг был силен, а тем, что наша мысль и проницательность были не развиты. Это вызвало бесцельные трения между нами, раздробляя силу партии, и привело к поражению революции. Не враги наносили нам поражения, а мы сами. Поэтому, если

мы хотим победить, мы должны быть едины и среди нас должно царить единство мысли. Для того чтобы достигнуть такой степени духовного единства, которое жизненно важно для политической партии, товарищи должны быть готовы пожертвовать своей индивидуальной свободой мнения и отдать все свои способности в распоряжение партии. Только таким путем партия сможет обладать и свободой действия и способностью взвалить на свои плечи великий труд революции и преобразования страны.

В прошлом было не так. Члены партии делали что хотели, и партия в целом была скована в своих действиях. В этом причина неудач Гоминьдана. Поэтому, реорганизуя партию, наша задача состоит в том, чтобы избавить ее от всех недостатков.

Уважаемые делегаты! Посмотрите на Советскую Россию. Она была окружена врагами со всех сторон, но партия коммунистов в противовес всем контрреволюционным правительствам Колчака, Деникина и других имела свое революционное правительство, вокруг которого объединился народ, и победила... Мы живем в опасное время, и мы должны учиться урокам истории. Результаты русской революции всем очевидны, и мы должны брать с нее пример, если желаем создать сильную, организованную и дисциплинированную партию — Гоминьдан...

Делегаты ловили каждое слово Сунь Вэня. Его авторитет, сила его убеждения были так велики, что, несмотря на резкие возражения «ветеранов» против программы реорганизации и особенно курса на союз с СССР и Коммунистической партией Китая, съезд одобрил новую линию и дал Китаю хартию национального освобождения, завоевания независимости и программу национальной реконструкции.

В дни съезда Сунь Вэнь получил по телеграфу приветственное послание от главы дипломатической миссии СССР в Китае Л. Карабана. В послании было сказано: «Советский Союз выражает дружеское сочувствие китайскому народу, ведущему героическую и отважную борьбу за свое национальное освобождение и независимость...»

Несмотря на то, что в связи со съездом у Сунь Вэня каждая минута была на строгом учете, он нашел время, чтобы ответить тов. Каракану взволнованными строками:

«24 января 1924 года

Чрезвычайному полпреду СССР в Китае Л. М. Каракану.

Благодарю Вас за сердечную телеграмму с поздравлениями национальной конференции Гоминьдана.

Цель конференции — продолжить и завершить начатую в 1911 году революцию и добиться, таким образом, возрождения Китая, освобождения его от угнетения милитаризмом и капитализмом. Мы понимаем, что слабый и разделенный, но обладающий бесконечными ресурсами, Китай является Балканами Азии, могущими вызвать мировой пожар в течение ближайшего десятилетия, и что объединенный и освобожденный Китай является лучшей, если не единственной, гарантией мира в Азии и всего мира.

Конференция твердо рассчитывает на сочувствие всех народов и благодарна русскому народу, который первый выразил эти чувства. Оба народа, китайский и русский, должны работать совместно, идя по пути свободы и справедливости.

От имени национальной конференции Гоминьдана я шлю братское приветствие нашему верному соседу — Советской России.

Сунь Ят-сен».

...А на съезде шли жестокие споры с противниками линии Сунь Вэня. В страстной речи против правых Ляо Чжун-кай доказывал, что веление исторического часа — единение всех революционных сил. «Надо понять, — гневно воскликнул он, — что, только объединив силы с другими революционными партиями, мы сможем завершить революцию!»

Несколько раз слово брал Сунь Вэнь и давал отпор крикунам справа. В одном выступлении он вспо-

мнил, что на первом совещании в Шанхае, в конце декабря 1911 года, после победы революции, Сунь Цзяо-жэнъ настойчиво советовал ему ограничиться первым и вторым принципами и отбросить принцип «народного благосостояния» и даже «вообще перестать говорить об этом принципе». В результате игнорирования этого принципа народ отвернулся от Гоминьдана. Последствия известны. Между тем опыт русской революции подтверждает, что лозунг удовлетворения материальных нужд народа имеет громадное значение для победы революционного дела.

Говорил Сунь Вэнъ и о сотрудничестве с СССР и Коммунистической партией Китая.

— Китай окружен империалистическими державами, угрожающими ему. Наш съезд заседает в Кантоне — китайском городе под дулами пушек иностранных военных кораблей, стоящих на якоре на Жемчужной реке у острова Шамянь. Единственное средство справиться с этой империалистической угрозой — создать единый фронт с антиимпериалистической Россией. Сотрудничество с СССР не означает, что Китай должен ввести у себя коммунистический режим, но нам следует, безусловно, принять русский метод революционной организации, который дал русским возможность выстоять в борьбе с испытаниями гражданской войны и империалистической интервенции. Теперь о коммунистах. Они вступают в нашу партию, чтобы работать для национальной революции. Мы должны разрешить им вступать в Гоминьдан...

И все же нападки правых не прекращались. Небольшая, но влиятельная группа ярых противников нового курса партии, руководимая Дай Цзи-тао, Чжан Цзи, Се Чжи и Линь Сэнем, прибегла к двурушничеству: она втихомолку агитировала против принятия решения о сотрудничестве с СССР и коммунистами, но голосовала за их утверждение. Это были скрытые враги. Были и открытые: группа Фэн Цзы-ю, которая потерпела поражение на съезде и демонстративно покинула зал заседания.

4. Свет ленинских идей

В разгар работы съезда, 25 января 1924 года, из Москвы пришла скорбная весть о кончине В. И. Ленина. Сунь Вэнь взял слово, чтобы сообщить делегатам о тяжелой утрате. Он сказал:

— Только что получено сообщение представителя России о том, что скончался глава русского правительства — Ленин. Это известие наполняет нас чувством глубочайшей скорби. От имени съезда мы направим телеграмму с выражением соболезнования, но, прежде чем ставить этот вопрос на голосование, мне хотелось бы сказать вам несколько слов.

Известно, что русская революция произошла после китайской, однако победу она одержала раньше. Ее громадные успехи и достижения, невиданные в истории мирового революционного движения, были достигнуты благодаря самоотверженной борьбе, которую вел вождь русской революции Ленин, благодаря его мастерству в постановке и организации дела. Ленин — это великий организатор революционных побед, гений революции, замечательный образец революционера. И вот Ленина не стало. Какие же мысли рождает у нас его образ и какой урок мы должны извлечь для себя, думая о нем? Мне кажется, что революционная партия Китая может извлечь немалый урок. В чем же его смысл? В том, что мы должны укрепить фундамент нашей партии и сделать ее такой же хорошо организованной, как революционная партия России. Такова и цель настоящего съезда. Отразится как-нибудь смерть Ленина на положении в стране и международной жизни? Я думаю, что нет, так как сила идей Ленина, его боевой дух и вся его деятельность воплощены в самой партии. Ленин умер, но дело его живет. Вот что является самым поучительным для нас!..

Делегаты съезда встали со своих мест и долгой минутой молчания почтили память великого друга всех угнетенных. Съезд постановил на три дня прервать работу. В Москву была послана телеграмма с выражением соболезнования, составленная Сунь

Вэнем. В ней — чувства всего китайского народа, его печаль и в то же время убеждение в том, что дело Ленина бессмертно. В телеграмме говорилось:

«В связи с кончиной великого Ленина, ушедшего из кипучей жизни Советской России, прошу Вас передать Вашему правительству мое глубокое соболезнование. Имя Ленина и память о нем будут жить в веках. Люди и впредь будут чтить героические черты его натуры, благодаря которым он стал выдающимся политическим деятелем и вождем огромной творческой силы. Никогда не умрут и его труды, ибо они основаны на таких общественных идеях, которые, безусловно, овладеют и будут управлять мыслями и чаяниями грядущего человечества».

В Кантоне и на всей территории, находившейся под контролем кантонского правительства, был объявлен трехдневный траур. По всему Китаю прошла волна митингов и собраний памяти Ленина.

Для того чтобы выразить свое горе и свое сочувствие советским друзьям, трудящимся Кантона в феврале собирались на траурный митинг на одной из площадей города. Над трибуной высился плакат с большими иероглифами, написанными рукой Сунь Вэня:

«ДРУГ КИТАЯ, УЧИТЕЛЬ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА».

Выступали представители общественных организаций, революционных партий. Многие хотели в этот день выразить свою печаль, преклониться перед образом Владимира Ильича Ленина.

А потом над притихшим громадным собранием раздался голос Сунь Вэня. Он обращался к ушедшему другу Китая, учителю всего человечества. В голосе его было глубокое волнение. В его словах была скорбь. Была в них и глубокая вера в торжество дела Ленина. Сунь говорил мало. Но произнес весомые, знаменательные слова. По существу, это была клятва на верность народу и делу революции и торжественное обязательство идти к цели ленинским путем.

Сунь Вэнь сказал:

— На тринадцатом году Китайской Республики, в феврале месяце, я пришел со своими друзьями по-

чтить память умершего вождя России Ленина. За многие века мировой истории появлялись тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин, — исключение. Ты не только говорил и учил, но претворил свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы. Ты встречал на своем пути тысячи препятствий, которые встречаются и на моем пути. Я хочу идти твоим путем, и, хотя мои враги и против этого, мой народ будет меня приветствовать за это. Ты умер, небо не продлило твоей жизни, но в памяти угнетенных народов ты будешь жить веками, великий человек...

Эти прекрасные слова Сунь Вэня, полные искреннего преклонения перед гением Ленина, слова о ленинских идеях, которым он сочувствовал, много раз приводились в печати за прошедшие годы. К ним привыкли. Они привыкли. Но их следует прочитать по-новому, с большим вниманием.

Что хотел сказать Сунь Вэнь? Известно, что он был целеустремленным человеком и слов на ветер не бросал. То, что он говорил о Ленине, нельзя рассматривать просто как выражение чувства преклонения перед великим учителем и другом угнетенных. Такие чувства можно выразить и по-другому. Язык человеческий богат. Сунь Вэнь прекрасно владел словом. Что же он счел нужным сказать по поводу кончины Ленина? В телеграмме, направленной Советскому правительству 25 января 1924 года, Сунь Вэнь выражает уверенность, что ленинские «общественные идеи... безусловно, овладеют и будут управлять мыслями и чаяниями грядущего человечества». Он не ограничивается этим общим признанием мирового значения ленинских идей — ленинизма, а громогласно заявляет, что хочет идти по пути Ленина. И это сказано на громадном митинге в момент остройшей борьбы с реакционными группировками внутри Гоминьдана, когда уже начал складываться обширный заговор против китайской революции и лично против самого Сунь Вэня. Им-то он решительно и мужественно бросает в лицо, что, несмотря ни на что, несмотря

ни на какие угрозы и опасности, он, Сунь Вэнь, решил идти путем Ленина — путем революции, в союзе с пролетариатом и его партией! Другого объективного смысла эти заявления Сунь Вэня не имели и иметь не могли. Он понимал, что тем самым он наносит сильнейший удар по врагам революции. В это время Сунь Вэнь в ряде решающих вопросов тактики и стратегии антиимпериалистической борьбы решительно переходил на позиции пролетариата, и это-то приводило правых в неистовство.

Настроения Сунь Вэня в это время отражены также в его письме к Г. В. Чичерину:

«16 февраля 1924 года.

Дорогой товарищ Чичерин!

Я должен поблагодарить Вас за Ваше очень интересное письмо от 4 декабря 1923 года. Вы совершенно правы в том, что основной целью моей партии является создание мощного движения китайского народа, одновременно революционного и конструктивного, и что для достижения этого необходима организация и пропаганда. Мы в настоящее время интенсивно работаем в этом направлении, мы надеемся со временем проделать в Китае то, что Ваша партия была в состоянии совершить в России в смысле создания концепции государства и новой системы управления.

По этой причине мы нуждаемся в советах и помощи и ожидаем их от Вас и от других товарищей...

Кончина товарища Ленина вызвала у меня глубокую печаль. Однако работа Вашей партии, к счастью, покоится на широкой основе, ввиду чего смерть нашего Великого товарища не отразится на мощном сооружении, которое было создано Вашиими крепкими руками.

Я приветствую Вашу мысль о дальнейшем поддержании контакта между нами. И это необходимо нам не только для обмена мнениями, но и для возможных совместных усилий в мировой борьбе.

С наилучшими пожеланиями дальнейших успехов Вашему правительству —
с братским приветом *Сунь Ят-сен»*.

Курсу на сближение с лагерем пролетариата он был верен до конца. Его твердость и решимость идти новыми путями нашли отражение в основных документах, утвержденных съездом: программе демократических преобразований, включая учение о трех периодах развития государственного управления (период военного правительства, или военной операции, период воспитания народа и период конституционный) и о конституции пяти властей и четырех правах народа; в новом уставе партии и особенно в манифесте первого съезда реорганизованного Гоминьдана, разработанном Сунь Вэнем при содействии коммунистов. В основу манифеста были положены по-новому, по-революционному истолкованные в последовательном антиимпериалистическом и антифеодальном духе «Три народных принципа» Сунь Ят-сена: принцип национализма, принцип народовластвия, принцип народного благосостояния. Первый принцип провозглашал борьбу против империализма, за национальную независимость и равенство всех национальностей, населяющих Китай. Второй принцип — ликвидацию произвола и гнета милитаристов-феодалов, создание единой демократической республики, передачу власти народу. Третий принцип — улучшение условий жизни народа, передачу земли тем, кто ее обрабатывает, уничтожение налогового бремени, ограничение власти капитала путем национализации банков, путей сообщения, наиболее крупных предприятий или предприятий, занимающих монопольное положение в стране. В неразрывной связи с этими новыми революционными «Тремя народными принципами» Сунь Вэня находятся выдвинутые им же три политические установки: союз с СССР, союз с Коммунистической партией Китая, поддержка требований рабочих и крестьян, опора на рабочие и крестьянские массы. В манифесте так и говорится: «Национально-освободительное движение должно опираться на крестьян и рабочих страны, тогда оно, несомненно, завершится победой». Единый национально-революционный фронт стал фактом!

Сунь Вэнь с исключительной ясностью сформули-

ровал антиимпериалистические и антифеодальные лозунги манифеста, а также то, что китайская революция отныне неразрывно связана с борьбой угнетенных народов всего мира против империализма. В речи о значении манифеста он сказал:

— Принятие манифеста означает, что мы снова берем на себя революционные обязательства и намерены довести дело революции до победы. Наши внутриполитические задачи — это свержение милитаристов и полное освобождение угнетенного народа, а внешнеполитические — борьба против империалистической агрессии, *объединение со всеми угнетенными империализмом народами мира, чтобы при взаимной помощи и общими усилиями добиваться их освобождения*.

30 января съезд закончился, избрав руководящие органы партии: ЦИК и ЦКК Гоминьдана. В ЦИК вошли три коммуниста, в том числе Ли Да-чжао, среди кандидатов в члены ЦИК было шесть коммунистов. Коммунисты были назначены руководителями некоторых отделов ЦИК.

Сунь Вэн был избран пожизненным президентом партии.

Съезд принял важное решение о создании революционной (партийной) армии по образцу Красной Армии и об организации революционной военной школы на острове Вампу. Был назначен подготовительный комитет из семи членов для выработки положения о школе и открытия ее. Главой комитета назначили лидера левых гоминьдановцев, друга Сунь Вэня революционера Ляо Чжун-кая. В комитете активно работали коммунисты и прибывшие в Кантон советские военные специалисты. Подготовку они провели быстро и организованно. В начале мая в Вампу уже находились первые четыреста курсантов, и занятия начались. Будущие командиры получали не только военную, но и политическую подготовку — впервые в истории Китая. В школе был создан политотдел, им руководил член ЦК Коммунистической партии Китая. Комиссаром академии (представителем партии — по-китайски) Сунь Вэнь

назначил Ляо Чжун-кай. Начальником академии Сунь Вэнь решил назначить Чан Кай-ши, считая его знающим военным специалистом. Это была, как показали последующие события, серьезная ошибка, ибо Чан, скрытый милитарист, сумел использовать школу для упрочения своих позиций в создававшейся новой армии. Правда, Чан ловко маскировался, разыгрывал преданного революции человека. К тому же он долгое время был на виду, выполнял различные поручения Сунь Вэня. Ему удалось закрепиться на посту начальника школы.

Торжественное открытие школы состоялось 16 июня 1924 года. Сунь Вэнь обратился к преподавателям и слушателям с яркой, вдохновенной речью о том, каким должен быть командир революционной армии и об особой роли именно офицерской школы Вампу.

Начал он с опыта русской революции. Царский режим в России был сильнее маньчжурского в Китае, и все же русские революционеры свергли его, и их борьба увенчалась блестящим успехом. А в Китае революция произошла на шесть лет раньше, чем в России, но до сих пор не завершена. Против русской революции боролись куда более могущественные враги, чем те, которые выступали против китайской революции. Победа русской революции, говорил Сунь Вэнь, объясняется тем, что авангард революции, члены революционной партии сумели сразу после первых же успехов создать революционную армию. Опираясь на нее, русские революционеры смогли в короткое время добиться полной победы. Этому примеру должна следовать революционная партия в Китае. Но для этого каждый солдат и командир должны произвести «революцию в собственной душе», усвоить революционные идеи партии, ибо революция не обычное дело и революционная армия не обычная армия. Каждый боец такой армии берет на себя ответственность за спасение родины и народа.

Офицерская школа Вампу — подлинное детище Сунь Вэня. Из ее стен вышли тысячи командиров

и политических работников (в школе было создано специальное отделение для подготовки политических руководителей в войсках) — костяк новой, революционной армии. При школе возникли первые ее регулярные полки. Слушатели школы Вэмпу с красными галстуками поверх мундира завоевали славу в первых же боях за освобождение страны от тирании милитаристов.

Сунь Вэнь нашел время и для исполнения еще одного важного дела — организации Национального университета в Кантоне, которому впоследствии присвоили его имя.

Китаю нужны миллионы молодых специалистов, говорил он, следует уделять много внимания молодому поколению. Сам подавал этому пример. Мог отложить беседу с каким-нибудь министром, чтобы принять делегацию молодых граждан — рабочих, крестьян, студентов. Иногда ему говорили: «Молодые могут подождать». На это он отвечал: «Революцию завершат молодые, ими нельзя пренебрегать...»

Революционная волна шла быстро вверх. Это чувствовалось по всему. Росли массовые организации рабочих и крестьян. Стачек становилось все больше. И крестьянских выступлений против помещиков и их приспешников уже не сосчитать: тысячи.

Смелую и организованную забастовку провели при поддержке всего Кантона рабочие Шамяня. Все они ушли из этого иностранного квартала. Пришлось господам иностранным империалистам сдаться и отменить позорные для китайцев ограничения на вход в квартал и признать права рабочих на организацию профсоюза, созыв собраний и т. д.

В Китае в это время было уже около трех миллионов промышленных рабочих. Единый революционный фронт имел теперь крепкий авангард — proletariat, который завоевывал место гегемона в нараставшей революции.

В эти дни пекинское правительство было вынуждено под напором масс заключить с СССР договор о восстановлении дипломатических отношений между обеими странами. Договор подписали 31 мая 1924 го-

да — первый равноправный договор с иностранной державой, заключенный Китаем почти за сто лет. Эта весть вызвала в стране всеобщий восторг и восхищение Советским Союзом — искренним другом Китая.

В массах совершился глубокий процесс сплочения под знаменем революции.

Сунь Вэнь чувствовал этот душевный подъем в народе. И был этому безмерно рад. Сбывались его ожидания — народ берет свою судьбу в собственные руки.

Сердце его было полно любви к простому человеку-труженику. В это время — весной и летом 1924 года — Сунь Вэнь много разъезжал по Гуандуну, бывал среди народа, беседовал с рядовыми людьми, выслушивал их советы, нарекания, критику. Он умел слушать, и еще как! По его предложению ЦИК Гоминьдана организовал курсы руководителей крестьянского движения. В Кантон стали собираться крестьянские делегаты со всех концов Гуандуна (многие приходили пешком за десятки километров) для участия в крестьянской конференции. Крестьяне, коричневые от загара, не выезжавшие за пределы своего уезда, а то и своей деревни, быть может, в первый раз увидели громадный город — Кантон. Они шли по его улицам с бедными котомками, в больших соломенных шляпах, с палками в руках, пораженные всем увиденным, но больше всего восхищенные тем, что вот настала такая пора, когда недавно еще забитый крестьянин ходит по кантонским улицам не в поисках заработка, чтобы спасти себя и свою семью от голодной смерти, а чтобы вместе с другими делегатами от деревень вершить важные государственные дела.

Сунь Вэнь сидел в зале среди крестьянских делегатов и ходоков и внимательно слушал, о чем и что говорят эти люди, пришедшие из низов, люди от земли, от нужды. А говорили они о том, что нужно дать бедному пахарю земельный надел, избавить его от помещичьей кабалы и что та власть, которая удовлетворит эти вековые чаяния деревни, будет

иметь поддержку миллионных масс крестьянства. Вернувшись домой, он сказал:

— Это начало успехов революции. Сам народ берет в руки дело своего освобождения...

Он учил своих соратников «уважать и ценить труд». И лично подавал тому пример. 1 мая 1924 года Сунь Вэнь приехал на собрание представителей рабочих организаций Кантонса и всего Гуандуна. Китайские рабочие, сказал своим слушателям Сунь Вэнь, должны следовать примеру рабочих России. «Когда несколько лет назад русские рабочие, создав мощную организацию, свергли царя, изменили политический строй и установили свою диктатуру, они перестали допускать капиталистов к участию в политической власти. Теперь только рабочие могут там ведать делами государства. Вот каково положение ваших русских товарищей!» Китайские рабочие еще подвергаются эксплуатации, особенно иностранных капиталистов. Рабочим необходимо создать свою представительную организацию и «объединить свои усилия с усилиями рабочих иностранных государств».

Крестьянам он также настоятельно советовал организовать свои силы, создать массовые союзы и отряды крестьянской самообороны, чтобы обуздить сельских эксплуататоров. В блестящей речи — «Каждому пахарю свое поле» — Сунь Вэнь рассказал активистам крестьянского движения, съехавшимся в Кантон, что в Советском Союзе земля изъята у помещиков без всякого возмещения и распределена между нуждавшимися в ней крестьянами. И вывод он сделал такой: «Осуществляя революцию, мы должны воспринять тот справедливый русский метод и сделать так, чтобы каждый пахарь получил свое поле. Только в этом случае революцию можно будет считать завершенной». В этих словах изложена иная аграрная программа, чем та, которую Сунь Вэнь выдвигал в период 1905—1911 годов и позднее — выкуп земли у помещиков. Теперь он за «справедливый русский метод», за конфискацию земли крупных землевладельцев.

Сунь Вэнь жил в это время в большом доме в од-

ном из рабочих пригородов Кантона, занимал несколько комнат на верхнем этаже.

Внешне Сунь Вэнь мало изменился. Почти нет седины. Глаза такие же живые, как всегда. Так же подвижен. Та же живость на лице. Любит острую шутку и сам умеет пошутить.

Жадно расспрашивает каждого, кто побывал в СССР, или советского товарища, приехавшего оттуда: как идет строительство? Это интересует его больше всего. Как идет восстановление народного хозяйства? Расспрашивал с пристрастием, переспрашивал, записывал. Как поставлено народное образование, как организованы и работают дошкольные учреждения, как живут крестьяне и рабочие... А партия без Ленина? Государство? Народ? Все его интересовало.

Здесь, в этом доме, Сунь Вэнь стал испытывать недомогание. Не обращал внимания. С молодых лет страдал катаром желудка. Приписывал недомогание застарелому недугу. Но потом время от времени стали появляться боли в правом боку. Пропадал аппетит. Похудел. Скрывал боль от всех. Думал: нельзя ему покидать боевой пост. Замены еще нет. Положиться можно на Ляо. Да, безусловно. Но очень трудно ему пришлось бы со всеми этими «вождями», готовыми перегрызть горло друг другу. С ними и ему самому нелегко...

А тут еще извечные интриги правых. Затевают склоки, шумят о «засилье коммунистов», а имеют в виду его, Сунь Вэня. Пора выбросить из партии всех этих псевдореволюционеров, карьеристов и реакционеров! Он добился исключения из партии ренегата Фэн Цзы-ю. На пленуме ЦИК Гоминьдана правых основательно разгромили. Стихи. Надолго ли?

Боли изводят. И нельзя уходить. Его присутствие сейчас нужнее, чем когда-либо.

Так много дел. Партия ожила после съезда. Люди из народа идут в партию. В одной гуандунской организации вступило шестьдесят четыре тысячи крестьян и тридцать две тысячи рабочих. Это начало превращения ее в массовую организацию, состоящую глав-

ным образом из рабочих и крестьян, и это пример для всей партии. Теперь нужно очищать ее ряды от случайных людей. Теперь выдвигаются великие задачи, и среди них такая задача: покончить с влиянием империализма в Китае. Но для этого нужно искоренить это влияние в партии и изгнать из нее продажных империалистических агентов-заговорщиков.

5. Заговор

Вот и теперь созрел обширный заговор против революции, против Гоминьдана и против него самого. Что ж, он знал, что борьба предстоит жестокая.

А заговор складывается сложный, многосторонний. Задуман он в Гонконге, а может быть, и в посольском квартале в Пекине и даже еще в более далеких и «высоких» сферах. Втянуты в него все черные силы контрреволюции: правые в Гоминьдане, недобитые милитаристы, кантонские купцы — компрадоры, гуансийские и юньнаньские генералы — грабители, чжилийцы из окружения У Пей-фу. И в этом водовороте имен и групп — особая группа террористов, шныряющих вокруг, готовых по первому же сигналу нанести предательский удар.

Ядро заговора — кантонские купцы-компрадоры, сконцентрированные в своей цитадели — районе Сигуань (в западной части Кантона), имевшие самую тесную связь с английским капиталом и поддерживавшие постоянный контакт с Гонконгом, где укрывался главный дирижер контрреволюционного заговора — сэр Роберт Ходун. Чэнь Лянь-бо — главарь кантонских купцов — был человеком этого Ходуна. О реальном весе этих господ можно судить по состоянию, награбленному Чэнь Лянь-бо. Капитал его достигал двухсот миллионов долларов. И он был всего лишь агентом Роберта Ходуна и английского Гонконг-Шанхайского банка. Какими же несметными богатствами должен был обладать сам Ходун?

Чэнь Лянь-бо, занимал важный пост председателя кантонской торговой палаты — штаба хорошо организованных местных компрадоров-купцов. Купцы

имели свою частную армию, состоявшую из нескольких тысяч босяков, бродяг, беглых солдат, всяких социальных отбросов большого восточного города, развращенных еще соседством такого империалистического гнойника, как Гонконг, и такого города-притона, как Макао. Во главе этой армии, именовавшейся «шантуань», стоял тот же Чэнь Лянь-бо. Шантуань — не что иное, как своеобразная разновидность итальянских чернорубашечников Муссолини в китайско-гонконгском оформлении. Впоследствии, когда эта армия была разгромлена, Сунь Вэнь писал, что кое-кто надеялся с ее помощью установить в Кантоне «фашистское правительство». В Гонконге и возник план, который Чэнь Лянь-бо должен был осуществить, притом вполне легально, на территории Гуандуна: под видом «усилений» отрядов шантуаней сформировать из всякого отребья большую контрреволюционную армию наемников, вооружить ее новейшим оружием и сосредоточить в купеческом районе Кантона — Сигуани; укрепить оперативное взаимодействие с контрреволюционными войсками Чэнь Цзюн-мина; установить контакт с реакционными группами внутри Гоминьдана; подготовить одновременный удар по Кантону — извне (Чэнь Цзюн-мин) и изнутри (Чэнь Лянь-бо и реакционные группы в Гоминьдане) и совместными силами захватить город и свергнуть революционное правительство Сунь Вэня. Войска У Пей-фу должны были тем временем двинуться с Севера и занять весь Гуандун.

В плане контрреволюционного заговора был еще один раздел, самый секретный и тщательно оберегаемый от чужого глаза. Даже главарь «бумажных тигров» не был посвящен в его детали. Этот раздел касался физического истребления революционных руководителей, убийства Сунь Вэня и его ближайших товарищей в момент вооруженного нападения бандитов обоих Чэней на Кантон.

В этом сверхсекретном плане определенное место отводилось контрреволюционной группе Фэн Цзы-ю, уже имевшей связь с Чэнь Лянь-бо. Была взята на учет как возможный союзник и контрре-

воловицонная группа Дай Цзи-тао. Но в этом плане было кое-что и поважней: связи с командованием и штабом 2-й Гуандунской армии, с ее командующим Сюй Чун-чжи и офицерами его штаба. Сюй Чун-чжи опасался непосредственно иметь дело с заговором, он действовал при посредстве бывшего начальника кантонской полиции Вэй Бан-бина, связанного с «бумажными тиграми». В то время 2-я Гуандунская армия Сюй Чун-чжи была самой сильной по численности частью войск кантонского правительства. А командующий ее, оказывается, был связан с контрреволюционным заговором!.. Мало того, через некоего Лу Гун-ю, бывшего офицера бывшей 1-й Гуандунской армии, перешедшего на службу во 2-ю Гуандунскую армию, Сюй Чун-чжи связался с мятежником Чэнь Цзюн-мином, которому когда-то подчинялся. С заговорщиками были связаны гуансицкие и юньнаньские генералы, служившие под командой Сунь Вэня, и некоторые офицеры других частей армии кантонского правительства.

Была еще группа, наиболее засекреченная и законспирированная, — группа Чжу Чжо-вэя — Ху И-шэна. Этот Чжу, бывший офицер авиации, имел постоянный «провод» на Гонконг, откуда получал деньги и указания. При нем состоял десяток или больше платных убийц, готовых за определенную сумму выполнить любой «заказ». Чжу проживал в Кантоне открыто, никто его не трогал, все его дела (кровавые и грязные) обделялись на квартире Ху И-шэна, брата одного из виднейших гоминьдановцев Ху Хань-миня. Ху И-шэн был оборотной стороной Чжу Чжо-вэя и его наилучшей защитой. Тот выполнял, Ху И-шэн обеспечивал информацией, прикрытием, явками¹.

---

¹ 20 августа 1925 года террористы, принадлежавшие к этой организации, которой помогали многие военные из состава кантонской армии старого формирования, убили друга Сунь Вэня, председателя национального кантонского правительства Ляо Чжунь-кая, а в последующие семь месяцев — двести коммунистов и левых гоминьдановцев, верных заветам Сунь Вэня.

Существование столь обширного заговора не могло оставаться долгое время неизвестным кантонским властям. Но можно ли было ожидать, что Чан Кай-ши, под командой которого находились лучшие части кантонских войск, или Ху Хань-минь, фактически покровительствовавший своему преступному братцу И-шэну, поднимут массы на борьбу против новых злодейских замыслов империалистов и их китайского реакционного охвостья? Жизнь Сунь Вэня, само существование революционной базы на Юге были в большой опасности.

И к тому же Сунь Вэнь был болен. Тяжко болен... Еще никто не знал об этом.

В это время он выполнял еще одну трудную задачу. В январе, когда еще заседал конгресс Гоминьдана, начал он читать серию лекций о «Трех народных принципах». Заново написать то, что погибло в огне в ту страшную ночь, 16 июня 1922 года, не было ни сил, ни времени, ни материалов. Он решил устно изложить товарищам по партии свои взгляды по важнейшим вопросам теории революционного преобразования китайского общества, чтобы они могли лучше, успешнее самостоятельно вырабатывать революционное мировоззрение. Первому разделу — принципу национализма — он посвятил шесть лекций. Второму разделу — принципу народоправства — столько же. И столько же лекций думал он прочитать о третьем (важнейшем) разделе — о принципе народного благосостояния. Читал вначале по одной лекции в неделю. Иногда приходилось переносить очередную лекцию на следующую неделю или откладывать на две недели. 24 августа он читал четвертую лекцию по принципу народного благосостояния. Уже перед самым концом лекции ему стало очень плохо. Страшная боль раздирала правый бок. Он упал и потерял сознание.

Больше всех других он переживал случившееся. Нельзя показывать свои слабости на людях. И нельзя доставлять радость врагам.

Дома, когда остался один, тщательно прощупывал правую сторону живота. Печень явно увели-

чена, уплотнена, и край ее неровный. Неужели опухоль?

Советоваться с врачами? Оперироваться? Если с печенью плохо — операция ни к чему. А вмешивать в дело врачей, значит поднять шум. Нет! Его болезнь — государственная тайна. Об этом никто не должен знать. Никто. Если завтра в Сигуани узнают, что он тяжко болен, завтра же об этом будут знать Гонконг и весь враждебный мир контрреволюции, а послезавтра этот мир постарается обрушиться на революционную базу всеми силами, которые уже подготовлены тайно или развертываются явно. Но, с другой стороны, знать о том, что он, быть может, опасно болен, и ничего не предпринимать — разве это не равносильно самоубийству? Пусть! Сейчас весть о его болезни может обострить опасность для революционного дела. Значит, сейчас нужно скрывать и молчать. Только бы унять боль, не дающую ни думать, ни работать...

А тем временем громоздкая машина заговора понемногу приходит в движение: Армия шантуаней укомплектовалась новыми отрядами. Агенты Чэня набрали до двадцати тысяч головорезов. По всему Гуандуну шла «тихая» мобилизация резерва: помещичьих стражников — миньтуаней. Ждали лишь прибытия дополнительного груза оружия и боеприпасов, закупленных Чэнем в Гонконге еще в июне: семьдесят тысяч винтовок и пистолетов «маузер» и три миллиона патронов. Груз ожидался со дня на день. Другой Чэнь (Чэнь Цзюн-мин) приводил в боевую готовность свои войска: пятьдесят-семьдесят тысяч человек. И секретные группы готовились к своим операциям.

10 августа груз прибыл на норвежском пароходе «Хаф», который стал на якорь недалеко от острова Вампу. Для ввоза оружия частными лицами требовалось разрешение военного министерства. Шантуани, недолго думая, обратились к чиновнику, ведавшему выдачей таких разрешений, и тот (возможно, за взят-

ку или потому, что сочувствовал просителям) все оформил. Испрашивая разрешение, главари шантуаней, однако, скрыли, что оружие уже прибыло в Кантон. Сунь Вэнь, узнав 11 августа об этой истории, приказал: чиновника с работы снять, оружие конфисковать и передать курсантам академии Вампу, а лидерам шантуаней, господам Чэнь Лянь-бо и Чэнь Гуншу, явиться к нему для объяснений. Ни тот, ни другой не подчинились и бежали в Гонконг. А шантуани устроили сбор и потребовали выдачи их оружия, угрожая восстанием. Они отправили две тысячи своих молодчиков к дому Сунь Вэня с криками: «Возвратите оружие!» Крикунов разогнали.

Правые гоминьдановские лидеры, «союзные» гуансийские и юньнаньские генералы, тайно связанные с шантуанями, оказывали сильное давление на Сунь Вэня, чтобы склонить его к «компромиссу» — выдаче оружия заговорщикам.

20 августа кантонские купцы-компрадоры объявили забастовку и начали строить оборонительные сооружения в западных районах города, особенно в Сигуани. Сунь Вэнь приказал подтянуть войска и вооружить рабочих и окрестных крестьян. Шантуани не дремали и лихорадочно готовились к мятежу. Для обеспечения политической поддержки империалистов они 24 августа обратились к дипкорпусу в Пекине с призывом о вмешательстве. Узнав об этом, Сунь Вэнь заявил, что, желая избавить жителей Кантона от ненужных опасностей, правительство пыталось уладить конфликт с шантуанями мирными средствами, полагая, что они одумаются и подчинятся властям. Но ввиду их агрессивного поведения правительство объявляет попытку ввоза оружия актом государственной измены, который будет, безусловно, подавлен всеми средствами, имеющимися в его распоряжении. К этому Сунь Вэнь добавил, что, если шантуани будут продолжать свои военные приготовления, он, не колеблясь, прикажет открыть огонь. Пришло время, когда революция могла заговорить со своими врагами языком пушек!

На выручку шантуаням бросился британский гене-

ральный консул в Кантоне сэр Бертрам Джайлс. 29 августа он отправил Сунь Вэню «предупреждение», что в случае, если он прикажет открыть огонь по Сигуаню, английский флот начнет бомбардировку Кантона.

Сунь Вэнь с гневом и презрением отверг английские угрозы. Не те времена, господа! Первый проект ответа, составленный в министерстве иностранных дел, он забраковал. «Разве таким бесхребетным языком следует сейчас разговаривать с этими разбойниками с большой дороги!» — возмутился Сунь Вэнь. И совместно с Чэн Ю-жэнем, своим ближайшим сотрудником, написал ответ в форме обращения к внешнему миру.

Правительство «рабочей» партии, бывшее тогда у власти в Англии, едва ли могло представить себе, каким скандальным провалом закончится его авантюра в Кантоне. Ответ кантонского правительства был услышан во всем мире. Он прозвучал как пощечина зарвавшимся английским империалистам.

Английское вмешательство вызвало волну протестов в Китае и во многих других странах и в самой Англии. Наиболее горячую поддержку китайскому народу оказали советские люди. В СССР началось массовое движение под лозунгом «Руки прочь от Китая!», облетевшим весь мир.

В эти дни народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин писал в «Правде»:

«Столицей освободительного движения в Китае является Кантон. Это территориальная база демократической национально-революционной партии Гоминьдан с ее испытаным вождем старым революционером Сунь Ят-сеном во главе. В это место имперализм должен был прежде всего ударить. И эту задачу, задачу удушения освободительного движения, взяло на себя правительство Макдональда. Оно желает, чтобы в Китае при его помощи, так сказать его руками, воцарилась жестокая контрреволюция, точно так же, как с помощью правительства рабочей партии Англии держится в Болгарии правительство погромщика и палача Цанкова».

Правительству Макдональда пришлось забить отбой.

Шантуани временно присмирили.

На Севере Китая в это время началась очередная драка между чжилийскими и фынтяньскими милитаристами. Сунь Вэнь решил воспользоваться этим и нанести удар по тылам У Пей-фу. Он приказал сосредоточить часть кантонских войск в Шаогуани, недалеко от границы провинции Цзянси.

Пришли важные известия. Москва согласна предоставить кантонскому правительству заем в сумме десяти миллионов юаней на создание Центрального банка в Кантоне. И еще очень важная новость: на подходе к Кантону несколько советских транспортов с важными грузами для Национально-революционной армии.

Первый транспорт стал на якорь возле Вампу 7 октября. Его срочно разгружают. И в тот же день прибыл в Кантон первый советский военный корабль — посыльное судно «Воровский».

В восемь часов утра «Воровский», шедший ночью, осторожно, ощупью по трудному, капризному фарватеру Жемчужной реки подошел к Вампу и стал на середине реки, как раз напротив острова. Большое и волнующее событие — первый военный корабль дружественной братской страны в Кантоне! Прозвучал салют на старых фортах в ответ на приветственный салют советского корабля, прогремевший ладно, стройно, с соблюдением точных интервалов. Стоящие тут же китайский крейсер, канонерские лодки и фORTы на берегу расцвечены флагами. На пристани в честь советских моряков — торжественная арка, убранная цветами, зеленью, флагами, приветственными надписями.

Из Кантона приехали гости. Осматривали корабль. Моряки с «Воровского» гостили в Кантоне, где их встречали радушно. Возили по городу, показывали достопримечательности. Советские друзья побывали на кладбище, где покоятся останки семидесяти двух героев. Теперь тут был мавзолей-монумент.

Сунь Ят-сен прислал командиру «Воровского» дружеское письмо. Сунь Вэнь приветствует приход в китайские воды дружественного военного корабля Советского Союза, который видит свой священный долг в том, чтобы свергнуть империализм и ликвидировать угнетение малых и слабых народов. «Ваш покорный слуга... также посвятил себя борьбе за торжество китайской и мировой революции», — писал Сунь Вэнь, подчеркивая, что считает себя солдатом не только китайской, но и мировой революции.

А вслед за тем он сам появился на корабле. На «Воровском» — все в сверкании. Команда по сигналу «большой сбор» в парадной форме замерла вдоль бортов.

Сунь Вэнь, в кителе из легкой ткани защитного цвета, в брюках навыпуск, в тропическом шлеме, идет, чуть-чуть опираясь на трость. Плотный человек среднего роста. Принял рапорт командира и вместе с ним обошел строй моряков — молодец к молодцу, стройные, загорелые советские юноши. Потом осмотрел корабль и, тепло попрощавшись с командой, уехал.

9 октября Сунь Ят-сен выехал к войскам, в Шаогуань. Его сопровождала необычная охрана — вооруженные крестьянские дружины. Такие дружины были организованы коммунистами во многих уездах Гуандуна. С таким крестьянским эскортом он чувствовал себя прекрасно. Даже боли стихли.

В обращении к народу о необходимости Северного похода Сунь Вэнь писал: «Цель похода не только свержение милитаристов, но особенно империализма, от которого милитаристы зависимы. Пора вырвать с корнем контрреволюцию, чтобы Китай сбросил с себя ярмо полуколонии и стал свободным и независимым государством».

В Кантоне было плохо. Очень плохо. Не успел он уехать, как на следующий день, 10 октября, Ху Ханьминь, оставленный за «главного», приказал вернуть шантуаням половину всех конфискованных винтовок и боеприпасов.

10 октября — День независимости, годовщина

победоносного учанского революционного восстания 1911 года, стал в Кантоне днем террора и кровопролития. Получив оружие и боеприпасы, шантуани зверски расстреляли демонстрацию кантонцев: двадцать убитых, десятки раненых. Они тут же предприняли попытку захватить Кантон. Правительству пришлось перебраться на остров Вампу, под защиту курсантов военной школы и флота. По телеграфу о случившемся сообщили Сунь Вэню.

Сунь Вэнь немедленно дал указания Чан Кай-ши, оставленному в Кантоне начальником всех вооруженных сил:

«Необходимо срочно создать Революционный комитет для решения различных чрезвычайных дел. Можно и без участия Ху Хань-мина и Ван Цзин-вэя. Поскольку сейчас революция немыслима без изучения опыта России, а Ху Хань-минь потерял веру в изучение этого опыта, естественно, не следует вводить его в Революционный комитет — так будет лучше для дела... Ван Цзин-вэй тоже не является сторонником русской революции, и его также можно не вводить в комитет. Дальнейшая революционная борьба нашей партии будет безрезультатной, если мы не будем учиться у России».

Оружие, конфискованное у шантуаней, Сунь Вэнь приказал переправить в Шаогуань.

11 октября Сунь Вэнь отправил Чану новую директиву: прибывшее оружие использовать для подготовки «бесстрашной революционной армии». Ее солдат необходимо набрать из рабочих и крестьянских организаций Гуандуна и из числа стойких революционеров других провинций. Костяком этой армии должны стать курсанты школы Вампу.

12 октября он снова пишет Чану:

«...Если Вы не сможете немедленно отправить оружие в Шаогуань, то раздайте его тем отрядам наших товарищей, которые готовы уничтожить предателей моего дела... Необходимо... до конца уничтожать в нашей провинции всех предателей — солдат и купцов, чтобы сохранить таким образом территориальную базу революции».

Может быть, так лучше, думал Сунь Вэнь. Может быть, лучше, что нарыв созрел и лопнул и теперь его можно будет раз и навсегда выжечь. Но у Ревкома не хватит решительности. Надо возвращаться.

14 октября Сунь Вэнь вернулся в Кантон. Созвал заседание Ревкома. Задачу определил коротко: бунт раздавить беспощадно! Изолировать гуансийцев и юньнаньцев, которые, по его данным, уже сюхались с шантуанями. Вести в дело курсантов Вампу — они могут дать великолепный ударный отряд в две с лишним тысячи бойцов. Подтянуть войска Сюй Чун-чжи, лучшую их часть. Поднять народ. Вооружить рабочих и окрестных крестьян. Широко развернуть пропаганду — печатную и устную. Изолировать бандитов. Предъявить им ультиматум и, если не сдадутся, разгромить их артиллерийским огнем. Главное — действовать решительно и быстро. И выставить заслон против Чэнь Цзюн-мина. И этот шакал зашевелился.

Сунь Вэнь непосредственно руководил операцией. Помогали советские военные специалисты.

15 октября курсанты Вампу, вооруженные отряды рабочих и боевые дружины крестьян, а также части Сюй Чун-чжи атаковали позиции бунтовщиков. Те отчаянно дрались. Они рассчитывали на затяжные бои и на прорыв в Кантон Чэнь Цзюн-мина, на восстание гуансийцев и юньнаньцев, на вмешательство иностранных держав. Поэтому не придали значения ультиматуму: сложить оружие и разойтись. Они хоронились до 17 октября. Сунь Вэнь приказал ввести в дело артиллерию. 17 октября шантуани, потеряв до двух тысяч убитыми и ранеными, капитулировали и были разоружены.

Что потрясло господ с Запада? Быстрота и беспощадная решительность действий правительства Сунь Вэня и полнота победы молодой революционной армии над бывальми, опытными бандитами из отрядов шантуаней. С одним Чэнем было покончено. Заговору нанесен первый разящий удар.

Положение на Юге сразу резко улучшилось.

6. Последняя борьба

А в состоянии Сунь Вэня наступило резкое ухудшение. Страдания становились непереносимыми.

Но он и не думал сдаваться.

Во-первых, надо разбить и добить второго Чэня.

Во-вторых, круто изменилось положение на Севере. Один из генералов У Пей-фу, Фэн Юй-сян, покинул У и ударил по его тылам. Дивизия Фэна заняла Пекин. Армия У потерпела страшное поражение и бросилась наутек. Сам У бежал. Режим Цао Куня рухнул. «Президент» угодил в тюрьму. В столицу вернулся старый знакомый — Дуань Ци-жуй. Войск у него не было, был лишь маршальский жезл. Дуаня сделали «временным правителем государства».

Фэн высказался за поддержку Сунь Вэня, за сотрудничество с Коммунистической партией Китая и сближение с СССР. Свои войска он стал именовать «Народной армией». Фэн считал необходимым пригласить Сунь Вэня в Пекин и обсудить с ним вопрос о созыве Национального собрания для объединения страны. Дуаню пришлось подчиниться, хотя он был настроен против плана, выдвинутого Фэном.

Фэн направил Сунь Вэню дружественное послание и приглашение. Дуань послал в Кантон своего секретаря с приветом от «временного правителя» и приглашением прибыть в столицу.

Сунь Вэнь решил ехать. Северный поход отпал сам собой.

3 ноября, за несколько дней до отъезда в Пекин, Сунь Вэнь выступил с речью перед слушателями школы Вампу. Исполнилась и эта мечта. Создается революционная армия. Перед ним сотни лиц. Новая молодежь. Будущее Китая.

Он обращается к ним. О чем говорит? О необходимости изучать опыт Октябрьской революции. С этой мыслью он не расставался до последних минут жизни. Был верен своему убеждению, что нужно идти «путем Ленина». Курсанты затаив дыхание слушали.

Сунь Вэнь бледен. Говорит медленно, как бы обдумывая каждое слово:

— Успехи русской революции гораздо глубже, чем успехи революций во Франции или в Америке, происходивших более ста лет назад. Это произошло потому, что в России появился революционный мыслитель, всем известный Ленин. Он создал революционную партию с железной дисциплиной. Эта партия стала огромной силой, и успех революции в России сказался очень быстро. Эти русские революционные методы должны служить для нас прекрасным образцом...

Говорил об успехах школы, благодарили преподавателей и советских товарищей, упомянул о роли курсантов академии в разгроме «тигров» и о предстоящих операциях против Чэнь Цзюн-мина. Сделал паузу. Как-то странно посмотрел на слушателей и неожиданно сказал тихо, но внятно:

— Теперь, когда у нас есть Вампу, я могу умереть спокойно...

Слова потрясли всех, кто был в зале. Почему он сказал про смерть?

Сунь Вэнь простился с курсантами, начальниками и наставниками. Он очень устал. Вообще в последнее время быстро уставал.

Перед отъездом из Кантона состоялся ряд совещаний: о подготовке и проведении операции для разгрома и изгнания из Гуандуна шаек предателя Чэнь Цзюн-мина; об организации революционной власти; о борьбе с правыми в партии и о беспощадном пресечении заговоров и интриг.

Руководство правительенной и партийной деятельностью на Юге Сунь Ят-сен возложил на своих верных соратников. Заместителем генералиссимуса назначил Ху Хань-миня. Пригласил Ван Цзин-вэя сопровождать его.

11 ноября Сунь Вэнь опубликовал «Обращение к народу в связи с поездкой на Север». Объяснил, что главная задача — покончить с господством милитаристов и с засильем иностранного империализма, от которого зависят милитаристы. Необходимо

объединить страну и для этого созвать полномочное Национальное собрание.

«Я получил, — говорилось в обращении, — еще одно доказательство того, что любые военные силы, связанные с империализмом, неизбежно обречены на провалы, наоборот, силы, связанные с народом и ускоряющие национальную революцию, непременно одержат победу. С сегодняшнего дня наступает новая эпоха национальной революции, и она навсегда положит в нашей стране конец такому явлению, как союз армии с империализмом. На смену ему придет новое явление — сперва будет установлен союз армии с нацией, а затем сама армия станет национальной. И тогда дело национальной революции обязательно увенчается успехом».

Китайская революция имеет могущественного друга — Советский Союз.

«Не забывайте, — писал Сунь Вэнь в обращении к народу, — что там, в свободной России, раздался призыв: «Руки прочь от Китая!» Быть может, европейские капиталисты иронически относятся к этому лозунгу, думая, что он ничего не сделает, ибо Советский Союз далек от Китая. Но в том-то и дело, что для лозунгов, раздающихся из Москвы, расстояния не существует. Молниеносно они облетают всю землю и находят отклик в сердце каждого труженика. Мы знаем, какую роль сыграло сочувствие Советов в победе освобожденной Турции над ее врагами. Это сочувствие надежнее пушек... Мы знаем, что Советы никогда не становятся на сторону неправого дела. Если они за нас, значит истина за нас, а истина не может не победить, право не может не восторжествовать над насилием».

Глубока была вера Сунь Вэня в силу и значение советско-китайской дружбы!

За два дня до выезда из Кантона Сунь Вэнь присутствовал на торжественном открытии Гуандунского университета, созданного по его инициативе. Произнес краткую речь о просвещении народа.

13 ноября навсегда покинул город, с которым связана вся его революционная борьба. Знал, что не

вернется сюда никогда. Сунь Вэнь был врач. Он понимал, что с ним...

Выехали пароходом в Шанхай. Над морем дули злые ветры, холодные, колючие. В Шанхае его встретили злобным воем газетные шакалы империалистов. Но Сунь Вэнь был спокоен и тверд в решении поднять народ-гигант против империализма. В своем доме в Шанхае он провел 19 ноября 1924 года последнюю пресс-конференцию. Сказал журналистам: «Корнем всех бедствий и смут в Китае является произвол милитаристов и империализм, на котором они держатся. Чтобы избавить Китай от терзающих его бедствий и смут, в настоящее время необходимо: во-первых, разбить милитаристов и, во-вторых, разбить империалистов, помогающих милитаристам. Только покончив с этими злодеями, Китай сможет добиться мирного объединения, благополучия и спокойствия на долгие годы». Добавил, что едет в Пекин как «глашатай мирного объединения страны», но с милитаристами ни на какие компромиссы не пойдет. Он едет на Север для участия в подготовке созыва Национального собрания, целью которого должно быть: аннулирование неравноправных договоров и мирное объединение страны.

За это время в Пекине произошли важные перемены. Дуань столкнулся с маньчжурским диктатором Чжан Цзо-линем (в конце концов оба служили одному хозяину — японскому империализму!) о том, чтобы отложить переговоры о созыве Национального собрания. Войска Фэна стали уходить из Пекина, туда вступали войска Чжан Цзо-лина. Стоит ли сейчас ехать в Пекин? Не лучше ли подождать, пока обстановка не выяснится полностью? Нет, время не терпит. Весть о подготовке созыва Национального собрания была с огромным энтузиазмом встречена всей страной. Принял решение выехать в Тяньцзинь, но по несколько необычному маршруту: Шанхай — Нагасаки — Тяньцзинь: на прямые рейсы свободных билетов не было.

В Японии власти встретили его холодно. Нетрудно было понять, что это результат махинаций Дуана. В Токио Сунь Вэнь даже не заглянул. Побыл в Нагасаки, Модзи, Осака, где разгружался пароход, на котором он следовал в Тяньцзинь.

Конечно, как только он высадился в Нагасаки, его обступили журналисты. Был ему задан вопрос: верно ли, что гуандунское правительство находится в близких отношениях с Россией? Ответил: «Цели китайской революции совпадают с целями русской революции, как цели русской революции совпадают с целями китайской революции. Китайская и русская революции идут по одному пути. Поэтому Китай и Россия не только находятся в близких отношениях, но по своим революционным связям воистину составляют одну семью». Спрашивали еще, что, по его мнению, нужно для того, чтобы между Японией и Китаем установились отношения дружбы. Ответил: «Пусть Япония вернет Китаю все, что она отняла у него, как это сделала Россия!»

Не в бровь, а в глаз!..

Из Нагасаки выехали в Тяньцзинь. Переход показался Сунь Вэню долгим и мучительным. Ужасно качало. Было очень холодно, особенно для него, южанина. Простудился. Поднялась температура. Не мог глотать. Ослаб. И снова появились адские боли в правом боку. Но когда в Тяньцзине, куда прибыли 4 декабря, на пристани собралась несметная толпа, чтобы приветствовать его, он вышел на перрон с высоко поднятой головой, с глазами, полными блеска жизни. Но все заметили, что он очень бледен.

В Тяньцзине его уложили в постель. Врачи прописали полный покой. Покой! Он работал лежа. Составил проект созыва Национального собрания, рассыпал заявления, принимал общественных деятелей, писал в Кантон, вызывал оттуда людей. Он еще жив, черт побери!

На его имя приходили ежедневно в Тяньцзинь сотни телеграмм, еще больше писем. Газеты были полны сообщений о состоянии его здоровья. Приво-

дились его слова. Китай прислушивался к тому, что говорил великий Сунь. С трепетом читали вести о том, какой у него пульс, какая температура, какое самочувствие. Страна жила тем, что делалось в доме, где лежал прикованный к постели Сунь Вэнь. Вот в эти дни весь мир мог понять, как сильно китайский народ — 400—500 миллионов сердец — привязан к этому скромному человеку с большой душой и одухотворенным лицом.

Когда состояние несколько улучшилось, выехали поездом в Пекин. Было это в последний день 1924 года — 31 декабря. В Пекине пришлось сразу же лечь в постель. Болезнь усиливалась. Но он еще боролся с недугом, боролся с неослабным мужеством — как с новым врагом.

В Пекине понял, что все надежды на созыв Национального собрания в ближайшее время рухнули. Дуань планировал «конференцию по восстановлению», в которой должны были принять участие генералы-милитаристы и «уважаемые деятели», то есть старые бюрократы времен империи. Сунь наотрез отказался участвовать в обмане народа и в специальном заявлении разоблачил затею Дуаня. С этим было покончено.

Снова усилились боли.

Родные и товарищи советовали ему согласиться на операцию. Согласился. Что он терял? Хуже не будет. Лучше? Едва ли. Операцию сделал известный хирург 26 января. Что она показала? Подтвердила, что Сунь Вэнь болен страшной, неизлечимой болезнью: рак печени. Спасти его нельзя. Болезнь вступила в последнюю стадию. Сунь Вэнь был спокоен. Позерство было ему чуждо. Сказал товарищам:

— Я приехал в Пекин с целью достижения объединения страны и построения нового государства. Теперь я нахожусь в когтях неизлечимой болезни. Я не боюсь смерти. Мне только жаль, что не удалось увидеть полного осуществления идей, которых я твердо держался на протяжении десятилетий. Я надеюсь, что товарищи приложат все свои силы в борьбе за достижение цели нашей революции.

В эти дни вспоминал первых своих боевых товарищей — Лу Хао-дуна, Чэнь Ши-ляна, беседы с ними. Особенно одна беседа была памятна: о том, что настоящий революционер не ждет награды, что революционер отдает себя всего революции, которая вправе распорядиться его жизнью. И что его жизнь принадлежит революции. До последнего вздоха.

Потянулись скорбные дни февраля — марта. Уходила жизнь великого борца. Уходили последние дни, часы, минуты, мгновения. Он слабел, но сознание оставалось ясным и светлым. С ним были друзья, товарищи. В Пекин приехал из Кантона Бородин. Большого навещал Л. Каракан.

Сунь Вэнь знал, что ему предстоит выполнить некоторые обязательства перед тем, как навсегда покинет свой пост. Сказать друзьям в стране и советским товарищам то, что у него на душе в эти самые последние, самые искренние минуты в жизни. И надо было спешить. 24 февраля врач объявил, что положение больного быстро ухудшается и жизнь его продлится всего еще несколько дней.

В бессонные ночи, когда оставался один и боли не мучали, он продумывал всю прошедшую жизнь и старался найти слова, которые наиболее полно выразили бы то, что считал важным завещать своим последователям и друзьям. Надо было еще оставить завещание семье. Сыну, Сунь Фо, от которого был далеко не в восторге, он сказал, что, умирая, не оставляет никакой личной собственности и что, если бы после него остался хотя бы один цент, считал бы себя негодяем, для которого революция — одна забава. «Я оставляю после себя свое дело, — сказал Сунь Вэнь, — которое является общей собственностью партии». В завещании написал, что, посвятив всю жизнь исключительно службе народу, он не имел возможности создать себе личное состояние. Детям, уже взрослым и способным позаботиться о себе, он завещает продолжать то дело, которое вынужден оставить неоконченным.

Утром 11 марта он внимательно прочитал продиктованный им накануне текст завещания Гоминьдану и подписал его. Каждое слово этого завещания — частица души бессмертного Суня.

«Сорок лет жизни отдал я делу национальной революции, имеющей целью принести Китаю свободу и равенство. Накопив сорокалетний опыт, я глубоко осознал, что для достижения этой цели необходимо пробудить массы и вести борьбу в союзе с народами мира, строящими отношения с нами на основе равенства.

Революция и теперь еще не завершена. Чтобы довести ее до конца, мои единомышленники должны и впредь энергично действовать, руководствуясь написанными мной «Планом строительства государства», «Общей программой строительства государства», «Тремя народными принципами», а также «Манифестом I Всекитайского съезда». Особенно же необходимо в минимально кратчайший срок добиться осуществления выдвинутых мной совсем недавно требований о созыве Национального собрания и аннулирования неравноправных договоров.

Такова моя последняя воля.

Сунь Вэнь.

11 марта 1925 года».

В последние часы жизни мысль великого Суня была обращена к Москве, к братскому советскому народу, верному другу Китая. Ему он адресовал строчки, полные непоколебимой веры в нерушимость боевого союза двух великих народов. И эти чувства его и мысли он выразил в последнем обращении к Советскому Союзу:

«Дорогие товарищи члены Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик!

Меня одолел неизлечимый недуг. Мысли мои обращены и сейчас к вам, обращены к моей партии и к будущему моей страны.

Вы возглавляете Союз свободных республик. Этот Союз свободных республик есть то подлинное наследие, которое бессмертный Ленин оставил миру угне-

тенных народов. Опираясь на это наследие, народы, изнывающие под гнетом империализма, отстоят свою свободу и добьются освобождения от существующего в мире строя, издревле основанного на рабстве, войнах и своекорыстии.

Я оставляю после себя партию и надеюсь, что Гоминьдан, завершая свою историческую работу по освобождению Китая и других павших жертвой агрессии государств от империалистического строя, объединит свои усилия с вами.

Волей судьбы я вынужден оставить дело своей жизни незавершенным и передать его тем, кто свято соблюдает принципы нашей партии, наставляет и организует моих истинных единомышленников. Поэтому я завещаю Гоминьдану продолжать работу в области национально-революционного движения, чтобы Китай смог сбросить с себя ярмо, навязав которое империалисты низвели его до положения полуколониальной страны. Ради этой цели я повелел партии и впредь укреплять сотрудничество с вами. Я глубоко убежден, что и ваше правительство будет, как прежде, помогать моему государству.

Дорогие товарищи! Прощаясь с вами, я хочу выразить мою пламенную надежду — надежду на то, что скоро наступит рассвет. Настанет время, когда Советский Союз, как лучший друг и союзник, будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за свободу угнетенных наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы.

С братскими пожеланиями вам всего наилучшего
Сунь И-сянь.

11 марта 1925 года».

Он подписал послание и отдал его товарищам. Все земные дела были закончены. Свой долг он исполнил до конца.

Уже пахло весной. Всюду зеленели молодые побеги. Жизнь совершила свой вечный круговорот.

С каждым днем становилось теплей. Солнце стояло высоко над древним городом. Века прошумели над ним. Века китайской истории.

Для Сунь Вэня, для всего того, что было в нем

смертного, день жизни угасал. Но дело великого Суня восходило над Китаем подобно могучему светилу, озаряющему бесконечными, немеркнущими лучами будущее, которое вечно.

Он умер 12 марта 1925 года в 9 часов 30 минут утра. И последние произнесенные им слова были: «Мир... Борьба... Спасти Китай...»

Вот годы и дни его жизни: 58 лет 6 месяцев и 12 дней.

Имя его и борьба не будут забыты никогда.

7. В вечном строю

Печальная весть дошла до Москвы в тот же день, 12 марта. Вышедшие 14 марта утренние газеты напечатали подробные сообщения из Пекина и Кантона, отклики из многих стран мира, статьи и воспоминания о Сунь Вэне.

Весь Союз Советов искренне скорбел по поводу тяжелой утраты, которую понес братский китайский народ. К Китаю и его борьбе всегда были устремлены взоры и сердца советских людей. И в дни печали и траура, в дни скорби советские люди чувствовали ту же боль, что их китайские товарищи, ту же горечь, то же волнение. Но и ту же уверенность, что дело, которому Сунь Вэнь отдал сорок лет жизни, труда и мужественной борьбы, восторжествует!

Слова сердечного участия, слова утешения шли из Москвы в Китай. Они звучат в послании президиума ЦИК СССР китайскому народу, в соболезновании Совета Народных Комиссаров Союза ССР семье Сунь Вэня, в сотнях и тысячах писем и телеграмм, отправленных в те дни туда, в далекий, но близкий Китай рабочих и крестьян, революционных масс, патриотов.

Весь Китай был в трауре. Закрылись школы и университеты. Стали фабрики и заводы. Над зданиями советского полпредства и советских консульств были приспущены в знак траура государственные

флаги СССР. Полпред СССР в Китае Л. Каракан прибыл одним из первых, чтобы поклониться праху усопшего.

Похороны состоялись 18 марта. Пекин был на ногах. Тысячи делегаций прибыли со всех концов страны. Повсюду флаги, транспаранты, испещренные иероглифами. Гроб с прахом Сунь Вэня перенесли в Большой зал Центрального парка. Сюда для прощания с Отцом китайской революции пришло более миллиона человек.

Незримо в этом зале мимо гроба великого Суня прошли его друзья и почитатели во всем мире. Из разных стран Европы, Азии, Америки, из Австралии — отовсюду прибывали послания, в которых были и скорбь, и сочувствие, и поддержка.

Еще при жизни Сунь Вэнь выразил пожелание, чтобы его похоронили в Нанкине, столице первого китайского революционного правительства 1912 года. В 1925 году невозможно было выполнить волю покойного. Временно гроб с прахом Сунь Вэня был помещен на верхнем ярусе старинного храма на Западных холмах, недалеко от Пекина. Лишь в 1929 году он был перевезен в Нанкин и установлен в мавзолей, соруженный на Пурпурных холмах к западу от города. Здесь прах Сунь Вэня поконится и в настоящее время.

Немедленно началась борьба вокруг его имени. Самые недостойные из былого окружения покойного, люди, которым он в конце жизни не доверял, которых сторонился, захотели распорядиться его славой, его именем, его работами. Они фальсифицировали его труды, извратили его биографию. «В истории всегда бывало, что имена популярных среди угнетенных классов революционных вождей после их смерти враги их пытались присвоить себе для обмана угнетенных классов», — эти слова Ленина как нельзя лучше объясняют, почему те же реакционные клики в Гоминьдане, которые травили Сунь Вэня при его жизни, объявили его своим после его смерти. Но Сунь Вэнь никогда им не принадлежал, напротив, он вел с ними непримиримую борьбу. Ибо Сунь Вэнь был и остался революционером, верным другом народа. Поэтому он и

теперь дорог всем, для которых революционное преобразование мира — самое важное в жизни, самое великое из всех призваний.

Сунь Вэнь не был пролетарским революционером. Он возглавил революционные силы на своей родине тогда, когда там не было пролетариата, а задачи революционеров состояли в низвержении феодального гнета и средневековой монархии. Для Китая конца девятнадцатого века буржуазная революция была бы прогрессом, большим шагом вперед, социализм там еще не стоял и не мог стоять на очереди. Среди руководителей союза Сунь Вэнь отличался тем, что уже тогда пытался заглядывать несколько дальше, побуждаемый прогрессивной мыслью — мыслью о будущем, отличном от капитализма. Он выработал свою концепцию социализма — утопическую, кое в чем даже реакционную, но только потому, что Сунь полагал, что Китай сможет избежнуть капиталистического пути развития и что для этого будет достаточно уравнять права на землю. Он впадал в ту же ошибку, которая типична для русских народников. Ленин сразу подметил эту слабую сторону в мышлении Сунь Вэня и должным образом ее раскритиковал. Но Ленин воздал должное Сунь Вэню — революционному демократу, его героизму, пониманию им важности крестьянского вопроса в такой огромной крестьянской стране, как Китай. И Ленин, как известно, предсказал, что, когда в Китае укрепится рабочее движение (ибо капитализм там рос), оно возьмет на вооружение и разовьет революционно-демократическое ядро политической и аграрной программы Сунь Вэня.

Между революционным демократизмом Сунь Вэня и пролетарской идеологией не было непроходимой пропасти. Железная логика борьбы за свободу неминуемо вела Сунь Вэня к союзу с рабочим классом и его партией, а на международной арене — к союзу с СССР, с мировым пролетарским, национально-освободительным движением. Сунь Вэнь, оставаясь революционером, понимая, что только в борьбе Китай завоюет независимость и равноправие, не мог не прийти к выводу, что освобождение китайского народа от

ига империализма и феодальных пут невозможно без тесного сотрудничества всех революционных сил в стране и без поддержки революционных, антиимпериалистических сил на мировой арене. Под влиянием Великого Октября Китай включился в мировую борьбу между империализмом и угнетенными народами. К этим революционным выводам Сунь Вэнь пришел собственным путем, он почерпнул его из практики своей длительной борьбы, из анализа неудач и поражений, которые революционные силы Китая при этом понесли.

Ярким подтверждением этого может служить письмо Сунь Вэня из Кантона в Пекин, на имя полпреда СССР в Китае тов. Л. М. Каракана от 12 сентября 1924 года. В этом письме Сунь Вэнь заявляет, что «ныне пришло время для открытой борьбы с мировым империализмом в Китае». Он добавляет: «В этой борьбе я обращаюсь к Вашей великой стране за дружбой и помощью, которые помогут мне освободить Китай от мощной хватки империализма и восстановить нашу политическую и экономическую независимость». Великий китайский революционер еще при жизни мог убедиться в том, что Советская страна с готовностью оказывала китайскому народу всю возможную поддержку, проявляла горячее участие в его борьбе и искреннюю братскую дружбу, высоко ценившуюся Сунь Вэнем.

Неустанная борьба, в ходе которой формировались и совершенствовались взгляды Сунь Вэня, была лабораторией, мастерской, где вырабатывались и основные черты его идеологии.

Сунь Вэнь до конца своей жизни оставался революционером. Никакие испытания — а их выпало на его долю более чем достаточно! — не надломили его убеждений в том, что революция в конце концов одержит победу над всеми врагами. В этом сильная сторона Сунь Вэня как политического деятеля, поставленного силой обстоятельств, ходом борьбы во главе революционного движения.

Сунь Вэнь был принципиальным противником изоляции Китая от мирового революционного лагеря. Ког-

да в России произошла пролетарская революция, он, не марксист, не пролетарский деятель, а революционер-демократ, воспрянул духом, приветствовал ее всем пылом своей горячей натуры и своего революционного темперамента. Для него новая Россия — союзник в общей борьбе против империализма. Его телеграмма Ленину из Шанхая в 1918 году говорит о том, что Сунь Вэнь глубоко и верно сознавал историческое значение поворота в развитии человечества, каким явилась Октябрьская революция. В этом повороте Сунь Вэнь увидел и «великую надежду» для Китая и всех угнетенных империализмом стран. Он был прав! Он шел с открытой душой, с радостью и готовностью на союз с пролетарским государством, возникшим на развалинах романовской империи, ибо видел в этом союзе первый шаг к слиянию борьбы китайского народа с борьбой народов всего мира — за мир, за независимость, за равноправие, за прогресс. И Сунь Вэнь оставался верен этому союзу до конца своей жизни. Его прощальное послание президиуму ЦИК СССР от 11 марта 1925 года говорит о том, что и в самые последние минуты, когда жизнь уже покидала его, он думал о советских друзьях китайского народа, ибо понимал, что в этом нерушимом единстве Китая с Советским Союзом гарантия освобождения и свободы его народа, его родины.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУНЬ ЯТ-СЕНА

- 1866, 12 ноября — Родился Сунь Ят-сен (Сунь Вэнь).
- 1873—1878 — Учение в местной школе.
- 1879—1884 — Жизнь в Гонолулу (Гавайские острова) у брата, посещение начальной школы. Отъезд на родину. Знакомство с Лу Хао-дуном.
- 1885 — Первое агитационное выступление Сунь Вэня в родной деревне. Вынужденный отъезд в Гонконг. Поступление в колледж.
- 1886—1887 — Смерть отца. Женитьба. Возвращение в Кантон, работа в больнице, учение в медшколе. Знакомство с Чжэн Ши-ляном. Вступление в тайное общество «Старшие братья». Переезд в Гонконг.
- 1887—1892 — Учеба в медицинском институте. Революционная пропаганда среди студентов китайцев. Первый революционный кружок. Врачебная практика в Макао. Отъезд в Кантон.
- 1894 — Основание Союза возрождения Китая в Гонолулу.
- 1895 — Возвращение в Кантон. Подготовка вооруженного восстания в Кантоне. Аресты среди революционеров. Сунь Вэнь уезжает в Японию.
- 1895—1896 — Первое кругосветное пропагандистское путешествие Сунь Вэня. Похищение Сунь Вэня в Лондоне агентами пекинских властей. Освобождение. Отъезд в Японию.
- 1899—1900 — Подготовка восстания в Гуандуне. Неудача.
- 1901—1904 — Второе кругосветное пропагандистское путешествие Сунь Вэня. Первый набросок «Трех народных принципов». Провозглашение лозунга демократической республики.
- 1905—1911 — Основание новой революционной партии — Объединенный союз Китая. Сунь Вэнь — президент партии. Героическое восстание в Кантоне. Победоносное восстание в Учане под руководством союза. Свержение власти маньчжуров в провинциях к югу от Янцзы. Сунь Вэнь приезжает в Шанхай. Провозглашение республики.

1912—1916 — Избрание Сунь Вэня президентом Китайской республики в январе 1912 года. Правые лидеры союза стоят за уступку поста президента монархисту Юань Шикаю. Распад Объединенного союза, организация Гоминьдана. Юань Ши-кай берет курс на реставрацию монархии. Сунь Вэнь призывает ко «Второй революции». Вторая эмиграция Сунь Вэня. Сунь Вэнь в Токио. Вторая женитьба. Восстание в Южном Китае в 1916 году.

1917—1921 — Переезд в Кантон. Чрезвычайная сессия парламента избирает Сунь Вэня генералиссимусом вооруженных сил Китая. Возвращение в Шанхай. Телеграмма Сунь Вэня В. И. Ленину в связи с победой Октября в России. «Движение 4 мая 1919 года». Восстановление Гоминьдана. Отъезд Сунь Вэня в Кантон весной 1921 года.

1922—1923 — Сунь Вэнь готовит поход на Север. Переговоры Сунь Вэня с представителем КПК Ли Да-чжао о сотрудничестве Коммунистической партии Китая и Гоминьдана. Начало работ по реорганизации Гоминьдана. Переговоры Сунь Вэня с Иоффе (глава дипломатической миссии СССР в Китае) о мерах помощи Советского Союза китайскому народу. Отправка Сунь Вэнем военно-политической миссии в СССР.

1924—1925, январь 1924 — Первый съезд реорганизованного Гоминьдана. Мятеж «бумажных тигров» в Кантоне. Сунь Вэнь выезжает в Пекин для решения вопроса о созыве Национального собрания и мирного объединения страны. Резкое ухудшение здоровья Сунь Вэня.

1925, 12 марта — Смерть Сунь Вэня в Пекине.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин В. И., О китайской революции. Полное собрание сочинений, 5-е издание, т. 21, стр. 155.

Ленин В. И., Демократия и народничество в Китае. Там же, стр. 400—406.

Ленин В. И., Обновленный Китай. Там же, т. 22, стр. 189—191.

Ленин В. И., Крупный успех Китайской Республики. Там же, т. 23, стр. 28—29.

Ленин В. И., Борьба партий в Китае. Там же, стр. 138—140.

Ленин В. И., Пробуждение Азии. Там же, стр. 145—146.

Ленин В. И., Отсталая Европа и передовая Азия. Там же, стр. 166—167.

Ленин В. И., Тезисы по национальному вопросу. Там же, стр. 314—322.

Ленин В. И., Тетради по империализму. Там же, т. 28, стр. 516 и 537.

Ленин В. И., Лучше меньше, да лучше. Сочинения, 4-е издание, т. 33, стр. 445—460.

Советско-китайские отношения 1917—1957 гг. Сборник документов. Издательство Восточной литературы. М., 1959.

Советские добровольцы в Китае в 1923—1927 гг. Издательство Восточной литературы. М., 1961.

Дом-музей Сунь Ят-сена в Шанхае. Издательство «Народное искусство». Шанхай, 1959.

Белов Е. А., Революция 1911—1913 гг. в Китае. М., 1958.

Войтинский Г., Мои встречи с Сунь Ят-сеном. «Правда». 15.III. 1925 г.

Далин С., Очерки революции в Китае. М., 1927.

- Данилов В. И., Объединенная революционная лига Китая и ее роль в революции 1911—1912 гг. М., 1959.
- Ефимов Г. В., Революция 1911 г. в Китае. М., 1959.
- Его же, Великий китайский революционный демократ Сунь Ят-сен. Ленинград, 1961.
- Ли Шу, Политическая жизнь Китая в период революции 1911 г. М., 1956.
- Пын Мин, История китайско-советской дружбы. М., 1959.
- Сенин Н. Т., Общественно-политические и философские взгляды Сунь Ят-сена. М., 1956.
- Симоновская Л. В., Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф., Очерки истории Китая. М., 1956.
- Сунь Ят-сен, Избранные произведения. М., 1964.
- Его же, Капиталистическое развитие Китая. М., 1925.
- Его же, Записки китайского революционера. М., 1926.
- Тихвинский С. Л., Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вей. М., 1959.
- Его же, Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика. М., 1964.
- Его же, Вступительные статьи к «Избранным произведениям Сунь Ят-сена». М., 1964.
- Тутаев М. З., У истоков русско-китайских революционных связей (1905—1911 гг.). Казань, 1961.
- Фань Вень-лань, Новая история Китая. М., 1955.
- Чичерин Г. В., Статьи и речи. М., 1961.
- An Outline history of China. Peking. 1958.
- Cantlie Neil and Seaver George. Sir James Cantlie. London. 1939.
- Chün-tu Hsüeh. Huang Hsing and the Chinese Revolution. Stanford. 1961.
- Dingle, Edwin John. China's Revolution: 1911—1912. Shanghai. 1912.
- Jansen, Marius B. The Japanese and Sun Yat-sen. Cambridge. 1954.
- Salzmann, Erich von. Das Revolutionäre China. Berlin. 1913.
- Sharmann, L. Sun Yat-sen, his life and its meaning. New-Jork. 1934.
- Soong Cing-ling. The struggle for new China. Peking. 1952.
- Stanton, William. The Triad Society. Shanghai. 1900.
- Sun Yat-sen. Kidnapped in London. London. 1897.

Sun Yat-sen. My reminiscences. «Strand magazine». vol. XLIII, London. 1912.

Sun Jat-sen. San min Chu i. Shanghai. 1927.

D-t Sun Yat-sen. Commemorative articles and speaches. Peking. 1957.

T'ang Leang-Li. The inner history of the Chinese Revolution. London. 1930.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

Глава первая. Вэнь — крестьянский сын	5
Глава вторая. Первый призыв	22
Глава третья. Революционер всегда на посту	48

ЧАСТЬ II. ОТЕЦ РЕСПУБЛИКИ

Глава четвертая. Перед грозой	89
Глава пятая. Штурм на Янцзы	119
Глава шестая. Последние судороги дракона	164

ЧАСТЬ III. ПЛАМЕНЕЮЩИЙ ГОРИЗОНТ

Глава седьмая. Возвращение в Гуандун	202
Глава восьмая. Друзья приходят вовремя	230
Глава девятая. Человек великого дела	253
Основные даты жизни и деятельности Сунь Ят-сена	313
Краткая библиография	315

Ермашев И. (Ерухимович Исаак Иэрайлевич)
СУНЬ ЯТ-СЕН. М., «Молодая гвардия».
1964.
320 с., с илл. («Жизнь замечательных людей».
Серия биографий.) Вып. 13(388).

9(И)7

Редактор *М. Брухнов*
Художник *Ю. Арндрт*
Художественный редактор *А. Степанова*
Технический редактор *А. Бугрова*

А109095. Подписано к печати 6/XI 1964 г.
Бум. 84×108¹/₃₂. Печ. л. 10(16,4) + 5 вкл.
Уч.-изд. л. 15,6. Заказ 2159. Тираж 45 000 экз.
Цена 63 коп. Т. П. 1964 г. № 287.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

63 коп.

М О Л О Д А Я Г ВАРДИЯ